

ISSN 0494-7304 0207-4486

UNIVERSITAS TARTUENSIS

LINGUISTICA

TARTU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТАРТУСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

Alustatud 1893.a. VIHK 877 ВЫПУСК Основаны в 1893.g.

UURIMUSI GERMAANI KEELTE
SÕNAVARA JA GRAMMATIKA
ALALT

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЛЕКСИКЕ
И ГРАММАТИКЕ ГЕРМАНСКИХ
ЯЗЫКОВ

L I N G U I S T I C A

1989

ТАРТУ 1990

Toimetuskolleegium:

Paul Ariste, Karl Lepa, Mari-Ann Palm, Enn Veldi,
Juhan Tuldava (vastutav toimetaja)

Редакционная коллегия:

Пауль Аристе, Карл Лепа, Мари-Анн Пальм, Энн Вельди,
Юхан Тулдава (ответственный редактор)

Kogumik "Linguistica" ilmub alates 1969.a. Käesolevas XXII väljaandes on avaldatud rida uurimusi germaani keelte sõnavara ja grammatika alalt. Autoriteks on Tartu Ülikooli võõrfiloloogia osakonna õppejõud ja külalisautorid.

Сборник Linguistica публикуется начиная с 1969 г. Настоящий 22-й выпуск содержит статьи по лексикологии и грамматике германских языков. Авторами статей являются преподаватели отделения иностранной филологии Тартуского университета и исследователи из других городов.

The collections "Linguistica" have been published serially since 1969 (as issues of "Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis" since 1977). The present issue No. 22 contains investigations in the field of vocabulary and grammar of the Germanic languages by authors from Tartu University (Estonia) and elsewhere.

ETWAS ÜBER DIE SCHWEDISCHE MUNDART VON REIGI

Paul Ariste

Beinahe bis zum Ende des 18. Jahrhunderts war Nord-Hiiumaa (Dagö) ein schwedisches Gebiet. Die schwedische Sprache wurde in allen Stranddörfern von Käräla bis zur Kirche Reigi (Röike) gesprochen, und auch im Inneren der Insel gab es mehrere schwedische Dörfer. Die Schweden waren Freibauern, aber gehörten zum Gute von Kõrgessaare. Im Jahre 1780 kündigte der Gutsbesitzer allen Schweden für März 1781 ihre Stellen. Die Vertreibung der freien Schweden von ihren Stellen brachte die Behörden in Schwierigkeiten. Die Schweden wurden nach Südrubland übersiedelt. Im Mai 1782 kamen sie in ihre neue Heimat in der Nähe der Stadt Bereslav, wo das schwedische Dorf Gammalsvenskby gegründet wurde. In Reigi sind nur diese Schweden geblieben, die Kirchenbauern waren und später das Dorf Rootsiküla, Svenskholm (=Svenskbyn) bildeten. In diesem Dorf gab es 10 schwedische Bauernhöfe und einige Häuslerstellen, wo alle Einwohner bis zum Ende des 19. Jahrhunderts das Schwedische allgemein benutzt haben. Im 20. Jahrhundert war das schwedische Element im Schwinden.

Als ich für meine Magisterdissertation, die 1931 verteidigt wurde, estlandsschwedische mundartliche Angaben sammelte, beschloß ich auch Reigi zu besuchen. Im Mai 1928 fuhr ich auf Hiiumaa. Meine Untersuchungsreise begann in Käräla, das früher ein schwedisches Dorf Kärärdal war. Dort traf ich die letzte schwedischsprachige alte Frau Pauline Jõelaht. Von ihr habe ich verschiedene wertvolle Angaben aufgezeichnet (Ariste, P., 1935). Von Käräla ging ich weiter nach Reigi, wo ich in Rootsiküla im Bauernhause Mikaste Kristi (schwedisch Mikas Kristjans) arbeitete. Dort wohnte die Familie Beekmann, zwei Brüder und zwei Schwestern, welche untereinander immer deutsch sprachen. Im Dorfe gab es damals noch einige alte Leute, die ihre Muttersprache beherrschten oder wenigstens verstanden. Der im Jahre 1866 geborene Juhan Beekmann war ein produktiver "Sprachmeister". Der reichsschwedische Mundartenforscher Nils Tiberg hatte mit ihm schon früher gearbeitet. Meine Hauptaufgabe war die schwedischen Entsprechungen der estlandsschwedischen Lehnwörter, die auf Hiiumaa vorkamen, zu finden. Die aufgezeichneten Angaben habe ich in der Magisterdissertation (Aris-

te, P., 1933) und in einem Nachtrag (Ariste, P., 1939) publiziert. Außerdem habe ich die Namen der schwedischen Bauernhöfe und Häuslerstellen in Svensky registriert. Das Dorf hatte zwei Teile: mikas endars 'das Mikasende' und bakbjen 'das hintere Dorf'. Zum Mikasende gehörten die Bauernhöfe mikas kristjans, mikas matsas und mikas simas. Im Hinterdorf waren mehrere Bauernhöfe und Häuslerstellen, nämlich olas, andresa, toras, klaintars, hindrekus, karstas, korstas-peters, karstas-kals, karels, dovak, grava folte, veters, irjas, jakobas und notbak ~ nødbak. Im zerstörten Nachbardorfe (anfersbren) gab es vier Bauernhöfe: buiskus, fin, rabus, und harbo. Die letzten schwedischen Familien waren in Reihe Beekmann (~ Beekman) Börjer, Espenbaum, Linbäck, Quarnström und Toren.

Von Juhan Beekmann habe ich einige folkloristische und ethnographische Begriffe registriert, die in seinem Gespräch vorkamen, wie z.B. bakse 'das kalte Zimmer im Hause, wo man nur im Sommer lebte'; dohk 'Este, Wolf', daezbo dohkar 'die Esten auf Hiiumaa', drompips 'Dudelsack', jullgalt 'Weihnachtsbrot' (galt 'Eber'), oplouipas 'das Gespenst, welches nachts ins Haus kam', rim 'das Runenkalender', snogar 'das unebetene Hochzeitsgast', skotspol 'Weberschiffchen', skret 'Teufel', ein Geist, der Reichtum brachte oder den Kühen die Milch aussaugen konnte', tui skretu 'du Teufel' war ein grobes Schimpfwort; ebenso war truul 'Hexe' ein Schimpfwort; tui störantruul 'du große Hexe'; sark 'Unterrock', tip hortip 'Zopf, Haarflechte' usw. Von Juhan Beekmann habe ich auch manche Ausdrücke gehört, die für das lokale Schwedische typisch waren; baken komer, gröd ont, gröd ont 'der Schafbock kommt, weine nicht, weine nicht' (wurde einem weinenden Kinde gesagt); ko risas ut hans bolit 'was äußert sein Gesicht'; kun jor ein snelder man 'er ist ein guter Mann (Mensch)'; ko sprötar tu ter? 'was plauderst du dort?'; ve sku go to frukost 'wir müssen Frühstück nehmen gehen'; hindrek jor ein leba man 'Hindrek ist ein frivoler Mensch (Mann).

Juhan Beekmann erzählte gerne estnische und schwedische Volkswitze, die ich aufgezeichnet habe und in einem zukünftigen Aufsatz publizieren werde.

L I T E R A T U R

- Ariste P. Smarre estlandssvenska bidrag. Pauline Jöeleht, den sista svenskan i Kärda // Svia-Estonica, 1935, Tartu, S. 37-44.
- Ariste P. Eesti-rootsi laensõnad eesti keeles // Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis BXXIX 3. Tartu, 1933.
- Ariste P. Eesti-rootsi laensõnadest // Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis BXLVI 3. Tartu, 1939.

О ШВЕДСКОМ ДИАЛЕКТЕ В РЕЙГИ

Пауль Аристе

Р е з ю м е

До конца 18-го века в северной части острова Хийумаа жили во всех деревнях свободные шведские крестьяне. По указу местного помещика они выселились и переселились на Украину, где около города Береслава образовалась шведская деревня Gammalsvenskby. В Рейги осталось немногочисленное количество шведов, которые говорили на своем языке до середины 19-го века. В начале 20-го столетия в Рейги были только некоторые крестьянские семьи, которые пользовались шведским языком. От них автором замечены лексические, диалектические и другие данные, часть которых опубликована в настоящей статье.

КОГЕЗИОННЫЕ СВОЙСТВА ПРИСОЕДИНЕННОГО КОМПОНЕНТА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Н.Н. Голикова

Предложения-высказывания, входящие в состав микротекста, связаны между собой единством темы и отношением коммуникативной прогрессии, или тема-рематического развития. Вместе с тем существенно значимы и другие линии связи, часто с внешними сигналами, явно указывающими на то, что это части одного целого. По определению М.Н. Кожиной, тот результат, который порождается совокупностью всех связей, - связность, является "одним из характернейших, главнейших и вместе с тем специфических признаков текста..." (Кожина, 1980, с. II). Текст в принципе формируется по типу последовательного развертывания содержания, отталкиваясь от темы, а тема - это его "свернутое содержание, которое сопоставимо с замыслом" (Новиков, 1983, с. 23). Развертывание, детализация темы на разных этапах становления композиции текста непременно предполагает сочетаемость его отдельных, в определенной мере самостоятельных фрагментов между собой и внутри себя, чем как раз и обеспечивается внутритекстовая связность (или когезионность), внешне опознаваемая по наличию разнообразных средств - маркеров связи. Связность, что особенно подчеркивается лингвистами, реализуется на каждом участке, в каждом фрагменте текста, и в этом заключается ее отличие от ранее оговоренной целостности (Леонтьев, 1979, с. 12), которая является свойством всего текста.

Но показатели связи не обязательно проявляются внешне как ее зримо воспринимаемые маркеры. Следует иметь в виду существование внешних и внутренних, т.е. эксплицированных и имплицитных связей: если первые манифестируются формально-грамматически или формально-лексически, то вторые такой манифестации не имеют. Внешняя сторона связности "включает в себя собственно ... грамматику текста, функционирующую на уровне предложений и фрагментов текста" (Новиков, 1983, с. 27), внутренняя же ее сторона скрыта в невыраженных явно процессах интеграции темы и дифференциации ремы, а также и в других на всей линии формирования текстового континуума.

Одним из лингвистических механизмов, при помощи которо-

го осуществляется связность текста и достигается его интеграция, выступает присоединение. В настоящей работе оно понимается следующим образом: присоединение - это устоявшееся в функциональной сфере немецкого языка явление, структурно (позиционно) кодифицированное и имеющее специальное прагмакоммуникативное назначение - передавать дополнительную мысль, возникающую в процессе сообщения, даже противоположную ожидаемой концовке высказывания, с целью ее особого выделения, часто и экспрессивного подчеркивания. От опорного предложения присоединение (присоединенный компонент) обычно отделяется пунктуационно, и в силу такой своей внешней обособленности приобретает в глазах получателя информации большую смысловую нагрузку, чем члены предложения внутри предложения.

В данной статье присоединенный компонент анализируется как структурирующий элемент текста в аспекте внутритекстовой связности (когезионности), поэтому необходимо напомнить, что связи, складывающиеся между основной частью высказывательного комплекса и присоединенной частью, также способны приобретать как эксплицитный, так и имплицитный характер, т. е. они вписываются и во внутренний, и во внешний аспекты манифестации. Эксплицитно связь маркируется посредством союзов, союзных слов, предлогов, лексико-грамматических средств в виде частиц, некоторых наречий и т.д., которые представляются в поверхностно-синтаксической организации как знаки прямого соотнесения присоединения с основной частью. Имплицитно связь "встраивается" в контекст, ее логико-семантические "опоры" находятся не на поверхности, а в глубине, и могут заявлять о себе на различной протяженности текста, обуславливая не только контактную, но и дистантную реализацию отношения присоединения. Последнее, кстати, может иметь место и при внешне манифестируемой связи.

Дистантная реализация отношения присоединенного компонента и основной части информации может охватывать, о чем свидетельствует материал, несколько высказываний (предложений), микротекстов, даже несколько страниц, способствуя цементированию канвы текста, например:

Nun, die Damen konnten ja noch irgendeinen kleinen Ausflug unternommen haben, versuchte er sich einzureden, aber er glaubte sich selbst nicht mehr. Nicht ein Grup von Christa: Nicht das kleinste Wort von ihr (Kellermann, 365).

И через пятнадцать страниц:

Seine Trauer wurde eines Tages wieder geweckt, als er einen Brief von Beate aus Baden-Baden erhielt. Dem Brief lag ein hoher Scheck bei. Frau Beate dankte ihm kühl, aber sehr höflich für seine Bemühungen, sie habe sich nun ja mit ihren Brüdern geeinigt. Kein Gruß von Christa, kein Wort von Christa (Kellermann, 280).

Приведенный пример показывает, что достаточно большой отрезок текстового описания пронизан единой смысловой связью; присоединение, специально используемое отправителем информации, оказывается средством подчеркивания этого единства, вместе с подчеркиванием эмоционального состояния, переживаний описываемого лица, которые, как акцентируется, вызваны одной и той же причиной – отсутствием весточки от Кристи: "Nicht ein Gruß von Christa! Nicht das kleinste Wort von ihr!" и "Kein Gruß von Christa, kein Wort von Christa", что в качестве лейтмотива проходит через весь текст.

Очевидно, что присоединение выполняет на всем этом фоне свою текстоинтегрирующую роль на уровне "второго" плана передачи информации. Характеризуя виды информации в тексте, И.Р. Гальперин соотносит "второй" план с содержательно-подтекстовой информацией (СПИ): она, согласно развиваемой трактовке, образует вместе с содержательно-фактуальной информацией (СФИ) "своеобразный текстовый контрапункт" (Гальперин, 1981, с. 28), Особенность контрапункта состоит в том, что "две мелодии, как и две линии повествования, ... накладываются друг на друга ..., хотя одна из них является ведущей, а другая служит как бы фоном, на котором выступает первая" (там же, с. 45). Несколько далее прямо говорится о том, что "СПИ – это второй план сообщения" (там же, с. 46).

Попутно нельзя не заметить, что при контактной и дистантной реализации связи по-разному действует фактор интенсивности. В тех случаях, когда присоединенный компонент следует сразу за основной частью, т.е. контактно с ним расположен, конкретизация основной мысли мыслью, посылаемой "вдогонку", отмечена интенсивной связью между ними. Когда же присоединенный компонент присоединяет свое действие на большие участки текста, как бы рассредоточивается, интенсивность его связи с основной частью ослабевает, что соответствует характеру содержательно-подтекстовой информации: она выступает, согласно И.Р. Гальперину, как "размытое, а порой и неуловимое соотношение смысла₁ и смысла₂ в отрезке высказывания" (там же, с. 45).

Введение присоединенного компонента в основную линию развития текста характеризуется и той особенностью, о которой говорилось ранее: своим содержанием он в подавляющем большинстве случаев ориентируется на левостороннюю, центростремительную, antecedентно-устремленную связь, или ретроспективную коммуникативную зависимость. Направлением же воплощения коммуникативной интенции текста является, как известно, правосторонняя устремленность, или проспекция. Присоединенный компонент и осмысливается поэтому как своего рода *post factum*, вносящий не прямую, а хотя коммуникативно и существенную, но дополнительную информацию. Следовательно, с точки зрения общего движения текста он создает, если воспользоваться термином О.И. Москальской, "тупиковое" звено (Москальская, 1981, с. 153) на линии проспекции. И.Р. Гальперин образно называет подобное положение "передышкой" в беге линейного развертывания текста (Гальперин, 1981, с.105), и это весьма точно характеризует дисконтинуальную суть присоединения (оно ничего не вносит в становление континуума текста). В следующих примерах наглядно проступает отмеченная суть явления:

1. Ein wirklich schöner Mann war er geworden, kräftig und stattlich (Bredel, 26).

2. Kreidig sah sein Gesicht aus, grau und kreidig, es gefiel ihm nicht, ganz und gar nicht (Kellermann, 508).

Как видно, ориентация звеньев "влево" не создает продолжения повествования, а несет в себе определенный акцент, отмечая им существенный момент характеристики. Лицо до этого уже получило характеристику, в первом примере - "schön", во втором - "kreidig", но присоединенные компоненты, реализуя качественную рематическую доминанту, делают характеристику более емкой и, что важно, особо значимой в коммуникативном плане - "kräftig und stattlich" и "grau und kreidig". Ретроспекция здесь, как и вообще, порождается содержательно-фактуальной информацией: возвращая получателя к уже сообщенной мысли и расширяя ее, отправитель придает этому важное значение, для чего и привлекает внимание получателя, "заставляя его удерживать в памяти отдельные моменты сообщения" (Гальперин, 1981, с. 106).

Аналогичное употребление отражает и следующий пример:

Blas sah Herbert aus, übernächtigt (Bredel, 519).

Присоединенный компонент "übernächtigt" в конечной пози-

ции выступает в паре с экспрессивно выделенным в начале высказывания предикативно-характеризующим элементом *blaz*. Для обоих характерна в этом случае "функциональная эквивалентность", под которой должно пониматься единое назначение единиц, одинаковые цель и характер их актуализации в речевом акте (Арнольд, 1972, с. 13). А функциональная эквивалентность решает в данном конкретном употреблении задачу особо акцентировать признак, причинная суть которого заключена именно в присоединении.

Присоединенный компонент может служить, однако, и средством осуществления катафорической и центробежной (проспективно устремленной) связи, вызывая ожидание последующей информации. Уже было подчеркнуто, что "текст всегда устремлен вперед, поскольку он есть движение". Вместе с тем "каждый компонент текста так или иначе соотносится с прочим. Это приводит к образованию целой сети ретроспекций и проспекций в тексте. При этом ... ретроспекции и проспекции обусловлены не только соединением пропозиционального содержания в единое целое, но и коммуникативной установкой создателя текста, т.е. прагматически" (Богданов, 1984, с. 18). На значение прагматической установки в этом смысле указывает и И.Р. Гальперин, называя ретроспекцию и проспекцию приемами повествования, которые дают возможность адресату "яснее представить себе связь и обусловленность событий и эпизодов" и которые могут носить характер и объективно-авторский, и субъективно-читательский. Основная прагмакоммуникативная роль проспективно нацеленной когезии состоит в том, что она позволяет "предугадывать, что последует дальше, в связи с отдельными актуализированными частями текста" (Гальперин, 1981, с. 112). Ниже в качестве иллюстрации приводится микротекст, отмеченный проспективной направленностью присоединения:

Walter zögerte. Die Zelle war leer, vollkommen leer. Keine Pritsche, kein Tisch, kein Hocker, nichts, nichts, nichts (Bredel, 76).

Присоединенный компонент повторно-усилительного, абсолютизирующего характера - "vollkommen leer" - проецирует развитие содержания на линию разъяснения усилительного компонента "vollkommen", давая нагнетание признаков, которые, располагаясь в фигуре нарастающей градации, обуславливают многогранное раскрытие абсолютизированного наречием "vollkommen" смысла. Его же еще более сильное подчеркивание достигается в итоговой точке градации - в трехкратном повто-

рени "nichts, nichts, nichts". Тем самым подчеркивается яркая когезионная линия внутренней проспективно ориентированной связи микротекста.

Ретроспекция, как уже было сказано, дисконтинуальна по своей сути, так как она прерывает континуум повествования, возвращая получателя информации к чему-то уже сообщенному, к какой-то исходной детали или признаку описания. Но в этом своем качестве она способна порождать и "импульс проспекции" (термин И.Р. Гальперина, см. 1981, с. III), стимулируя предвосхищение того, что будет сообщаться далее. Функционирующему языку вообще не свойственны строго однозначные реализации языковых единиц и структур, их потенциалов, однозначные схемы таких реализаций. И в этом плане совершенно естественно, что у присоединения в текстовом потоке связи могут быть смешанно-двунаправленными, одновременно выполнять как анафорическую, так и катафорическую функции. Это значит, что двунаправленность предполагает, с одной стороны, наличие левосторонней прикрепленности, которая должна как-то сигнализироваться, а с другой, выход в правосторонний континуум, что также должно сигнализироваться тем или иным способом. В целях подтверждения сказанного приводим текстовый отрезок:

Er schwie von nun an. Und sie begriff auch. So erreicht Gitta und Benno Hellriegel den Friedhof Nowo Alexandrowskoje draußen vor der Stadt. Schweigend. Schweigende hängen am Tropf der Fakten.

Sie teilten das Schweigen mit den anderen. Sie warteten mit den nächsten Angehörigen vor den Torflügeln der Begräbnishalle. Sie warteten schweigend auf den Einlaß. Man gab sich schweigend die Hand. Der General, der wie Andrej Uniform trug, achtete, schweigend, streng auf's Protokoll (Schulz, 180).

На примере сцепления двух приведенных абзацев в единый по теме текстовой отрезок - микротекст - нетрудно заметить, что в основе этого сцепления лежит двунаправленность связи. Ключевым смысловым компонентом, или основным признаком ситуации, служит здесь schweigend, выступающее в первом абзаце как присоединение, ориентированное "влево" и "вправо": слева располагается antecedent или звено информации - Er schwie, усилению которого служит присоединяемое звено schweigend. Но здесь же полускрыто представлен и импульс правосторонней связи - "von nun an": в "an" заключено значение начала, логически предполагающее продолжение. Именно в продолжении на-

чала *Er schwieg von nun an* и прямо связанного с ним присоединения *schweigend* выстраивается далее содержание, элементы отражения которого настойчиво возвращают к исходу, в то же время развивая заданный ход через многократное, варьированное по своему характеру повторение ключевого признака. Линия варьированного повтора прочерчивается через все описание в виде номинационной цепочки: *er schwieg - schweigend - Schweigende - das Schweigen - schweigend - schweigend - schweigend*. Она оказывается ярко воплощенной линией смысловой когезии, создающей максимальное сплочение отрезка текста. На варьированный повтор в таком его значении указывается в ряде очерков по стилистике немецкого языка (см., в частности, Глушак, 1981, с. 133-134).

Присоединенный компонент способен представлять и линию ассоциативной когезии, благодаря которой подчас реализуются связи, "очень важные для декодирования содержательно-концептуальной информации" (Гальперин, 1981, с. 79). Ассоциативная когезия регулярно формируется за счет имплицитности и коннотаций. По замечанию А. Нойберга, они как "*Mitinformationen*" "не составляют никаких признаков денотата, а являются лишь коммуникативно-прагматическими показателями" (Neubert, 1981), что и объясняет особую текстовую значимость присоединения на базе ассоциативной когезии. Приводимые ниже примеры подтверждают сказанное:

1. *Wir haben verloren.*

In unseren Kochgeschirren holen magere Kinder jetzt Milch. Magere Milch. Die Kinder sind lila vor Frost. Und die Milch ist lila vor Armut (Borchert, 172).

2. *Die Kolonnen marschierten zum Exerzierplatz, wohin der Gauleiter sie befohlen hatte. Alle Welt marschierte dort hin, Züge von Arbeitern der Werke von Schellhammer, Arbeiter und Arbeiterinnen der Webereien, der Waggonfabriken, der Kesselschmieden und Warenhäuser, der Büros, alle, alle.*

Man hatte ihnen befohlen, die Rede des Gauleiters anzuhören, und sie gehorchten, um ihre Verbundenheit mit der Partei auszudrücken (Kellermann, 252).

В первом отрезке текста отражена единая смысловая линия - тяжелый для Германии конец развязанной фашистами войны за мировое господство. Определяющая для всего смысла фраза помещается в исходе описания, образуя его начальное звено: *Wir haben verloren*. Но развертывающаяся ассоциативная когезия позволяет увидеть кроме этого общего объективно-истори-

ческого результата еще и сопряженные с ним частные явления в субъективно-авторском осмыслении: *magerе Kinder* имеют такой вид потому, что единственная их пища - *magerе Milch*. Этот-то вскрывающий причинность элемент смысла и подается как "мысль вдогонку", при этом в нем заключено и многое другое, кроме сказанного, не выраженное, но ассоциативно домысливаемое: *Kinder* - не просто конкретные, истощенные, посиневшие дети - это будущее и надежда нации, ее новые ростки, которые уже безжалостно подточила война. Такова коннотация, и дальнейшие сведения способствуют углублению и расширению этого сложившегося на ассоциативной основе впечатления.

Второй отрезок текста имеет максимально конденсированный характер, потому что его цементирует гипербола *alle Welt*, которой подчинено все развертывающееся далее перечисление. Заключительным и наиболее сильным аккордом гиперболизации является синонимическое началу "*alle Welt*" конечное звено - присоединение с двойным обобщением *alle, alle*, как бы внедряющее в сознание получателя информации мысль о "всеохватности", которую он должен сам себе правильно разъяснить на основе ассоциаций по линии расшифровки коннотации - скрытой авторской иронии.

Нечто подобное проявляется и при употреблении в присоединенной части модальных слов, всегда отражающих не часть денотата, а лишь авторскую интенцию, которая, будучи распознана и воспринята, "играет важную роль относительно воздействия на адресата" (Колчанский, 1985, с. 75). Через посредство этих слов как средств выражения субъективной модальности адресат осмысливает степень достоверности содержания в ее оценке самим автором: влетаемая в канву сообщения различная степень достоверности изменяет прагматическое воздействие высказывания на мысли и поступки коммуникантов (Sendel's 1985, с. 86; см. также Скутельник, 1986). Ранее уже приводились примеры присоединений, выражаемых модальными словами или с участием модальных слов, и здесь достаточно лишь нескольких иллюстраций:

1. Um zehn Uhr fahren sie ab, um zwölf Uhr erkrankte das Mädchen, er mußte den Arzt in der Nacht rufen, wahrscheinlich Diphtherie (Kellermann, 62).

2. Sie gehörte zur untern Volksschicht, zu den Majas, das vergaß sie nicht, darin lag Stärke. Sie gaben keinem was nach, die Majos und die Majas von Madrid, sie fühlten sich als ebenso reine Spanier wie die Granden, vielleicht als rei-

nere (Feuchtwanger₁, 77).

3. Nein, nein, lieber Wolfgang, es ist nicht so einfach, die Verbindungen mit der Partei zu lösen, wie du dir das vorstellst, keineswegs (Kellermann, 375).

В приведенных примерах модальные слова "wahrscheinlich", "vielleicht", "keineswegs" переводят достоверность основного, стержневого предложения в план вероятности и даже полного отрицания достоверности, как в последнем примере, где присоединение целиком представлено модальным словом "keineswegs". В каждом случае модальное слово "излучает" эффект влияния на осмысление сообщаемого адресатом, т.е. от него исходит определенный прагмакоммуникативный эффект.

В заключение можно сказать, что когезионные свойства присоединенного компонента проявляются в художественном тексте весьма разнообразно, на линиях как контактной, так и дистантной связи между ним и основной частью высказывания. Интенсивность связи более ощутима при контактном расположении основной и присоединяемой части, их же дистантное расположение ослабляет интенсивность, хотя делает линию более протяженной. В преобладающем большинстве случаев присоединенный компонент отмечен ретроспективной направленностью, дисконтинуальностью по отношению к развитию текста, что отвечает его коммуникативной сути как мысли, посылаемой "вдогонку". Но для художественного текста в принципе не характерны лишь однозначные схемы построения, поэтому и присоединение модифицируется в нем под влиянием особенностей формирования "второго плана" содержания, приобретая способность ориентироваться на проспективную линию описания и нередко имплицитно в себе потенции двусторонней, ретроспективно-проспективной, ориентации.

Л и т е р а т у р а

- Арнольд И.В., Бонникова И.А. Лингвистический и стилистический контекст // Стиль и контекст. - Л., 1972. - С. 1-13.
- Богданов В.В. Деятельностный аспект семантики // Прагматика и семантика синтаксических единиц. - Калинин, 1984. - С. 12-23.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. - М.: Наука, 1981. - 138 с.
- Glück T.S. Funktionalstilistik des Deutschen. - Minsk: Wyzschojschaja Schkola, 1981. - 173 S.

Кожина М.Н. Об отношении стилистики к лингвистике текста // Функциональный стиль научной прозы. - М., 1980. - С. 3-17.

Kolßenskiј G.V. Kommunikationslinguistische Probleme und Fremdsprachenunterricht // Deutsch als Fremdsprache. - 1985. - N 2. - S. 73-78.

Леонтьев А.А. Понятие текста в современной лингвистике и психологии // Психологическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. - Киев, 1979. - С. 7-18.

Москальская О.И. Грамматика текста. - М.: Высшая школа, 1981. - 183 с.

Neubert A. Zu einigen aktuellen Problemen der lexikalischen Semantik // Sitzungsberichte der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch - historische Klasse. - Berlin, 1981. - Bd. 121, N. 6.

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. - М.: Наука, 1983. - 215 с.

Sendel's E.J. Pragmatik, Semantik und Konnotation in der Grammatik // Deutsch als Fremdsprache. - 1985. - N 2. - S. 84-88.

Скутельник Н.Ф. Модальные слова в текстовой реализации современного немецкого языка: Дис. ... канд. филол. наук. - Львов, 1986. - 178 с.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Borchert W. Prosa. Draußen vor der Tür. Lyrik. - Moskau: Progress, 1970. - 255 S.

Bredel W. Die Enkel. - Berlin: Aufbau, 1963. - 610 S.

Feuchtwanger L. Goya oder der arge Weg der Erkenntnis. - Berlin und Weimar: Aufbau, 1975. - 658 S.

Kellermann B. Totentanz. - 2. Aufl. - Berlin: Volk und Welt, 1983. - 512 S.

Schulz M.-W. Wir sind nicht Staub im Wind. - Halle (Saale): Mitteldeutscher Verlag, 1963. - 569 S.

DIE KOHÄRENZEIGENSCHAFTEN DER NACHGETRAGENEN KOMPONENTE
IN DER DEUTSCHEN SPRACHE

N.N. Golikova

R e s ü m e e

Im vorliegenden Artikel wird die Rolle der nachgetragenen Komponente bei der Organisation der strukturell-
semantischen Kohärenz des Textes gezeigt. Der Autor betrachtet die Fragen der Semantik der Sprache, ihrer Formen und der Ausdrucksmittel.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АФФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ
ДЕРИВАТОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

О.Ю. Головинская

Данная статья посвящается рассмотрению влияния, оказываемого словообразовательными характеристиками глагола на его синтаксическую сочетаемость, что является частью комплексной темы, разрабатываемой группой исследователей в Смоленском госпединституте имени К. Маркса.

Материалом анализа послужил список глаголов современного английского языка, образованных путем присоединения деривационных аффиксов к производящим основам на последней ступени деривации, который был составлен методом сплошной выборки из генерального списка глаголов, зафиксированных в *The Concise Oxford Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 6 ed., 1977* и включает 2422 единицы.

В качестве словообразовательных характеристик глагола рассматриваются префиксы и суффиксы, входящие в его состав. Данный вид признаков анализируется как на обобщенном, так и на конкретном уровне. В предлагаемой статье анализируются 33 префикса (a^1 , a^2 , $ab-$, $be-$, $circum-$, $co-$, $counter-$, $de-$, $dis-$, $e-$, $en-$, $extra-$, $for-$, $fore-$, $in-$, $inter-$, $mis-$, $o-$, $out-$, $over-$, $par-$, $per-$, $post-$, $pre-$, $pro-$, $re-$, $retro-$, $sub-$, $super-$, $trans-$, $un-$, $under-$, $up-$) и 7 суффиксов ($-ate$, $-en$, $-er$, $-ish$, $-ize$, $-fy$, $-le$).

Под синтаксической характеристикой глагола понимается его способность или неспособность сочетаться с той или иной синтаксической позицией. В данной статье к анализу привлекаются 5 следующих характеристик: сочетаемость с прямым дополнением (VP-Od), сочетаемость с косвенным дополнением (VP-Oi), сочетаемость с обстоятельством (VP-Mod), сочетаемость с придаточным дополнительным предложением (VP-Cl), отсутствие правого синтаксического окружения (S-VP). Перечисленные характеристики определялись на основании данных словаря *The Advanced Learner's Dictionary of Current English* (Hornby, 1974).

Влияние, оказываемое наличием деривационных аффиксов в составе глагола на его синтаксическую сочетаемость, определяется на основании результатов частотного и корреляционного анализа. Вследствие отсутствия надежных критериев оценки

значимости частотности того или иного признака, частотный анализ не позволяет однозначно ответить на вопрос о релевантности данного признака для рассматриваемого множества единиц. Необходимость определения значимых связей требует применения более точных методов обработки. Целесообразным является использование методики, направленной на выявление и количественное оценивание соотношений между качественными дихотомическими признаками языковых единиц (Сильницкий Г.Т., Кристаллинский Р.Е., Андреев С.Н., Кузьмин Л.А., Бартков Б.И., 1984).

В качестве показателя связи словообразовательных и синтаксических характеристик аффиксальных глагольных дериватов в предлагаемой работе используется коэффициент Пирсона, являющийся широко применяемым показателем связи между дихотомическими качественными признаками (Дунин-Барковский И.В., Смирнов Н.В., 1955; Гласс Д., Стэнли Д., 1976; Миркин Б.Г., 1980).

Коэффициент Пирсона был использован для изучения словообразовательных явлений в ряде работ (Андреев С.Н., 1980; Кузьмин Л.А., 1980; Рахмилевич М.Н., 1983). В данной работе релевантными считаются коэффициенты, равные или превышающие 0,04 по абсолютной величине.

Результаты анализа частотности пяти рассматриваемых синтаксических признаков, проведенного как для глагольной системы в целом так и для подсистем префиксальных и суффиксальных глаголов, и корреляционного анализа приводятся в Таблицах I и 2.

Таблица I

Соотношение префиксального способа образования глаголов и их синтаксических характеристик

	Частотность для префикс. произв. глаг.	Частотность для глагольн. системы	Коэффициент корреляции с префикс.
VP-Od	94,11%	89,49%	+0,12
VP-Oi	23,53%	31,74%	-0,06
VP-Mod	4,53%	27,85%	-0,20
VP-Cl	3,20%	4,00%	--
S-VP	27,33%	46,24%	-0,14

Как видно из приведенной таблицы, частотность позиции прямого дополнения для префиксальных дериватов выше, чем для глагольной системы в целом. Можно предположить, что дан-

ная синтаксическая характеристика является более значимой для глаголов, имеющих в своем составе деривационные префиксы. Полученный коэффициент подтверждает это предположение. При этом необходимо подчеркнуть, что позитивная соотносительность глагольного префикса с прямым дополнением выделяется на фоне всей глагольной системы, которую позволяет учитывать применяемая методика. Таким образом, присоединение префикса способствует превращению глагола из нетранзитивного в транзитивный: *grow-overgrow*, *lie-belie*, *fly-outfly*.

Частотность позиций косвенного дополнения, обстоятельства и придаточного дополнительного предложения в общей глагольной системе выше, чем для префиксальных дериватов. Корреляционный анализ показывает, что сочетаемость с двумя первыми позициями не является в целом характерной для данного вида глаголов. Придаточное дополнительное предложение нейтрально по отношению к префиксации. Нулевая синтаксическая валентность имеет большую частотность для общей глагольной системы и отрицательно коррелирует с префиксацией, то есть префиксальные дериваты тяготеют к наличию у них правого синтаксического окружения, они в значительной степени не являются синтаксически самодостаточными.

Таблица 2

Соотношение суффиксального способа образования глаголов и их синтаксических характеристик

	Частотность для суффикс. произв. глаг.	Частотность для глагольн. системы	Коэффициент корреляции с суффикс.
VP-Od	94,76%	89,49%	+0,05
VP-Oi	14,71%	31,74%	-0,11
VP-Mod	10,66%	27,85%	-0,12
VP-Cl	0,64%	4,00%	-0,05
S-VP	46,33%	46,24%	-

Как видно из приведенной таблицы, позиция прямого дополнения для суффиксальных глаголов является более частотной, чем для глагольной системы в целом, то есть данная характеристика имеет большую значимость для подсистемы суффиксальных глагольных дериватов, что и подтверждается полученным коэффициентом. Таким образом, наличие суффикса способствует сочетаемости глагола с прямым дополнением, однако в меньшей степени, чем наличие префикса.

Косвенное дополнение, обстоятельство и придаточное дополнительное предложение характеризуются взаимной несовместимостью с суффиксацией. Наличие суффикса в наибольшей степени препятствует сочетаемости глагола с косвенным дополнением и обстоятельством.

Отсутствие правого синтаксического окружения имеет примерно одинаковую частотность как для глаголов в целом, так и для суффиксальных дериватов. Результаты корреляционного анализа указывают на то, что наличие суффикса в составе производного глагола является, в целом, нейтральным относительно нулевой правой синтаксической валентности, то есть для суффиксальных глагольных дериватов одинаково релевантно как наличие, так и отсутствие правого окружения.

Итак, префиксальные и суффиксальные производные глаголы различаются по их синтаксическим признакам: первые тяготеют к наличию у них правой синтаксической валентности, причем наибольшую значимость для них имеет позиция прямого дополнения, вторые являются нейтральными относительно нулевой валентности, причем косвенное дополнение отмечено значительной степенью несовместимости с суффиксацией.

На основании полученных результатов можно выдвинуть следующую гипотезу: большая связанность префиксации с правым синтаксическим окружением объясняется тем, что данный способ глагольной деривации связан преимущественно с глагольными производящими основами (Короткова О.Ю., 1982, с. 36), то есть при совпадении частеречной принадлежности производящей и производной основ наблюдается наибольшее совпадение их синтаксической валентности. Иными словами, префиксальные глаголы, производные преимущественно от глагольных частей речи, в значительной степени сохраняют правую валентность, которая в той или иной мере нейтрализуется у суффиксальных глаголов, производных от других, неглагольных, частей речи (Короткова О.Ю., 1982, с. 36).

В этом отношении особенно показательна повышенная сочетаемость префиксальных производных глаголов с позицией прямого дополнения, которая отличается от остальных тем, что она входит в состав только глагольной правой синтаксической валентности и не встречается ни при каких других частях речи (Сильницкий Г.Г., 1975), поэтому именно прямое дополнение, характерное для синтаксической валентности глагольных, но не именных, основ имеет наибольшую степень вероятности

сохранения при производных префиксальных (отглагольных) глаголах.

Результаты, полученные при рассмотрении взаимодействия конкретных аффиксов и синтаксических характеристик с помощью методики корреляционного анализа, приведены в Таблицах 3 и 4.

Таблица 3

Соотношение конкретных префиксов
и синтаксических характеристик

№	Префикс	VP-Od	VP-Oi	VP-Mod	VP-Cl	S-VP
1	a ¹	-	-	-	+0,04	-
2	be-	-	-	-	-	-0,07
3	de-	-	-0,04	-0,07	-	-
4	dis-	-	-	-0,09	-	-0,05
5	en-	+0,06	-	-0,10	-	-0,05
6	mis-	-	-0,04	-0,05	-	-
7	over-	-	-0,05	-0,05	-	-
8	re-	-	-	-0,05	-	-

Как видно из приведенной таблицы, из 14 полученных значимых коэффициентов 2 являются положительными, 12 - отрицательными. Префикс en- оказывает положительное воздействие на сочетаемость дериватов с прямым дополнением, префикс a¹ в составе глагола позитивно влияет на сочетаемость последнего с придаточным дополнительным предложением.

Из всех рассмотренных префиксов значимые соотношения с синтаксическими признаками имеют 8. Наибольшее количество релевантных корреляций зафиксировано у префикса en-. Префиксы de-, mis-, dis-, over- связаны значимыми соотношениями с 2 синтаксическими позициями. Префиксы a¹, be-, re- характеризуются одной релевантной корреляцией.

Анализ полученных данных с точки зрения синтаксических признаков показывает, что позиция прямого дополнения является положительно связанной только с префиксом en-. Косвенное дополнение имеет значимые корреляции с тремя префиксами: de-, mis-, over-, причем все они являются отрицательными, то есть наличие указанных префиксов в составе глаголов препятствует сочетаемости последних с косвенным дополнением. Позиция обстоятельства характеризуется негативными релевантными соотношениями с префиксами de-, dis-, en-, mis-, over-, re-. Сочетаемость с придаточным дополнительным предложением характерна для глаголов с префиксом a¹. Синтаксический при-

знак "отсутствие правого окружения" коррелирует с тремя конкретными префиксами: be-, dis-, en-, причем во всех трех случаях связь является отрицательной.

Таблица 4

Соотношение конкретных суффиксов
и синтаксических признаков

№	Суффикс	VP-Od	VP-Oi	VP-Mod	VP-C1	S-VP
1	-ate	-	-0,07	-0,II	-0,04	-
2	-en	+0,08	-0,04	-	-	+0,06
3	-fy	+0,04	-0,05	-0,06	-	-
4	-ize	-	-0,II	-0,I2	-0,04	-0,04
5	-le	-	-0,04	-	-	-

Как видно из таблицы, из 35 полученных коэффициентов 14 являются релевантными: 3 коэффициента отражают положительную соотнесенность анализируемых признаков, II коэффициентов - отрицательную.

Из 7 рассмотренных суффиксов значимые соотношения с синтаксическими характеристиками имеют 5 единиц. Наибольшее количество релевантных корреляций дает суффикс -ize, который соотносится с 4 синтаксическими позициями. Суффиксы -ate, -en, -fy оказывают влияние на сочетаемость глаголов с 3 синтаксическими позициями. Суффикс -le является связанным только с косвенным дополнением.

Максимальный по абсолютной величине положительный коэффициент дает корреляция суффикса -en и прямого дополнения. Наиболее сильная отрицательная корреляция зафиксирована у суффикса -ize и позиции обстоятельства.

Рассмотрение полученных результатов с точки зрения синтаксических признаков показывает, что косвенное дополнение превосходит другие позиции по числу значимых соотношений с конкретными суффиксами. Обстоятельство дает 3 релевантных коэффициента. У прямого дополнения, придаточного дополнительного предложения, нулевой синтаксической валентности зафиксировано по 2 значимых соотношения. При этом следует отметить, что придаточное дополнительное предложение имеет корреляции, являющиеся самыми слабыми по степени.

Таким образом, результаты анализа, проведенного на обобщенном и конкретном уровнях в целом не противоречат друг другу и позволяют сделать следующие выводы:

1. Наличие в составе глаголов деривационных префиксов и суффиксов оказывает влияние на синтаксическую сочетаемость данных глаголов. Связь деривационных и синтаксических признаков имеет четко выраженные особенности: отнесенность глаголов к классу аффиксальных дериватов способствует их сочетаемости с прямым дополнением и препятствует их сочетаемости с косвенным дополнением, обстоятельством и придаточным дополнительным предложением. Для аффиксальных дериватов употребление без правого синтаксического окружения, в целом, не является характерным.

2. Существенные различия наблюдаются в синтаксических признаках префиксальных и суффиксальных производных глаголов. Префиксальные дериваты характеризуются значительно меньшей степенью "синтаксической самодостаточности", чем суффиксальные дериваты, являющиеся более нейтральными относительно данного признака. Для префиксальных глаголов особенно значимой является способность сочетаться с позицией прямого дополнения. Суффиксальные глаголы имеют достаточно высокую степень несовместимости с косвенным дополнением.

3. В качестве гипотезы, объясняющей названные выше особенности может быть выдвинуто предположение о том, что синтаксическая валентность производной основы в значительной мере определяется синтаксическими признаками производящей единицы. Разнообразие синтаксической валентности глагольных основ, выступающих в качестве производящих баз при префиксации, проявляется в несовместимости префиксальных дериватов с отсутствием правого синтаксического окружения. Для суффиксальных глаголов, производных от других частей речи, данный признак является нейтральным.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Андреев С.Н. Сочетаемость глагольных основ с суффиксами -шефт и -ion в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Минск, 1980. - 16 с.
- Бартков Б.И. Корреляционный анализ в дериватологии // Дериватология и дериватография литературной нормы и научного стиля. - Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1984. - С. 3-27.
- Гласс Дж., Стэнли Дж. Стилистические методы в педагогике и психологии. - М.: Прогресс, 1976. - 495 с.
- Дунин-Барковский И.В., Смирнов Н.В. Теория вероятностей и математическая статистика в технике. - М.: Гостехиздат, 1955. - 556 с.
- Короткова О.Ю. Аффиксальные производные глаголы в современном английском языке // Проблемы словообразования в английском и немецком языках. - Смоленск, 1982. - С. 28-36.
- Кузьмин Л.А. Факторы, определяющие сочетаемость глагольных основ с суффиксами -able и -ive в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1980. - 20 с.
- Миркин Б.Г. Анализ качественных признаков и структур. - М.: Статистика, 1980. - 319 с.
- Рахмилевич М.Н. Соотношение словообразовательной модели и предложения: На материале английских отглагольных существительных с суффиксами -er, -ee: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Калинин, 1983. - 15 с.
- Сильницкий Г.Г. Синтаксические типы припредикативных позиций // Диатезы и залогы: Тезисы конференции АН СССР. - Л., 1975. - С. 52-58.
- Сильницкий Г.Г., Кристаллинский Р.Е., Андреев С.Н., Кузьмин Л.А. О некоторых математических методах классификации лексических единиц и их признаков // Проблемы словообразования в английском и немецком языках. - Смоленск, 1982. - С. 5-19.

THE SYNTACTIC CHARACTERISTICS OF AFFIXAL VERBAL DERIVATIVES IN MODERN ENGLISH

Olga Golovinskaya

S u m m a r y

The paper deals with the problem of correlation between different types of characteristics of lexical units. The investigation is carried out on the material of prefixal and suffixal verbs and their syntactic characteristics. The influence of the derivational structure of the given verbs upon their syntactic valency is estimated on the basis of the results of frequency and correlative analysis.

СТРУКТУРНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НЕМЕЦКИХ ЗАГЛАВНЫХ ГРАФЕМ

Б.Н. Гвоздович

Всякая графема состоит из определенных элементов, типичных для данного алфавита, число которых в звуко-буквенных системах письма всегда значительно меньше числа букв⁺. Так, русский алфавит состоит из 33 букв, которые построены всего из 12 структурных элементов. Это происходит потому, что один и тот же элемент, во-первых, может два или более раз входить в состав одной и той же графемы. Так, большая прямая вертикальная линия дважды входит в состав русских графем М, Н, И, П и трижды в состав графем Ш и Щ. А во-вторых, потому что один и тот же элемент входит в структуру двух, трех и более графем. Так, малый полуовал, открытый влево, входит в структуру пяти русских графем - Б, В, Р, Ъ, Ь, а горизонтальная черта в структуру 10 русских графем - А, Б, Г, Д, Е, Н, П, Т, Ц, Ч.

Но графемы различаются не только характером и числом структурных элементов, но и их местом в структуре графем. Так, в состав русских заглавных графем Н, Т и Г входит горизонтальная черта, но в Н она расположена в центре графемы, а в Т и Г наверху, причем в Т она примыкает к большой прямой вертикальной линии своей серединой, а в Г - левым краем.

Соединяясь в разных комбинациях и занимая в структуре графем разное место, структурные элементы обеспечивают индивидуальность каждой графемы внутри данного алфавита и индивидуальность данного алфавита по отношению к другим алфавитам - ср., например, А-Б-К-М-Н и F-N-Q-R-S. С этой точки зрения каждую графему можно рассматривать как индивидуальную, характерную только для нее комбинацию структурных элементов, типичных для данного алфавита.

Если выделить эти элементы и определить их место в плоскости графем, то оказывается возможным описать любую графему данного алфавита через набор и положение составляющих ее структурных элементов. Такое описание открывает возможность классификации графем по их внутреннему строению, т.е. не обращаясь к фонемам, которые они обозначают.

⁺ По мнению Т.М. Николаевой, оптимальное число структурных элементов N в конечном множестве графем M должно описываться формулой $N = -\log_2 M$ (см. Николаева Т. М., 1969).

Описание графем по их структурным элементам, построение и исследование системы графем, основанное не на ее взаимоотношениях с фонологической системой языка, а на характере и месте элементов, составляющих единицы алфавита, имеет как теоретическое, так и прикладное значение. В теоретическом плане оно продвигает вперед исследование феномена письменного языка как относительно автономной системы коммуникации. В прикладном отношении такое описание может способствовать решению ряда проблем, например, проникновению в механизм распознавания букв в процессе чтения, который пока что изучен недостаточно (см., например, Гусева Е.К., 1973, с. 223).

Интерес к внутренней организации системы графем появился в языкознании в 30-е годы. Первым попытался классифицировать графемы вне их связи с фонемами В.А. Артемов. При этом он не выделял структурных элементов графем, а искал п р и н ц и п ы их построения, к которым он отнес:

- зеркальность : b/p,
- удвоение : v/w,
- перевернутость : n/u,
- качественную модификацию : o/q,
- диакритическую модификацию : a/ä (см. Артемов

В.А., 1933).

Сиртсема первым противопоставил пары графем, которые совпадали по одним и отличались по другим элементам: F/E, P/B. Но эти противопоставления служили ему не объектом исследования, а лишь подтверждением того, что свои "корреляционные ряды" есть не только в фонологической системе языка (см. Siertsema B., 1965, p. 122).

В 60-е годы были впервые выполнены исследования, направленные на установление структурных элементов графем и их классификацию на этой основе. Т.М. Николаева выделила в составе русских графем 8 структурных элементов. При этом она не делала различия между однотипными элементами графем, отличающимися, например, наклоном в разные стороны. По мнению Т. М. Николаевой, вертикальная черта с наклоном влево и такая же черта с наклоном вправо - это один и тот же элемент, а различия возникают уже на уровне графем, если таковые построены с и м м е т р и ч н о : ср., например, русские графемы А, Ж, Ф, Х и др. Т.М. Николаева впервые предприняла структурную классификацию графем, по которой все они сначала делятся на два класса - на графемы, вписанные в прямоугольник, и на графемы, вписанные в овал, а уж потом на подклассы

по признаку симметричности/несимметричности и наличию/отсутствию тех или иных структурных элементов (см. Николаева Т.М., 1961).

По утверждению А.А. Реформатского русские графемы состоят всего из двух элементов – прямой линии (основной граф α) и овала (основной граф β). Все остальные элементы графем, по его мнению, являются производными от этих двух: целые или половинные, замкнутые или незамкнутые, с поперечными элементами или без них, с диакритическим знаком или без такового. В структурное описание графемы А.А. Реформатский включает также принцип ее построения: удвоение элемента, его устройство, прямое или наклонное расположение, с симметричным или асимметричным пересечением элементов или без такового. Таким путем у А.А. Реформатского возникают графемы:

Е – основной граф α с утроенным поперечным полуграфом α ;

Г – основной граф α с асимметричным верхним поперечным полуграфом α ;

В – основной граф α и удвоенный по вертикали незамкнутый полуграф β и т.д. (см. Реформатский А.А., 1963, с. 212-213).

Желание непременно вывести любой элемент графемы от одного из двух "основных графов" привело систему А.А. Реформатского к излишнему усложнению – ср., например: Ф – основной граф α , окруженный слева и справа незамкнутыми взаимобращенными графами β . Кроме того, как впоследствии отметила Т.М. Николаева, по меньшей мере семь русских графем нельзя адекватно описать только с помощью двух элементов (см. Николаева Т.М., 1969).

Иной подход мы встречаем у Л.А. Барановой, которая в качестве признака самостоятельности рассматривает не только конфигурацию, но и размер, наклон и место элемента в структуре графемы. С учетом всех этих особенностей она выделяет 22 элемента русских заглавных графем. В их число входят:

- горизонтальная линия вверх (как у Т),
- широкая горизонтальная линия вниз (как у Ш),
- вертикальная линия в центре (как у Т),
- полулиния, идущая от центра буквы вправо вверх (как у К),
- большой полуовал с разрывом вправо (как у С) и так далее (см. Баранова Л.А., 1968, с. 148).

В этой связи можно отметить, что длина и наклон линии,

а также размер и место разрыва овала, которые учитывает в своей классификации Л.А. Баранова, связаны с начертанием структурных элементов графем и безусловно являются их качественными признаками. Иначе обстоит дело с местом элемента в структуре графем: оно никак не отражается на конфигурации их элементов — ср., например, начертание прямой вертикальной линии в Р, Я и Т или начертание короткой горизонтальной линии в П, Н и Ц. И в том, и в другом случае начертание элемента остается неизменным, хотя место его разное.

В то же время некоторые графемы отличаются друг от друга только местом одного из своих структурных элементов — ср., например, русские графемы Н и П. Поэтому место, которое занимает в структуре графемы тот или иной ее элемент, не входит в число отличительных признаков этого элемента, а является отличительным признаком графемы в целом.

В немецком языкознании к вопросу строения графем впервые обратился Ю. Шарнхорст, который выделил в составе немецких строчных графем 28 структурных элементов, включая точку, тире и запятую. При этом в качестве категориального признака он рассматривает высоту элемента, которую он оценивает в условиях единицах от 0.1 (точка) до 3 (большая вертикальная линия). Так, Ю. Шарнхорст различает три самостоятельные линии с наклоном вправо, а именно:

- высотой в 1 условную единицу (как у k),
- высотой в 2 условные единицы (как у w),
- высотой в 3 условные единицы (как у u).

В то же время Ю. Шарнхорст не делает различия по месту расположения элемента графемы, так что b и d у него различаются только тем, что их полуовалы открыты в разные стороны (см. Scharnhorst J., 1988, S. 95).

Опираясь на эти работы, автор предпринял собственное исследование, целью которого было выделение структурных элементов немецких главных графем и их классификация на основе этих элементов. В основу исследования были положены следующие допущения.

Первое. Графемами являются только единицы алфавита, т. е. в их число не входят знаки препинания, которые образуют в рамках письменного языка самостоятельную систему знаков, выполняющих функции, не тождественные функциям графем (см. Baudusch R., 1981, S. 206).

Второе. Графемами являются только самостоя-

т е л ь н ы е единицы алфавита. Различные комбинации этих единиц, с помощью которых обозначаются некоторые фонемы, являются не графемами, а сочетаниями графем. Иначе говоря, в немецком языке нет графемы SCH, а есть сочетание графем S, C и H, обозначающее фонему /ʃ/.

Третье. Графемами являются только те самостоятельные единицы алфавита, которые имеют все четыре формы выражения: две печатные — заглавную и строчную и две рукописные (см. Волоцкая Э.М. и др., 1964, с. 10). В соответствии с этим немецкая буква *ß* графемой не является, т.к. она не имеет заглавной формы.

Четвертое. Поскольку знак умлаута (·) над A, O, U не является единственным способом обозначения соответствующих гласных и может быть заменен (и в ряде случаев заменяется) буквой E после указанных букв (ср. Österreich — Oesterreich), автор рассматривает буквы со знаком умлаута как сочетания графем и диакритического знака. Это означает, что в немецком языке нет графемы Ö, а есть графема O плюс знак умлаута.

В соответствии с этими допущениями автор считает, что в немецком языке есть 26 графем, а именно:

A, B, C, D, E, F, G, H, I, J, K, L, M,
N, O, P, Q, R, S, T, U, V, W, X, Y, Z.

При их расчленении на минимальные составляющие автор принимал за таковые любой элемент графемы, качественно отличающийся от других ее элементов. Признаками такого отличия служили:

- величина элемента (длина линии, размер овала),
- направление линии (вертикальная, горизонтальная, прямая, с наклоном),
- наличие и направление разрыва в овале (вправо, влево).

С учетом этих особенностей автор обнаружил в составе немецких печатных заглавных графем следующие 14 элементов:

Структурные элементы графем

- большая прямая вертикальная линия,
- большая вертикальная линия с наклоном вправо,
- большая вертикальная линия с наклоном влево,
- горизонтальная черта,
- овал,
- большой полуовал, открытый вправо,

- большой полуовал, открытый влево,
- малая прямая вертикальная линия,
- малая вертикальная линия с наклоном вправо,
- малая вертикальная линия с наклоном влево,
- малый полуовал, открытый вправо,
- малый полуовал, открытый влево,
- малый полуовал, открытый вверх,
- уголок.

Некоторые из этих элементов занимают в структуре графем всегда одно и то же место, другие могут располагаться в разных местах. Например, малый полуовал, открытый вверх, всегда находится в нижней части графемы, а большая прямая вертикальная линия может находиться в левой (F), центральной (T) и правой (J) части графемы. Место, в котором могут располагаться элементы графемы, целесообразно называть ее полем.

Всего можно выделить шесть полей графем: три в вертикальном направлении - левое, центральное и правое и три в горизонтальном - верхнее, среднее и нижнее. В таблице I показано, какие именно поля графем могут занимать их структурные элементы.

Таблица I
Структурные элементы и поля графем

Элемент	Поле графем					
	Левое	Центральное	Правое	Верхнее	Среднее	Нижнее
	+	+	+			
/	+		+			
\			+			
—				+	+	+
0	Пересекает несколько полей					
3	Пересекает несколько полей					
C	Пересекает несколько полей					
l		+				
/				+		+
\				+		+
3				+		+
c				+		
v						+
7						+

На основании данных табл. I можно предпринять классификацию структурных элементов графем по их способности занимать одно или несколько полей графем. По этому признаку все элементы графем можно разделить на три класса:

- элементы, всегда занимающие одно и то же поле графем: малая прямая вертикальная линия, малый полуовал, открытый вправо, малый полуовал, открытый вверх, уголок;

- элементы, которые могут занимать разные поля графем: большая прямая вертикальная линия, большие вертикальные линии с наклоном, малые вертикальные линии с наклоном, горизонтальная черта, малый полуовал, открытый влево;

- элементы, которые располагаются сразу в нескольких полях графем: овал и большие полуовалы.

Опираясь на структурные элементы и поля графем, можно сформулировать понятие дифференциального признака графемы, под которым понимается структурный элемент, расположенный в определенном поле графемы. Всего в составе немецких заглавных графем можно выделить 23 дифференциальных признака. Ниже дается их описание. Поля графем указаны при этом только для тех элементов, которые могут занимать в структуре графемы разное положение.

Дифференциальные признаки графем

1. Большая прямая вертикальная линия в левом поле.
2. Большая прямая вертикальная линия в центральном поле.
3. Большая прямая вертикальная линия в правом поле.
4. Большая вертикальная линия с наклоном вправо в левом поле.
5. Большая вертикальная линия с наклоном вправо в правом поле.
6. Большая вертикальная линия с наклоном влево в левом поле.
7. Большая вертикальная линия с наклоном влево в правом поле.
8. Овал.
9. Большой полуовал, открытый вправо.
10. Большой полуовал, открытый влево.
11. Горизонтальная черта в верхнем поле.
12. Горизонтальная черта в среднем поле.
13. Горизонтальная черта в нижнем поле.
14. Малая прямая вертикальная линия.
15. Малая вертикальная линия с наклоном вправо в верхнем поле.

16. Малая вертикальная линия с наклоном вправо в нижнем поле.

17. Малая вертикальная линия с наклоном влево в верхнем поле.

18. Малая вертикальная линия с наклоном влево в нижнем поле.

19. Малый полуовал, открытый вправо.

20. Малый полуовал, открытый влево, в верхнем поле.

21. Малый полуовал, открытый влево в нижнем поле.

22. Малый полуовал, открытый вверх.

23. Уголок.

С помощью дифференциальных признаков можно дать исчерпывающее структурное описание любой немецкой заглавной графемы. Например, графема Н - это большая прямая вертикальная линия в левом поле, такая же линия в правом поле и горизонтальная черта в среднем поле. А графема G - это большой полуовал, открытый вправо, и уголок. И так далее. В таблице 2 показано, какие именно дифференциальные признаки характеризуют каждую немецкую заглавную графему.

Таблица 2

Структура графем

Графема	Дифференциальные признаки																						
	I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
A				+	+									+									
B	+																			+	+		
C									+														
D	+									+													
E	+										+	+	+										
F	+										+	+											
G									+														+
H	+	+										+											
I		+																					
J			+																				
K	+														+			+					+
L	+												+										
M	+		+												+		+						
N	+	+	+																				
O									+														
P	+																			+			
Q									+														+
R	+																	+		+			
S																			+		+		
T		+									+												
U	+		+																				+
V						+	+																
W					+	+											+		+				
X															+	+	+	+					
Y															+	+		+					
Z						+					+		+										

По общей конфигурации немецкие графемы, как и русские, можно разделить на два класса: на графемы, вписанные в прямоугольник, и графемы, вписанные в овал (см. Николаева Т.М., 1961, с. 77). Внутри каждого из этих классов существуют подклассы, определяемые участием в строении графем разных структурных элементов, которые, в свою очередь, условно разделяются на горизонтальные и вертикальные. Овал и полуовалы отнесены в этой классификации к горизонтальным элементам.

Подклассы с/без горизонтальных элементов

- Без горизонтальных элементов,
- с одной горизонтальной чертой,
- с двумя горизонтальными чертами,
- с тремя горизонтальными чертами,
- с малой наклонной линией и малым полуовалом,
- с двумя малыми наклонными линиями,
- с овалом,
- с большим полуовалом,
- с одним малым полуовалом,
- с двумя малыми полуовалами.

Подклассы с/без вертикальных элементов

- Без вертикальных элементов,
- с одной большой прямой вертикальной линией,
- с двумя большими прямыми вертикальными линиями,
- с одной большой наклонной вертикальной линией,
- с двумя большими наклонными вертикальными линиями,
- с малой прямой вертикальной линией,
- с уголком,
- без уголка.

В табл. 3 и 4 представлены эти подклассы немецких заглавных графем.

Таблица 3

Графемы, вписанные в овал

Структурные элементы	С овалом	С большим полуовалом
Без вертикальных элементов		C
С большой прямой вертикальной линией		D
С уголком	Q	G
Без уголка	O	

Таблица 4

Графемы, вписанные в прямоугольник

Структурные элементы	Без вер- тик. эле- мен- тов	С вертикальными элементами					
		С од- ной боль- шой верт. лини- ей	С дву- мя боль- шими верт. лини- ями	С дву- мя боль- шими и од- ной накл.	С од- ной боль- шой накл. верт. лин.	С дву- мя боль- шими накл. верт. лин.	С од- ной малой прям. верт. лин.
Без горизонталь- ных элементов		I		N		V	
С одной горизон- тальной чертой		T	H			A	
С двумя горизон- тальными чертами		F			Z		
С тремя горизон- тальными чертами		E					
С малой наклонной линией и полуова- лом		R					
С двумя малыми наклонными линия- ми		K	M			W	Y
С одним малым полуovalом		P, J	U				
С двумя малыми полуovalами	S	B					

Эту классификацию можно продолжить, выделив внутри не-
которых подклассов графемы или группы графем, различающиеся
только полем одного из своих элементов. Так:

- В подклассе графем с большим полуovalом выделяются
графемы, в которых полуoval открыт влево (D) и вправо (C, G).

- В подклассе графем с одним малым полуovalом выделяются
графемы, в которых полуoval открыт влево (P) или вверх
(J, U).

- В подклассе графем с двумя малыми полуovalами выделя-
ются графемы, в которых полуovalы открыты в одну сторону (B)
и в разные стороны (S).

- В подклассе графем с одной горизонтальной чертой вы-
деляются графемы, в которых эта черта расположена в верхнем
(T), среднем (H) и нижнем (L) поле.

- В подклассе графем с одной большой прямой вертикаль-
ной линией выделяются графемы, в которых эта линия находится
в левом (L, F, E, R, K, P, B), центральном (I, T) и правом (J) по-
ле.

В связи со структурной классификацией графем необходимо остановиться еще на одном вопросе - на противопоставлении графем по наличию/отсутствию в них какого-то элемента. Что такие оппозиции существуют, очевидно. Немецкие графемы Q и O, например, отличаются друг от друга наличием/отсутствием уголка, а графемы E и F - наличием/отсутствием горизонтальной черты в нижнем поле. Всего в системе немецких заглавных графем шесть таких оппозиций.

Структурные оппозиции графем

- По наличию/отсутствию горизонтальной черты в верхнем поле: I/T.
- По наличию/отсутствию горизонтальной черты в нижнем поле: E/F, I/L.
- По наличию/отсутствию малого полуовала в нижнем поле: V/P, J/I.
- По наличию/отсутствию малой вертикальной линии с наклоном вправо в нижнем поле: R/P.
- По наличию/отсутствию уголка: Q/O.
- По наличию/отсутствию большой прямой вертикальной линии в левом поле: U/J.

Эти противопоставления отличаются двумя важными особенностями. Во-первых, они охватывают только часть графем - в немецком языке 14 из 26 (9 пар), в русском 11 из 33 (7 пар). Поэтому на основе оппозиций графем нельзя выявить всю систему графем данного языка. Во-вторых, они никак не связаны с фонологическими оппозициями, иначе говоря, наличие/отсутствие какого-то элемента в структуре сопоставляемых графем не означает наличия/отсутствия какого-то дифференциального признака в соответствующей паре фонем. Совпадение оппозиций русских графем Щ/Ш и немецких В/Р с соответствующими фонологическими является случайным.

Возможно, что эта последняя особенность графем облегчила процесс постепенного обособления письменного языка от звукового.

ЛИТЕРАТУРА

- Артемов В.А. Технографический анализ суммарных букв нового алфавита // Письменность и революция. Вып. I/I7/., М.-Л., 1933.
- Баранова Л.А. О различительных признаках русских букв // Вопросы философии и психологии. Вып. 2, Л., 1968.
- Волоцкая Э.М., Молошная Т.Н., Николаева Т.М. Опыт описания русского языка в его письменной форме. М., Наука, 1964.
- Гусева Е.К. К вопросу о количественном подходе к анализу структурных особенностей буквенных знаков // Вопросы грамматического моделирования. М., Наука, 1973.
- Николаева Т.М. Классификация таблицы русских графем // Доклады на конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. Вып. 6/6/ М., 1961.
- Николаева Т.М. Проблемы описания единиц плана выражения: "синтез через анализ" // Ученые записки Тартуского университета, т. 236, Тарту, 1969.
- Реформатский А.А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии. М., Наука, 1963.
- Baudusch R. Prinzipien der deutschen Interpunktion // Zeitschrift für Germanistik, 1981, Heft 2.
- Siertsema B. A study of glossematics. Second edition. Martinus Nijhoff. The Hague, 1965.
- Scharnhorst J. Die graphische Ebene im Modell des Sprachsystems // Linguistische Studien, Reihe A Arbeitsberichte, Bd. 173, Berlin, 1988.

STRUKTURELLE KLASSIFIKATION DER DEUTSCHEN

ANFANGSGRAPHEME

B.N. Gwosdowitsch

R e s ü m e e

Die deutschen Anfangsgrapheme bestehen aus 14 Elementen. Ihre Eigenart und ihre Stellung in der Struktur der Grapheme ermöglichen es, eine strukturelle Klassifikation derselben zu unternehmen. Im Beitrag werden sie in zwei Klassen und mehrere Unterklassen eingeteilt. Der Beitrag behandelt auch die strukturellen Oppositionen der deutschen Anfangsgrapheme und ihre Unabhängigkeit von den phonologischen Oppositionen.

COHESION IN TEXTS OF ADVERTISING

M.-E. Ilja

Advertisements are most commonly associated with the mass media of newspapers, magazines, cinema, television, and radio, although they can frequently be found in other forms such as billboards, posters.

Advertising can roughly be divided into commercial consumer advertising to reach the individuals and trade advertising to reach the retailers and wholesalers. Each basic form of advertising (see Rotzoll, 1985) has general purposes, media and audiences in common.

According to K B Rotzoll advertisements as discourse must be recognized as paid, non-personal communication forms used by identified sources through various media with persuasive intent (Rotzoll, 1985, p. 94). Most advertising language comes under the broader heading of loaded language, that is, it aims to change the will, opinions or attitudes of its audience. It largely confines itself to basic human drives such as gain, emulation, protectiveness and the physical appetites.

To be a success, a typical advertisement must accomplish four things in sequence: it must draw attention to itself; it must sustain the interest it has attracted; it must be remembered or at any rate recognized as familiar; it must prompt the right kind of action (Leech, 1966; cf. Cox, 1964).

It is evident that to fulfill these persuasive intentions, advertising must resort to language peculiar to its needs. Thus, for instance, advertising is characterized by repetition, often the repetition of the same message ad nauseum. It commonly involves hyperbole, exaggeration, fancy; the frequency of imperative sentences (cf. Rotzoll, 1985; Leech, 1966; Розенталь, Кохтев, 1981; Зильберт, 1986; Розенталь, 1980; Феофанов, 1974; Фильчикова, 1977). The consumer's attention and curiosity can be provoked by the unorthodox use of language which involves departing from the conventions or rules of language (e.g. a 'wrong' spelling, playing with the meaning of words, etc.).

Another peculiarity of advertising language is the use of disjunctive grammar (see Leech, 1966) which is distinguished from the discursive mode of ordinary connected dis-

course by peculiarities of grammatical structure, the message is of an abnormally simple nature.

This article deals with cohesion in advertising texts. Cohesion is treated as an important standard of textuality and it concerns the ways in which the components of the surface text are mutually connected within a sequence (Beaugrande; Dressler, 1981). Thus all the functions which can be used to signal relations among surface elements are included under the notion cohesion (cf. Halliday, Hasan, 1976; Halliday, 1984).

One of the most common cohesive devices in advertisements is lexical recurrence which is a direct repetition of elements or patterns. This lexical cohesion is frequently established by repetitions of proper names and brand-names:

Arret can stop diarrhoea in less than one hour.

Arret works fast. Some sufferers find Arret stops their diarrhoea in less than one hour.

Take either easy-to-swallow capsules or pleasant tasting liquid.

Always ask your pharmacist for Arret.

In this example not only the brand-name Arret is repeated but also the whole clause.

Pathclear does what it says.

Pathclear kills the weeds on your path within days and stops new weeds growing for the rest of the season.

If you've got a path that needs cleaning, get some Pathclear.

As can be seen in this example, recurrence of a brand-name often occurs in neighbouring clauses when in normal circumstances the repetition would be avoided by the use of a pronoun. This example also exhibits partial recurrence which uses the same basic word components but shifts them to a different word class: the brand-name itself is a derivative of the repeated phrase. Advertisements often use this strategy of building up a new frame for a new product and then labelling it with a neologistic compound that is intended to stick in the memory of the text receiver. In isolation the form Pathclear is ambiguous, but at the end of the advertisement the intended frame is firmly established (see Dressler, 1984).

Another cohesive device frequent in advertising copy is parallelism which entails reusing surface formats but

filling them with different expressions. Parallel structures establish a certain rhythm within the advertising text rendering it more readable:

Painting by Burne-Jones.

Lighting by Tiffany.

Sofa by Tulleys.

Dateless design. Faultless function. bulthaup.

The cool crisp taste of Martin Extra Dry shines through.

Once found, never lost.

Parallelism often occurs together with ellipsis, a cohesive device contributing to compactness and efficiency:

No smoke alarm

no survivors

Plycell smoke alarm

Comfortable, durable, affordable.

Impossible. Now available. Mr. Tomkinson.

Ellipsis in advertisements is often marked by the lack of verbs, while the ellipsis of subjects is common as well:

Marqués de Cáceres

the Quality Rioja

Among the greatest wines of the world.

Stannah means stairs no problem for Mum or Dad.

Easiest way to beat stairs. Mum or Dad just sits or stands and glides up and down in complete safety. Saves moving or alterations. Thousands benefiting. See a Stannah stairlift working. Meet satisfied users. Push-button control. Straight or curved staircases. Installed in hours. No mess. Folds back. Nationwide service.

It is characteristic of advertising language to use mostly short and simple sentences which often are elliptical so that the message is fed to its audience in small, easily digestible morsels. There is another example of this disjunctive, clipped use of language:

The Renault 5 Event. A declaration of independence.

With electric front windows. Tinted, for a shade more intrigue. A 1237 cc engine with 55 bhp. To get you there and back before you can say "Plip" ...

As can be seen from the examples, the elliptical sentence need not contain a finite predicator which means that a single nominal group or a single adverbial group may be grammatically independent. Either of these groups may in

turn consist of a single word. In other words, there is no limit to the simplicity of a grammatical unit:

Cognac Martell. Extra Sensory Perfection.

Another common cohesive device in advertisements is the use of pro-forms, economical, short words empty of their own particular content which can stand in the surface text in place of more determinate, content-activating expressions. The more frequent pro-forms in advertising language are the pronouns which function in the place of nouns or noun-phrases with which they co-refer:

Chair in a bag.

Carry it, open it, then sit in it!

The above example illustrates anaphora, using a pro-form after the co-referring expression. The use of the pro-form before the co-referring expression which is called cataphora occurs in the following example:

She's got it.

She's got something exciting, very different and totally new in home shopping.

She's got twenty-four complete summer collections all inside one giant portfolio.

She's got French Connections, Moods, Hypnosis, Colour System and many other top fashion houses.

Here cataphora is used together with parallelism to create a rhythmic effect. The advertisement starts off with an indefinite it, gradually filling it with concrete content and ending up with the list of firm names. This example shows that cataphora can be used to generate uncertainty and therefore to intensify the receiver's interest.

It is interesting to note that very often the link between the visual material in the form of pictures accompanying the advertising copy and the text is also established by the use of pro-forms:

He's not in Texas! But he's oiling the wheels in Houston.

In this example he refers to the man in the picture.

Hermes for Him. Hermes.

Here the pronoun him refers both to the man in the picture and to all men wanting to identify themselves with him.

One in three people get cancer. One in five die of it.

One in a hundred leave money to Cancer Research.

In this example the repetitional use of the pro-word one is accompanied by parallelism.

Sometimes the pro-forms are correlated with entire clauses or phrases which they substitute:

CASIO

The world of colour TV in the palm of your hand!

That's what you can enjoy - with a Casio TV 400 ultra-compact colour TV.

A cohesive device for signalling the relationship among events or situations is junction. Junctive expressions include conjunction, disjunction, contrajunction and subordination (see Beaugrande, Dressler, 1981).

According to G. N. Leech (1966) advertising shows unusual tendencies to use coordination in preference to subordination. Leech brings out three types of coordination - linking, parataxis, and apposition - which all have prominent roles in advertising.

Linking, whether by conjunction and or disjunction or, has the obvious function of enumerating the various properties, ingredients, uses, etc. of the product:

For sugar beet, spring wheat and spring barley, you need C.C.F. Nitrogen Phosphate and Potash for vigorous growth, strong roots and healthy crops.

Parataxis, although semantically equivalent to linking, is vaguer: sometimes it is not clear whether the appropriate junction to insert would be and or or. Parataxis is found in spontaneous informal speech, it is open-ended in the sense that the speaker may continue to add to the list even after he has reached the point where he intended to finish it:

Here's all the info - weight, riders, recent performance - all so easy to follow.

A more obvious rhetorical note is sounded in cases where the co-ordinate groups show close formal parallelism:

Soft colours. Glowing colours. Shy colours. Bold colours. Beautifully new, up-to-the-modern-minute colours.

In press advertising, noun group parataxis is quite frequent, having the function of listing the addresses of advertising firms:

Robbe and Berking.

Silber.

Flensburg. Amsterdam.

London-Zürich-Wien-Montreal.

Parataxis of adjective groups is also common:

Bubbly Stergene, soft-gentle-safe-essential for all your finest things.

A construction highly characteristic of advertising is the apposition of noun groups, one of which names the product:

Prime Movers. Carpet with a mind of its own. Mr. Tomkinson.

The millenium Watch. Distinctively Dunhill.

The function is to associate the brand-name with a tag-line expressing an appealing and distinctive image of the product. In the above cases the product name follows the noun group which describes it. The reverse order also occurs:

Lifeguard. The disinfectant you trust completely.

There is also a type of sentence in advertising which consists of a pair of imperative clauses in apposition:

Be prepared! Keep Eno on hand for stomach upsets.

Lose weight the safe, natural way without being hungry.

The assumed relationship between the clauses is that the second action guarantees the first. This might have been expressed by a subordinate clause but subordination, especially in disjunctive advertising language is rare and thus dependent clauses are relatively infrequent.

By way of summing up, advertising language makes use of a number of cohesive devices: lexical recurrence and partial recurrence, parallelism, pro-forms either in the function of anaphora or cataphora; ellipsis and junction. Advertisements frequently use short sentences which often acquire elliptical forms. The disjunctive language typical of advertisements follows the pattern of colloquial English in frequently letting the relationship between sentences be assumed instead of overtly expressed.

R E F E R E N C E S

- de Beaugrande R.-A., Dressler W.U. Introduction to Text Linguistics. London: Longman, 1981.
- Cox D.F. Clues for Advertising Strategists. - In: People, Society and Mass Communications. Ed. by L.A. Dexter, D.M. White. London, 1964.
- Dressler W.U. Morphology. - In: Handbook of Discourse Analysis. Vol. 2. Ed. by T.A. van Dijk. - Berlin: de Gruyter, 1984.
- Halliday M.A.K. Dimensions of Discourse Analysis: Grammar. In: Handbook of Discourse Analysis. Vol. 2. Ed. by T.A. van Dijk. - Berlin: de Gruyter, 1984.
- Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. - London: Longman, 1976.
- Leech G.N. English in Advertising. - London: Longman, 1966.
- Rotzoll K.B. Advertisements. - In: Discourse and Communication. New Approaches to the Analysis of Mass Media Discourse and Communication. Ed. by T.A. van Dijk. - Berlin: de Gruyter, 1986.
- Зильберт Б.А. Социо-психолингвистическое исследование текстов радио, телевидения, газеты. - Саратов, 1986.
- Розенталь Д.Э. Язык и стиль средств информации и пропаганды. - М., 1986.
- Розенталь Д.Э., Кохтев Н.И. Язык рекламных текстов. - М., 1981.
- Феофанов О.А. США: реклама и общество. - М., 1974.
- Фильчикова Н.Б. Реклама в прессе. - М., 1977.

SOURCES EXCERPTED:

- Guardian, Dec. 2, 6, 7, 1988.
- House and Garden, Oct. 1988.
- International Herald Tribune, Dec. 5, 1988.
- The Times, Dec. 8, 1988.
- TV Times, Apr. 22, 1988.

КОГЕЗИЯ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Мерит-Эне Илья

Р е з ю м е

В данной статье рассматривается язык рекламы (на материале английского языка) и главное внимание уделяется явлениям когезии в рекламных текстах. Наиболее типичны в рекламе следующие приемы когезии: лексическое повторение (особенно в названии продуктов), параллельные конструкции, эллипсис, проформы и соединительные союзы. Особо характерны для рекламных текстов простые предложения, которые часто приобретают эллиптическую форму. Подчинительные предложения довольно редки, более распространены соединительные предложения.

НЕОЛОГИЗМЫ С СУФФИКСОМ *-IN* В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
И ИХ ПЕРЕВОД

В.Д. Ившин, Л.В. Титова

В научной лингвистической литературе существует несколько подходов к понятию "неологизма". Одни ученые считают неологизмами "слово или оборот, созданные (возникшие) для обозначения нового (прежде неизвестного) предмета или для выражения нового понятия" (Ахманова О.С., 1966). Другие считают неологизмами любые новые словарные и фразеологические единицы, обозначающие или новые понятия, возникшие в результате развития науки и техники, или выражающие новыми словами, созданными в эмоционально-стилистических целях, уже существующие понятия (Гальперин И.Р., 1958).

Начиная с 20-х годов и особенно с середины XX века появилось и появляется в настоящее время чрезвычайно большое количество новых слов, что вызвано большими изменениями в общественной жизни различных стран и научно-технической революцией. Именно НТР дала мощный толчок развитию и обогащению словарного состава многих литературно развитых языков. Исключительно быстрыми темпами развивается в настоящее время научно-техническая терминология на английском и русском языках (Бартков Б.И., 1984; Бартков Б.И., Дужнова О.И., 1984).

Расширение словаря происходит за счет использования различных средств словообразования, а именно: при помощи аффиксации, словосложения, сокращения слов, без суффиксов, при помощи чередования коренных гласных, изменения ударения, а также за счет разной степени расширения и изменения семантической структуры ранее существовавших слов и выражений; путем заимствований - лексических, семантических, транслитерационных. Однако не все способы словообразования одинаково продуктивны на современном этапе развития английского языка. Так, например, уже принадлежат истории способы чередования гласных корня, изменения ударения.

В современном английском языке приобретает все больший вес аффиксация, как развивающийся способ словообразования. Это создание новых слов при помощи приставок, суффиксов и сочетательных форм (*combining forms*, по терминологии Г. Кививяли). В его работе перечисляется 33 приставки (*a-, ad-, anti-, astro-, bio-, cosmo-, counter-, de-, dis-, eco-, Euro-extra-, heli-, hyper-, hypo-, in-, inter-, intra-, intro-*,

macro-, maxi-, mega-, micro-, mini-, multi-, neo-, pop-,
panti-, para-, pre-, self-, super-, un- (Kiviväli G., 1976,
pp. 69-79), к которым мы можем добавить еще весьма неоло-
гизменную приставку off-, в словах типа off-camera (за
пределами кадра, т.е. в частной жизни), off-the-peg, off-
the-rack (разг. готовый (об одежде), off-the-record (не
подлежащий оглашению; не предназначенный для печати) и дру-
гие. А к числу наиболее часто употребляемых суффиксов и со-
четательных форм для образования неологизмов Кививяли отно-
сит -esque, -ian (с вариантами -an, -ean), -in, -nik,
-ville (Ibid., p. 77). К ним мы также добавляем весьма хо-
довой суффикс -out, в словах типа blackout (затемнение,
светомаскировка во время противоздушной обороны), dropout
(отсев студентов), fall-out (побочный продукт; непредви-
денные последствия; радиоактивные осадки) и др., а также
суффикс -man, который весьма часто стал употребляться для
обозначения жителя определенной местности (countryman -
земляк; сельский житель) и лица, занятого специфической де-
ятельностью (businessman - коммерсант; делец, бизнесмен;
doorman - швейцар, привратник) и др., новейшими из которых
являются stockman - амер. кладовщик, stuntman - каскадер,
yes-man - амер. подхалим, подпевала.

В настоящей работе мы ограничиваемся рассмотрением
неологизмов, образуемых от "обыкновенных" слов самого оби-
ходного, нетерминологического и терминологического порядка
с помощью суффикса -in.

Цель нашего исследования - установить семантические и
количественные характеристики неологизмов с данным суффик-
сом и дать перевод на русский (в том числе пояснительный)
всех отобранных нами слов с этим суффиксом (нами выявлено
их 140, но поиски продолжаются), так как это имеет немало-
важное значение для теории и практики перевода вообще, а
для научно-технического перевода в особенности, но также и
для преподавания английского языка в средней и высшей школе
и, в частности, для курса лексикологии современного англий-
ского языка.

Из всех новейших словообразовательных аффиксов, вместе
взятых и перечисленных в статье Г. Кививяли, сочетательная
форма с -in является по его и нашему мнению, наиболее ин-
тересным приемом для образования новых слов. Однако ни в
одной монографии по лексикологии и словообразованию этот
суффикс не упомянут (Марчанд, Бауэр, Арнольд, Карашук, Меш-

ков, Омельченко и др.). В отечественных работах по англистике суффикс *-in* упоминается только в "Курсе перевода" В. Н. Крупнова (1979 г.), где говорится, что в английском языке "в последние годы родилось множество неологизмов с элементом *in*" (и перечислено 10: *live-in, eat-in, love-in, lock-in, camp-in, mail-in, sit-in, teach-in, pray-in, talk-in*, но без пояснительных переводов). В другой более ранней работе этот элемент предлагалось назвать предложным суффиксом (Штернгерц Б.В., 1970).

Первым из германистов, кто описал словообразовательные модели с постпозитивным элементом *-in*, был М. Юсселер. Он отмечает, что первое слово с *-in* появилось в 1947 году и приводит первую библиографию об этой сочетательной форме (Uesselер M., 1974). Она названа суффиксом только в учебном словаре А.С. Хорнби: *-in [in] suffix used (usually with a verb) to show participation in a group activity, etc.: sit-in, teach-in* (Хорнби А.С., 1983). Поэтому мы будем твердо придерживаться наименования этого словообразовательного элемента *-in* как суффикса (наряду с суффиксом *-map*, тоже по определению Хорнби).

Распространение неологизмов с суффиксом *-in* началось в 60-е годы в массовых мероприятиях организации негров в США "Движение за гражданские права". Тогда и появился ряд существительных, выражающих любую коллективную деятельность, связанную с протестом, массовым сопротивлением установившимся порядкам (*sit-in n* - сидячая итальянская забастовка; амер. демонстрация против расовой дискриминации путем занятия мест (в кафе и др. местах, куда не пускают негров); *sleer-in n* - демонстрация протеста в форме захвата жилого помещения для ночевки; *work-in n* - "приходим, но не работаем" (форма итальянской забастовки рабочих или учащихся). Затем стали возникать "обычные" неологизмы без выражения протеста (*camp-in n* - совместный отдых или пребывание в лагере; *turn-in n* - разг. возвращаемый в кассу билет; *write-in adj.* - полит. вписанный в бюллетень, дополнительно внесенный избирателем (о кандидате), etc. Сюда относятся все научно-технические термины с данным суффиксом, как не выражающие никакого протеста.

Представляют интерес объяснения значений неологизмов этого типа в английских источниках и словарях. Приведем лишь два примера: *lie-in* (a lying down of a group of people in a public place to disrupt traffic, etc., as a form of protest or demonstration), а в словарях Хорнби и Вебстера дан толь-

ко глагол to lie in - stay in bed after one's usu. time, хотя тут же дан пример с существительным lie-in n: have a nice lie-in on Sunday morning; lie in - to be in childbed (Webster, 1986); teach-in (a long meeting or session held by university teachers or students for the purpose of expressing dissenting or critical views on an important political issue); Hornby: (informal) discussion of a subject of topical interest (as held in a college, with students, staff and other speakers); Webster: an extended meeting usually held on a college campus for lectures ...

Появление весьма значительного количества неологизмов с суффиксом -in в течение сравнительно короткого исторического периода, всего за четверть века, позволяет сделать уже теперь предварительный вывод о том, что он стал весьма продуктивным и заметным явлением в словарном составе современного английского языка.

По фонетическим признакам неологизмы рассматриваемого типа весьма характерны в том отношении, что основу слова и суффикс -in объединяют в одно целое два ударения - на основе и на самом суффиксе. Ударение на суффиксе - это новое явление в суффиксальном словообразовании современного английского языка, поскольку суффиксы, хотя и являются морфемами, не имеют ударения. Однако имеется значительная часть неологизмов с безударным суффиксом (в наших выборках их оказалось 15). Это be-in, drop-in, feed-in, knit-in, laugh-in, lock-in, paint-in, pray-in, swearing-in, talk-in, teach-in, tie-in, trade-in, turn-in, work-in (см. перевод в приложении I). Как правило, это существительные, которых более 40 помечено одним ударением в обратном словаре М. Ленерта (Lehnert M., 1973). А все глаголы с данным суффиксом помечены у него двумя ударениями. Следовательно, существует фонетическое различие и отграничение существительного от глагола. Второе, графическое отличие состоит в том, что у всех существительных суффикс -in присоединен к словообразовательной основе черточкой, которой нет у глаголов, за исключением одного глагола to phase-in. Поэтому существительные этого типа как неологизмы четко отличаются от глаголов, которые остаются как бы по-прежнему на положении составных глаголов типа to come in (входить), to let in (впускать), to rush in (вбежать, примчаться), etc., в которых второй элемент (постпозитивная морфема) может быть назван отделенным суффиксом составного глагола. Он всегда имеет ударение,

но пишется всегда отдельно и кроме того, допускает синтаксическое разъединение составляющих элементов, как например, *put it in*, что в собственно неологизмах (у существительных и прилагательных) с суффиксом *-in* невозможно.

С точки зрения грамматической данные суффиксальные неологизмы характеризуются тем, что они образуются в основном от глаголов, существительных и причастий. Причем чаще от глаголов, которых с отделенным суффиксом *in* в словаре Ленера насчитывается 196. Например, *to fence in*, *lock in*, *march in*, *turn in*, *whip in*, etc. Однако имеется тенденция в настоящее время образовывать эти неологизмы и от других частей речи, в частности от местоимений (*all-in*) и даже от междометий (*shoo-in*). Но с другой стороны, сами неологизмы по семантическим признакам принадлежат к двум частям речи - к существительным и прилагательным. Первые составляют примерно 80%, вторые - 20%. Но не исключена возможность появления неологизмов этого типа и в качестве глаголов. Выше уже приводился такой глагол, на который в словаре-справочнике А. И. Черной есть пример: *The Institute plans to phase-in the new computer system to replace the present system* (Черная А.И., 1971, с. 66). - Институт намеревается ввести в строй новую вычислительную систему, с тем чтобы заменить систему, применяемую в настоящее время.

Следует отметить еще такие особенности данных неологизмов. Если по морфологическим признакам легко определить, от каких частей речи они образованы, как например, от существительных - *listener-in*, *sitter-in*, *data-in*, *puller-in*, от отглагольных существительных - *coming-in*, *listening-in*, *breaking-in*, *flying-in*, *swearing-in*, от причастий вторых - *built-in*, *glassed-in*, *walled-in*, *worn-in*, *locked-in*, *paid-in*, *tuned-in*, то в некоторых случаях установить принадлежность неологизма к той или иной части речи вне контекста не удастся. Это можно объяснить тем, что совершенно различные по значению слова имеют одинаковую форму (лексическую оболочку). Таковы конверсивные "пары" *sleep-in* (сущ. один из видов демонстрации протеста) и *sleep-in* (прил. живущий (о прислуге)); или *shut-in* (сущ. постельный больной) и *shut-in* (прил. запертый, не выходящий из дому).

Суффиксальные неологизмы с *-in* становятся, несмотря на их необычное вторжение в словарный состав, полноправными языковыми единицами, о чем в частности говорит развитие среди них явления полисемии. Некоторые из неологизмов имеют по

четыре-пять значений. Более того, они приобретают новые значения в устойчивых определительных словосочетаниях. Примером может служить слово *gun-in*, имеющее пять значений.

Атрибутивные словосочетания типа *a drive-in bank* (*cinema, cafeteria, post-office, church*), *a lying-in hospital* (роддом), *live-in prospects on Mars* (возможность обитания человека на Марсе) и др. приходится и следует переводить описательным способом, а не дословно, поскольку в русском языке нет аналогичных словообразований.

Как показывают наши выборки из разных источников, неологизмы с суффиксом *-in* встречаются в самых различных разделах лексики, разной по стилю. Они функционируют в основном в общеупотребительной, стилистически нейтральной лексике, но также и в стилистически специфичной. Но все же есть сферы функционирования, где они употребляются довольно широко. Это политическая терминология, научно-техническая, военная и спортивная. Много неологизмов этого типа употребляется также в разговорной речи и в художественной литературе в качестве жаргонизмов и американизмов (см. приложение 2 - таблицу распределения неологизмов с суффиксом *-in* по сферам функционирования).

Неологизмы с суффиксом *-in*, имеющие явное "американское происхождение", обычно обозначают различные формы протеста против современной капиталистической действительности в США. Достаточно перечислить лишь некоторые из них. Это *lock-in, paint-in, stay-in, work-in, sit-in, peace-in, pray-in, sleep-in*.

Проведенное исследование показало, что суффикс *-in* является новейшей словообразовательной прикорневой морфемой в современном английском языке. С его помощью образуется много неологизмов, особенно в периодической печати в США и Англии, так как моментальность значения и употребления для отражения текущих событий сегодняшнего дня - заметная особенность функционального стиля газеты. Поэтому лексикографы чаще всего берут всякого рода неологизмы именно из газет (Дополнение к ВАРС, 1981, с. 7).

Обилие неологизмов с суффиксами *-ee, -in, -nik, -out*, появившихся во второй половине XX века, а также невероятное развитие составных глаголов с отделенными суффиксами *in, on, up* и др. буквально преобразовывают словарный состав и "они совершенно преобразуют английский язык" в будущем (Jagger J.H., 1945). Эти современные лингвистические явления под-

тверждают высказывания в работах американских и английских языковедов первой половины XX века (Kennedy A.G., 1920; Jagger J.H.; Dixon R., 1951) о том, что без употребления составных глаголов и современных неологизмов английская речь иностранца будет неестественной и высокопарной даже при большом запасе слов и хорошем знании грамматики. Если в середине века зарубежные лингвисты занимались в основном идиоматической и эмоциональной стороной рассмотренных нами проблем, чем точной грамматической характеристикой новых словообразований, то в конце века мы предприняли вероятно первую попытку дать фонетические, грамматические и семантические характеристики неологизмов с суффиксом *-in*.

Можно заключить, что рассмотренная нами проблема выходит за рамки теоретического значения, она имеет и большую практическую направленность. Поэтому в процессе перевода, в преподавании курса перевода, практического курса английского языка и лексикологии, при чтении газетного материала из англоязычной периодики в средней и высшей школе следует обращать внимание на рассмотренные особенности неологизмов с суффиксом *-in* и на полноценность их перевода, как одного из видов безэквивалентной лексики современного английского языка.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Английская лексикология в выдержках и извлечениях (на англ. языке — *Readings in Modern English Lexicology*). Л.: Просвещение. Ленинградское отделение, 1975, 240 с.
- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966, с. 261-262.
- Бартков Б.И. Деривационный статус и количественная дериватография конверсификов современного английского языка. — В сб.: Словосочетания и сложные слова в терминосистемах и литературной норме. Владивосток: Изд. Дальневосточного научного центра АН СССР, 1984, с.145-164.
- Бартков Б.И., Духнова О.И. Дериватология и дериватография терминосистем (На примере английской физической терминологии). — В сб.: Отраслевая терминология и лексикография. Воронеж: Изд. Воронежского ун-та, 1984, с. 67-75.
- Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд. иностр. лит., 1958, с. 77.

- Дополнение к Большому англо-русскому словарю. Под ред. И.Р. Гальперина. М.: Русский язык, 1981, с. 7.
- Карацук П.М. Словообразование английского языка. М.: Высшая школа, 1977, 304 с.
- Круинов В.Н. Курс перевода. М.: Международные отношения, 1979, с. 27.
- Мешков О.Д. Словообразование современного английского языка. М.: Наука, 1976, 246 с.
- Омельченко Л.Ф. Продуктивные типы сложных слов в современном английском языке. Киев: Вища школа, 1981, 144 с.
- Хорнби А.С. Учебный словарь современного английского языка. М.: Просвещение - Оксфорд: Изд. Оксфордского ун-та, 1983, с. 312.
- Черная А.И. Словарь-справочник неологизмов в американской научно-технической литературе. М.: Наука, 1971, с. 66.
- Штернгерц Б.В. Образования типа teach in в современном английском языке. - В сб.: Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков / Ученые записки Свердловского гос. педагогического ин-та. Сборник сто восьмой/. Свердловск, 1970, с. 35-43.
- Arnold I.V. The English Word. Moscow: Vysshaya Shkola, 1973, 304 p.
- Bauer L. English Word-Formation. Cambridge, 1983, 311 p.
- Dixson R. Essential Idioms in English. New York, 1951.
- Ginzburg R.S. et al. A Course in Modern English Lexicology. М.: Prosveshcheniye, 1966, 276 p.
- Jagger J.H. English in the Future. London, 1945, 198 p.
- Kennedy A.G. The Modern English Verb-Adverb Combination. Boston, 1920.
- Kennedy A.G. Current English. A study of present-day usages and tendencies, including pronunciation, spelling and grammatical practice, word-coining and the shifting of meanings. Boston, 1935, 737 p. Bibliography, p.619-648.
- Kiviväli G. Coinages of New Words by Means of Affixation and Combining Forms in Present-Day English. - In: Linguistica VII. Tartu, 1976. pp. 69-79.
- Lehnert M. Reserve Dictionary of Present-Day English. Leipzig, 1973, 536 p.
- Marchand H. The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation. Wiesbaden: O.Harrassowitz, 1960, 415 p.
- Uesseler M. Der Protestcharakter der Prägungen vom Typ "sit-in" und analoger Bildungen. - Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik, 1974, Heft I, S. 66-72.
- Webster's Third New International Dictionary (Unabridged). Springfield, Mass., 1986, 2662 p.

Приложение I

Алфавитный список неологизмов с суффиксом -in
с пометами, дословным и пояснительным переводом

1. all-in adj. - разг. выдохшийся, измученный, крайне утомленный; проклинаящий всех и все; допускающий любые приемы
2. apply-in n - использование, применение
3. barge-in n - бесцеремонное прерывание, вторжение в разговор
4. bathe-in n - обливание (слезами, потом); купание вместе
5. be-in n - разг. дружеская встреча (в парке и т. п.), собрание друзей
6. boat-in n - микроэлектр. ввод лодочки (напр. обозначение на диффузионной печи)
7. break-in n - спорт. прорыв; воен. вклинение; взлом (с целью ограбления); незаконное вторжение
8. breaking-in n - тех. приработка, обкатка; радио. перебивание работы; установление новых контактов; приспособление к новому месту (жительства)
9. built-in adj. - вделанный, стенной; являющийся неотъемлемой частью, присущий, свойственный; врожденный, генетически закодированный
10. built-in check n - вычисл. тех. аппаратная контрольная точка
11. burn-in n - микроэлектр. термовыдержка, отжиг
12. burn-in qualification n - микроэлектр. типовые испытания под нагрузкой
13. bury-in n - погружение (в книги, чтение, отчаяние и т.п.)
14. buy-in n - покупка на аукционе; скупка акций
15. call-in n - сигнал вызова (по связи); "звоните - отвечаем" (программа ответов на вопросы)
16. camp-in n - совместный отдых (пребывание) в лагере
17. cave-in n - обвал, оседание (земли)
18. check-in n - амер. отметка о приходе на работу (и в гостинице)
19. chin-in n - жарг. грубость, дерзкое отношение; выговор
20. chip-in n - разг. участие, вхождение в долю
21. chisel-in n - разг. вмешательство, навязывание, вторжение
22. close-in n - воен. ближний бой
23. close-in adj. - воен. рукопашный (бой, схватка)
24. coming-in n - ввоз (товаров); наступление, начало; доход

25. cut-in n a. - спец. включение; начало работы; кино. перебивка, вставной кадр
26. data-in n - тех. входные данные
27. digging-in n - воен. окапывание
28. dolly-in n - кино, телев., проф. "наезд"
29. drift-in n - нанос (снега, песка); горн. выработка
30. drive-in n - микрозлектр. разгонка примеси (вторая стадия диффузии); амер. кино на открытом воздухе; ресторан для автомобилистов; магазин или банк для автомобилистов
31. drop-in n - случайный гость; дом, куда всегда можно забежать без приглашения; вечеринка, встреча без приглашений; всегда открытое прибежище (о ресторане, клубе и т.п.)
32. eat-in n - совместный обед (в компании)
33. fade-in n - кино, радио, телев. постепенное усиление звука или возникновение изображения
34. feed-in n - бесплатная кормежка, раздача бесплатных обедов (беднякам)
35. fill-in n - замена, заместитель; сведения, вписанные в анкету; краткая информация
36. fill-in adj. - временный (о работнике, работе)
37. fly-in n - (pl. fly-ins) ав. доставка по воздуху; ж.-дор. переводка стрелки
38. flying-in n - доставка по воздуху, переправка по воздуху
39. gallop-in n - быстрый въезд (верхом)
40. give-in n - сдача, уступка (под давлением, настойчивостью)
41. glassed-in a - застекленный
42. ground-in a - тех. шлифованный, притертый
43. heel-in n - прикапывание почвой (растений до посадки в одной ямке)
44. hitch-in n - увязка, согласование (аргументов)
45. horn-in n - амер. навязывание советом, вмешательство, вторжение (без приглашения)
46. iris-in n - кино. съемка "в диафрагму"
47. jail-in n - заключение в тюрьму
48. kick-in n - спорт. вталкивание мяча в игру (из-за черты футбольного поля)
49. Kiss-in n - легкое соприкосновение, вхождение в контакт
50. kneel-in n - становление на колени (для просьбы и т.п.)
51. kneeler-in n - ставший на колени, коленопреклоненный
52. knit-in n - собрание вязального кружка; состязание в быстроте ручной вязки

53. laugh-in n - организованное осмеяние оратора
54. lead-in n - электр. радио, вычисл. тех. ввод; спуск, снижение антенны; введение, вступление, вступительная речь; телев. объявление предстоящей передачи (диктором)
55. let-in adj. - тех. вставленный
56. lie-in n - лежание группы людей в общественном месте с целью сорвать уличное движение и т.п., как форма протеста или демонстрации
57. lip-in n - сложный липоид (сложное органическое вещество)
58. listener-in n - радиослушатель
59. listening-in n - слушание по радио; подслушивание, перехват
60. live-in adj. - живущий (о домашней работнице); требующий проживания по месту работы; связанный с проживанием в определенном месте
61. lock-in n - вычисл. тех. установление синхронизма; амер. демонстрация протеста, участники которой запираются в здании (колледжа и т.п.)
62. locked-in adj. - не поддающийся изменениям; упрямо преданный какой-либо идее
63. logic-in memory n - вычисл. тех. функциональная память, память со встроенной логикой
64. look-in n - быстрый взгляд; короткий визит, короткое посещение; спорт. разг. шанс
65. looker-in n - телезритель
66. love-in n - амер. групповое совокупление (прелюбодейка)
67. low-in n - ?
68. lying-in n - роды, послеродовое состояние
69. lying-in adj. - родильный
70. mail-in n - коллективное отправление, получение по почте
71. march-in n - массовый марш (протеста или одобрения)
72. mix-in n - амер. разг. драка, потасовка
73. mouth-in n - ?
74. muscle-in n - вторжение (обманным путем или запугиванием)
75. paid-in adj. - платящий членские взносы, оформленный как член организации, клуба и т.п.
76. paint-in n - амер. покраска фасадов домов в районе трущоб (чтобы привлечь внимание к их состоянию), как форма протеста
77. peace-in n - амер. демонстрация в защиту мира
78. phase-in v - тех. постепенно вводить, вводить в строй, включать

79. phasing-in n - воен. принятие на вооружение (по этапам)
80. phone-in n - радио, телев. "звоните - отвечаем" (программа ответов на вопросы, замечания, полученные по телефону). То же, что call-in
81. plug-in n - микрорелектр. прибор со штырьковыми выводами
82. plug-in adj. - тех. вставной, заменяемый (о передвижных перегородках и т.п.)
83. pray-in n - амер. собрание верующих в церкви и т.п. в знак протеста (с проповедями, молитвами)
84. pug-in n - микрорелектр. корпус со штырьковыми выводами
85. pull-in n - закусовая для автомобилистов; место на обочине дороги для стоянки автомашины; железнодорожный запасной путь
86. puller-in n - амер. разг. зазывала, продавец, торгующий на тротуаре
87. read-in n - тех. считывание, снятие показаний приборов; церк. чтение 39 догматов веры
88. recite-in n - коллективный ответ на уроке
89. rent-in n - сдача или взятие в аренду, напрокат
90. ride-in n - коллективная поездка (на велосипедах и т.п.)
91. run-in n - амер. разг. ссора, схватка; спорт. последняя прямая перед финишем; мор. жарг. боевой курс, подход; воен. заход на бомбометание; введение, вступительное слово; подготовительное мероприятие
92. sail-ins n - энергичные и решительные действия
93. Schlaf-in n - немецк. ?
94. set-in adj. - вставной, вкладной (вшитый)
95. shoo-in n - полит. разг. бесспорная кандидатура, "верняк" (на выборах, в спортивных соревнованиях и т.п.)
96. shut-in n - амер. больной, инвалид
97. shut-in adj. - закрытый, не выходящий из дому; недоступный, глухой; амер. ищущий уединения, слишком замкнутый
98. sign-in n - сбор подписей под петицией, требованием и т.п.
99. sign-in n - музыкальное мероприятие, в котором публика служит в качестве хора или подпевает, присоединяется к пению
100. sit-in n - сидячая итальянская забастовка; амер. демонстрация против расовой дискриминации путем занятия мест (в кафе и др. местах, куда не допускают негров)

- I01. *sitter-in* n - няня, присматривающая за детьми в отсутствие родителей
- I02. *sleep-in* n - демонстрация протеста в форме захвата (жилого) помещения для ночевки
- I03. *sleep-in* adj. - живущий (о прислуге)
- I04. *smoke-in* n - сборище курильщиков марихуаны, иногда демонстрация за то, чтобы это было законным делом
- I05. *sneak-in* n - кино. жарг. закрытый просмотр фильма
- I06. *socked-in* adj. - ав. разг. не принимающий самолетов (по метеоусловиям)
- I07. *squat-in* n - незаконное коллективное вселение в покинутый или неохраняемый дом
- I08. *stand-in* n - амер. жарг. благоприятное положение, почетное место; дублер (в кино, заменяющий актера); замена, подмена
- I09. *stay-in* n - итальянская забастовка. Синоним *work-in*.
- I10. *stay-in strike* n - итальянская забастовка (синоним к *stay-in*)
- I11. *step-in* n - разг. предмет женского туалета (без застёжек, пояс и т.п.); туфли без задника, шлепанцы, трусики - разг. *step-ins* (pl.)
- I12. *study-in* n - коллективное изучение
- I13. *swearing-in* n - приведение к присяге (при вступлении в должность)
- I14. *sweep-in* n - торжественное появление, вход (в зал и т.п.)
- I15. *swim-in* n - поездка в компании на пляж и купание
- I16. *take-in* n - обман; обманщик; фальшивка
- I17. *talk-in* n - демонстрация с выступлениями ораторов; лекция или беседа в неофициальной обстановке; совещание, дискуссия
- I18. *teach-in* n - диспут-семинар, собрание для обсуждения злободневных вопросов (преим. в университетах, где выражаются критические взгляды)
- I19. *Teufel-in* n - немецк. ?
- I20. *think-in* n - коллективное обдумывание идеи или мнения
- I21. *throw-in* n - спорт. ввод мяча в игру (в футболе)
- I22. *tie-in* n - принудительный ассортимент (т.е. навязывание покупателю так называемого довесочного товара или в нагрузку)
- I23. *tie-in* adj. - продаваемый с нагрузкой (на определенных условиях)
- I24. *time-in* - спорт. возобновление игры после взятого времени (антоним *time-out* - перерыв в игре)

- I25. toe-in n - авт. сходимость передних колес
- I26. trade-in n - предмет, сдаваемый в счет оплаты нового (автомобиль, телевизор и т.п.)
- I27. tuck-in n - жарг. основательная закуска, плотная еда
- I28. tuned-in adj. - разг. квалифицированный, знающий свое дело; разбирающийся в обстановке; знающий, что сейчас модно и т.п., идущий в ногу с жизнью
- I29. turn-in n - разг. возвращаемый в кассу билет
- I30. wade-in n - начало работы, занятия с решимостью
- I31. walk-in n - вход, вхождение
- I32. walk-in adj. - позволяющий войти в него, имеющий отдельный вход (о квартире); приходящий (особенно, случайно); случайно зашедший
- I33. walled-in adj. - обнесенный стеной, замурованный
- I34. wed-in n - объединение (в прямом и переносном смысле)
- I35. washin n - постоянное искривление крыла самолета (ав.)
- I36. wear-in n - тех. приработка
- I37. weigh-in n - спорт. взвешивание жокея или боксера до состязания
- I38. whipper-in n - жарг. лошадь, пришедшая последней (на скачках); охот. выжлятник, доезжащий
- I39. work-in n - "приходим, но не работаем" (форма итальянской забастовки рабочих или учащихся)
- I40. worn-in adj. - ввевшийся; тех. приработавшийся

Приложение 2

Классификация неологизмов с суффиксом -in по сферам функционирования в современном английском языке (по степени убывания количественных показателей)

№№ п/п	Сфера функционирования	Неологизмы	Количество
1.	Общественно-политическая лексика	buy-in, coming-in, feed-in, fill-in, fill-in adj., hitch-in, jail-in, laugh-in, lie-in, listener-in, listening-in, live-in, locked-in, looker-in, lying-in, lying-in adj., mail-in, march-in, muscle-in, paid-in, pull-in, recite-in, rent-in, ride-in, sail-ins, shoo-in, sign-in, sing-in, sleep-in, smoke-in, squat-in, stay-in, stay-in strike, study-in, swearing-in, sweep-in, talk-in, teach-in, think-in, tie-in, trade-in, wade-in, wed-in, work-in	44
2.	Научно-техническая лексика	apply-in, boat-in, breaking-in, built-in, built-in check, burn-in, burn-in qualification, call-in, cave-in, cut-in, data-in, dolly-in, drift-in, drive-in, fade-in, fly-in, flying-in, glassed-in, ground-in, heel-in, iris-in, lead-in, let-in, lip-in, lock-in, logic-in memory, phase-in v., phone-in, plug-in, plug-in adj., pug-in, read-in, set-in, sneak-in, socked-in, toe-in, walled-in, washin, wear-in, worn-in	40
3.	Лексика в художественной литературе	bathe-in, bury-in, camp-in, drop-in, eat-in, gallop-in, give-in, kiss-in, kneel-in, kneeler-in, knit-in, sitter-in, sleep-in adj., swim-in, take-in, walk-in, walk-in adj.	17
4.	Американизмы и жаргонизмы	check-in, chin-in, horn-in, love-in, mix-in, paint-in, peace-in, pray-in, puller-in, run-in, shut-in n., shut-in adj., sit-in, stand-in, tuck-in	15
5.	Лексика в разговорной речи	all-in, barge-in, be-in, chip-in, chisel-in, look-in, step-in, step-ins (pl.), tuned-in, turn-in, whipper-in	11
6.	Военная и спортивная лексика	break-in, close-in n., close-in adj., digging-in, kick-in, phasing-in, throw-in, time-in, weigh-in	9
Итого			136

Примечание. Из схематической классификации видно, что наибольшее количество неологизмов данного типа относится к общественно-политической и научно-технической лексике, что обусловлено появлением неологизмов с суффиксом -in именно в этих сферах функционирования. Четыре слова не вошли в классификацию (low-in, mouth-in, Schlaf-in, Teufel-in), так как их значения остались пока нераскрытыми. Только в одном неологизме washin (wash - in) суффикс -in пишется вместе, т.е. слитно с корнем слова (в словарях Ленера и Вебстера). А неологизм cut-in в словаре Ленера имеет два написания: слитное cutin - как существительное и прилагательное и раздельное cut in как глагол, а в словаре Вебстера - через черточку, как существительное и прилагательное, и как глагол - раздельно.

NEOLOGISMS WITH THE SUFFIX -IN IN MODERN ENGLISH
AND THEIR TRANSLATION

Vassiliy Ivshin, Larissa Titova

S u m m a r y

The article deals with the particulars in the formation of rather many neologisms with the attached and separated suffix -in in Modern English. Phonetic, semantic and grammatical characteristics and tendencies in building neologisms with the said suffix also from other parts of speech (i.e. pronouns & interjections) are expounded, although the majority of these coinages constitute verbs, nouns and adjectives. The suffixal neologisms with -in become legitimate language units in spite of their unusual invading the word stock, for they already acquire new meanings in stable attributive phrases, i.e. they are capable of developing polysemy. Selections of numerous examples (total 140) from different sources testify to the fact that neologisms with the suffix -in function in diverse styles of oral speech and written discourse, both in stylistically neutral literature and in political, scientific, technical and other special terminology, to say nothing of colloquial speech and fine literature where they are widely used as jargon words and Americanisms.

Two supplements are attached thereunto to facilitate the comprehending of the new words of this kind by means of translation into Russian (Supplement I) and their use in various spheres of functioning (Supplement 2).

О ТЕРМИНОЛОГИЧНОСТИ СИНТАКСИСА НАУЧНОЙ ПРОЗЫ
(На материале философской прозы И. Канта)

И.Д. Копцев

Предметом настоящей статьи является попытка защитить тезис о том, что понятие "термин" как основополагающую категорию научного текста следует распространить и на дискурс, вернее на синтаксическую форму, которая наполняется терминологической лексикой. До сих пор качество терминологичности связывается обычно с лексикой, словами и словосочетаниями, служащими обозначением тех или иных понятий какой-либо научной области. С синтаксической же формой как таковой данное качество не связывается, считается, что она идентична в общем для любой сферы функционирования научного стиля речи.

Между тем, как показывает анализ философской прозы и, в частности, прозы И. Канта, специфичны здесь не только лексика, но и синтаксические модели, служащие выражению специального научного знания. Иными словами, специфический философский контекст оказывает влияние не только на отбор определенной лексики, но и на отбор синтаксических структур. Дело в том, что подобно тому, как обыденные слова, будучи употреблены для обозначения специальных научных понятий, переосмысляются, т.е. становятся терминами, точно так же переосмыляются под действием контекста и синтаксические конструкции. Так например, с предложением типа *Was kann ich wissen?* в обыденной речи не связывается никакого философского содержания. Данное предложение могло бы быть употреблено примерно в таком контексте:

A. *Du scheinst alles zu wissen?*

B. *Was kann ich (schon) wissen?*

Ответная реплика представляет собой по своей функции уклонение адресата от недвусмысленного ответа на вопрос. В контексте же философии Канта этот вопрос содержит в себе всю проблематику теории познания философа, ответ на которую дает его "Критика чистого разума". Семантика каждого члена этого предложения специфична. Уже само подлежащее, выраженное личным местоимением, имеет специфически кантовское содержание, а именно: оно является выражением трансцендентального сознания субъекта, употреблено в генерализованном значении, т.е. по существу мы можем поставить знак равенст-

ва между указанным вопросом и такими вопросами как: Was können wir wissen?, Was können wir alle wissen?, Was kann man wissen?, Was kann man überhaupt wissen?, т.е. "я" означает "мы", "все", "каждый из нас". Специфическим философским прочтением этого выражения состоит также и в том, что оно синтезирует в себе, или содержит в себе как бы в снятом виде целый ряд более частных вопросов, таких как "Как возможны синтетические априорные суждения?", "Что такое пространство?", "Что такое время?", "Как возможно опытное знание?" и др. Таким образом, рассматриваемое вопросительное предложение отличается от обычного вопроса прежде всего своей концептуальностью, благодаря которой оно вступает в различные парадигматические отношения с другими предложениями.

Итак, если главным критерием терминологичности элемента текста считать семантический критерий, то нам следует признать, что предложения типа Was kann ich wissen?, Was soll ich tun?, Was darf ich hoffen? и т.д. являются специфическими, т.е. терминологическими построениями, где вся конструкция в целом и каждая ее часть обладает специфическим философским смыслом.

Терминированными следует считать также и более сложные по своей синтаксической форме вопросы подобно нижеследующему:

"Sind es (Zeit und Raum) zwar nur Bestimmungen oder auch Verhältnisse der Dinge, aber doch solche, welche ihnen auch an sich zukommen würden, wenn sie auch nicht angeschaut würden, oder sind sie solche, die nur an der Form der Anschauung allein haften und mithin an der subjektiven Beschaffenheit unseres Gemüts, ohne welche diese Prädikate gar keinem Dinge beigelegt werden können?" (Kant, 1979, S. 95).

Альтернативная форма данного вопроса концептуально предвосхищает проблематику первой части "Критики чистого разума" - "Трансцендентальной эстетики". В отличие от обычного альтернативного вопроса данный вопрос формулируется как проблема, обладает, если позволительно так выразиться, ярко выраженной проблематической модальностью, так как семантика его - он называет определенную проблемно-познавательную ситуацию - и его коммуникативная установка - одновременная направленность на адресата и на предмет изложения - специфичны.

Псевдопроблемным становится данный вопрос, если он окрашен риторической модальностью. Например:

"Wäre es demnach nicht rathsamer, es in moralischen Dingen bei dem gemeinen Vernunfttheil bewenden zu lassen, und höchstens nur Philosophie anzubringen, um das System der Sitten desto vollständiger und fasslicher, ingleichen die Regeln derselben zum Gebrauche (noch mehr aber zum Disputieren) bequemer darzustellen...?" (Kant, 1838, S. 26).

Так как риторические вопросы по своей функции представляют собой более экспрессивную форму утверждения, то в кантовском тексте они используются нередко в качестве обоснования, сигнализируемого обычно союзом denn:

"Denn mit welchem Rechte können wir das, was vielleicht nur unter den zufälligen Bedingungen der Menschheit gültig ist, als allgemeine Vorschrift für jede vernünftige Natur in unbeschränkte Achtung bringen, und wie sollen Gesetze der Bestimmung unseres Willens, für Gesetze der Bestimmung des Willens eines vernünftigen Wesens überhaupt und, nur als solche, auch für den unsrigen gehalten werden, wenn sie blos empirisch wären, und nicht völlig a priori aus reiner aber praktischer Vernunft ihren Ursprung nähmen?" (Kant, 1838, S. 31).

В настоящее время в лингвистике общим местом считается, что номинативная функция присуща не только слову или словосочетанию, но и предложению. Так Б.Н. Головин и Р.Ю. Кобрин, приводя в качестве примера предложение "В диссертационной работе исследуется классический блоковский ямб", указывают, что данное предложение называет конкретную ситуацию профессиональной деятельности литературоведа (Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю., 1987, с. 67). Однако дальше этого утверждения они не идут, хотя многое из того, что они говорят о термине, имея в виду слово и словосочетание, можно вполне отнести и к функционированию пропозиций в научном тексте. Особенно это относится к такой сложной прозе, какой является проза И. Канта. Памятуя о тесном диалектическом единстве содержания и формы при анализе кантовской прозы, следует признать, что априорный синтез, лежащий в основе Кантова трансцендентализма, совершается прежде всего в рамках суждения. Следовательно, не в понятии, а в первую очередь в суждении обнаруживается своеобразие мышления философа. Как показал В.Н. Брюшинкин (Брюшинкин В.Н., 1986, с. 29-38), в основе логики Канта лежит сужденческий принцип, так как суждение, по Канту, ге-

нетиически первично, оно является единицей анализа мышления, умозаключение же есть единица, приспособленная для определенных целей. К этому можно было бы добавить, что сужденческая, т.е. субъектно-предикатная, следовательно, двухчастная структура лежит в основе синтаксиса Кантовой прозы. На это, в частности, указывал и сам Кант, подчеркивая, что все отношения мышления в суждениях сводятся либо к отношению субъекта к предикату, либо причины (основания) к следствию, либо к разделительному отношению, т.е. отношению логической противоположности, члены которого тем не менее покрывают все вместе всю сферу определенного знания. При этом в первом случае речь идет о двух понятиях, во втором - о двух суждениях в отношении их друг к другу, в третьем - о многих суждениях, (естественно, не менее двух), находящихся в отношении логической противоположности (Кант И., 1964. с. 170 и др.).

Хотя сужденческий принцип и составляет основу высказывания у Канта, тем не менее конкретные синтаксические формы его реализации сложны и многообразны. Прежде всего это относится к наиболее частотной в тексте субъектно-предикатной пропозиции с глаголом - связкой *sein*, которая получает у Канта специфический трансцендентальный смысл: она обозначает отношение представлений к первоначальному необходимому единству апперцепции и отличает объективный, т.е. априорный синтез представлений от субъективного, или эмпирического, или ассоциативного синтеза их. Она обладает также аподиктической модальностью, т.е. модальностью необходимости. Следовательно, эти конструкции получают специфическую интерпретацию и в контексте кантовского учения являются терминологическими построениями.

По своему содержанию и функции их можно подразделить на основоположения, теоремы, постулаты, максимы и другие основополагающие словесные формулировки. Все они имеют, как правило, тезисообразный характер и обладают глобальной для учения Канта концептуальностью. Они лежат в основе дальнейшего развертывания философского дискурса. Формальным признаком их является презентная форма сказуемого со значением вневременности и наличие лексических средств с семантикой абсолютной значимости для данного контекста, т.е. слов типа *alle, alles, jeder, allgemein, niemals, überhaupt, jederzeit, notwendig*.

Например:

"Alle Erscheinungen stehen, ihrem Dasein nach, a priori unter Regeln der Bestimmung ihres Verhältnisses in einer Zeit". (Kant I., 1979, S. 27).

Специфическим признаком этих структур является то, что они обладают модальностью абсолютной логической значимости, не знающей исключений, например: "Ein jedes Ding der Natur wirkt nach Gesetzen."

Нередко они вводятся метатекстовыми выражениями, что придает им подчеркнутую рематичность: "Grundsatz des reinen Verstandes: Alle Erscheinungen sind ihrer Anschauung nach extensive Größen."

Начиная какой-либо новый фрагмент коммуникации, они проходят процесс обоснования или доказательства и вновь повторяются, но уже в качестве выводов. В этом случае они оформляются обычно вторичной предикацией, т.е. имеют форму придаточного предложения, например: "Hieraus flieBt nun unwidersprechlich: daB die reinen Verstandesbegriffe niemals von transzendentelem, sondern jederzeit nur von empirischem Gebrauche sein können, ... (Kant I., 1979, S. 341).

Процесс вывода, вернее его результат сигнализируется присутствием в начальной позиции или в позиции за финитным глаголом слов с семантикой вывода, т.е. текстовых союзов, например таких как: also, folglich, mithin, demnach, so. Процесс обоснования часто совершается в пределах одного, но порой весьма сложного предложения, содержание которого служит основанием для производства выводного суждения. В этом случае высказывание строится причинно-следственной модели, вводимой союзами da или weil. При этом в главном стоит, как правило, коррелят so: "Da die Zeit nur die Form der Anschauung, mithin der Gegenstände, als Erscheinungen ist, so ist das, was an diesen der Empfindung entspricht, die transzendente Materie aller Gegenstände, als Dinge an sich (die Sachheit, Realität). (Kant I., 1979, S. 242).

Очень часто однако абсолютная значимость содержания предложения - концента ограничивается указанием условия, при котором оно значимо. В этом случае высказывание принимает форму имплицативного суждения как например: "Wenn also Freiheit des Willens vorausgesetzt wird, so folgt die Sittlichkeit sammt ihrem Prinzip heraus, durch blosse Zergliederung ihres Begriffs." (Kant I., 1838, S. 79).

Однако связанное условием концептуальное суждение теряет, по Канту, модальность абсолютной значимости и переходит в ассерторическую модальность, которая означает, что связь между понятиями в суждении обусловлена рассудком согласно его правилам, модальность же придаточного предложения гипотетична, т.е. суждение рассматривается как логически возможное. Поэтому имплицативное суждение используется Кантом часто как средство анализа какого-либо понятия. При этом обе части, антецедент и консеквент, могут быть настолько распространены, что образуется сложная синтаксическая единица - период. Например: "Wenn es nun ein notwendiges Gesetz unserer Sinnlichkeit, mithin eine formale Bedingung aller Wahrnehmung ist: daB die vorige Zeit die folgende notwendig bestimmt; (indem ich zur folgenden nicht anders gelangen kann, als durch die vorhergehende), so ist es auch ein unentbehrliches Gesetz der empirischen Vorstellung der Zeitreihe, daB die Erscheinungen der vergangenen Zeit jedes Dasein in der folgenden bestimmen, und daB diese, als Begebenheiten, nicht stattfinden, als sofern jene ihnen ihr Dasein in der Zeit bestimmen, d.i. nach einer Regel festsetzen." (Kant I., 1979, S. 292).

Данный период состоит из девяти пропозиций, из которых четыре находятся в антецеденте, а пять - в консеквенте. Основное имплицативное отношение осложнено в антецеденте отношением логического следования (mithin), изъяснительными (daB), обстоятельственными (indem). Консеквент осложнен: изъяснительными с конъюнкцией (daB und daB), ограничительными (als insofern), перифразированием (d.i.). Так как подобное синтаксическое построение обусловлено необычайно сложным содержанием, в них представленном, то с учетом того, что они насыщены терминологической лексикой, их следует также считать терминативными.

Следующей большой группой пропозиций является группа конструкций с функцией дефиниции тех или иных философских понятий, вводимых в рассуждение. Они употребляются главным образом на начальном этапе рассуждения, который характеризуется экспозитивной формой речи. Отличительной чертой этих построений является то, что они содержат в своем составе, как правило, определительные придаточные предложения или инфинитивные группы. Сложность содержания определения приводит к тому, что основная предикативная линия играет роль структурного стержня формирования высказывания, а основное

содержание несут придаточные предложения и инфинитивные группы, т.е. конструкции со вторичной предикацией. Например: "Auf welche Art und welche Mittel sich auch eine Erkenntnis auf Gegenstände beziehen mag, so ist doch diejenige, wodurch sie sich auf dieselbe unmittelbar bezieht, und worauf alles Denken als Mittel abzweckt, die Anschauung." (Kant I., 1979, S. 92).

Специфически авторскими формами определений следует считать конструкции с глаголами *nehmen*, *verstehen*. Они реализуют в своей форме трансцендентальный принцип "Я мыслю", являются, следовательно, терминативными. Например: "Ich nehme alle Vorstellungen rein (im transzendentalen Verstande), in denen nichts, was zur Empfindung gehört, angetroffen wird." (Kant I., 1979, S. 93). Для них также характерна аподиктическая модальность, ее подчеркиванию служит модальный глагол *müssen*. Например: "Aber diese Anschauung muß a priori, d.i. vor aller Wahrnehmung eines Gegenstandes, in uns angetroffen werden, mithin reine, nicht empirische Anschauung sein." (Kant I., 1979, S. (98).

Усилению экспрессивности определения служат также лексические сочетания типа *nichts als*, *nichts anders als*, *nichts weiter als*, а также аналитический союз с семантикой противопоставления *nicht ... , sondern*; *kein ... , sondern ...*; *nicht ... weder ... , sondern ...*. Последний играет чрезвычайно важную роль в речи Канта: с его помощью он дистанцируется от общепринятой точки зрения и утверждает свою: "Die Zeit ist kein diskursiver, oder, wie man ihn nennt, allgemeiner Begriff, sondern eine reine Form der sinnlichen Anschauung." (Kant I., 1979, S. 104).

Наконец, следует вкратце остановиться и на побудительных моделях, с помощью которых формулируются правила, предписания и императивы нравственного поведения человека в "Критике практического разума" и в "Метафизике нравов". Все вместе взятые они содержат кантовский нравственный идеал, т.е. отвечают на вопрос "Что я должен делать?". Эти высказывания состоят обычно также из двух частей, вводной и основной. Вводная подчеркивает рематичность, важность основной, она носит метатекстовый характер, т.е. вводит высказывание в текст. Например: "Der kategorische Imperativ ist also nur ein einziger, und zwar dieser: handle nur nach derjenigen Maxime, durch die Du zugleich wollen kannst, dass sie ein allgemeines Gesetz werde." (Kant I., 1838, S. 47).

Так как основным принципом кантовского рассуждения является стремление не оставлять без обоснования ни одного важного положения, то нравственные императивы также обосновываются. В этом случае обоснование предшествует обосновываемому, чтобы сохранить за ним характер рематичности (в тексте этому служит также особый шрифт):

"Weil die Allgemeinheit des Gesetzes, wonach Wirkungen geschehen, dasjenige ausmacht, was eigentlich Natur im allgemeinsten Verstande (der Form nach), d.i. das Daseyn, so ferne es nach allgemeinen Gesetzen bestimmt ist, so könnte der allgemeine Imperativ der Pflicht auch so lauten: handle so, als ob die Maxime Deiner Handlung durch Deinen Willen zum allgemeinen Naturgesetze werden sollte."⁺ (Kant I, 1838, S. 47).

Итак, синтаксис Канта насквозь терминативен, т.е. он обладает качеством терминологичности. Это обусловлено прежде всего специфическим концептуальным содержанием учения И. Канта. Являясь формой выражения этого содержания, он, в свою очередь, трансформируется, семантика синтаксических форм переосмысливается, получает сугубо авторскую интерпретацию. Меняется и коммуникативная установка. Вопрос становится средством выражения проблемы или гипотезы, так как он обладает двойной направленностью: на адресата и на предмет рассуждения. Отсюда сложность синтаксической формы вопросов, их размер.

Повествовательные модели столь же специфичны по содержанию: они формулируют основоположения, законы, постулаты, максимы и другие формулировки концептуального характера, которые в своей совокупности образуют концептуальное ядро текста, его глубинную структуру. Они тесно связаны с процессом мышления, построены по сужденческому, т.е. двухчастному принципу, обладают специфической авторской модальностью. При этом обе части, будучи представлены предложениями, вернее пропозициями, находятся, как правило, в имплицативных, причинно-следственных или в противительных отношениях, которые можно назвать базисными. Последние могут быть осложнены побочными отношениями, что приводит к значительному осложнению высказывания (период).

Побудительные конструкции служат выражению правил и императивов нравственного поведения человека. Они формулируют

⁺ При цитировании сохраняется орфография оригинала.

нравственный идеал философа. Невозможность их введения в текст с помощью союзов приводит к необходимости использования метатекстовых средств, благодаря чему они носят подчеркнуто рематический характер.

Л И Т Е Р А Т У Р А

Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. - М., 1987.

Брюшинкин В.Н. Кант и синлогистика. Некоторые размышления по поводу "Ложного мудрствования в четырех фигурах силлогизма" // Кантовский сборник. - Калининград, 1986.

Кант И. Критика чистого разума / Соч. в 6-ти томах. - Т. 3. - М., 1964.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Kant I. Kritik der reinen Vernunft. - Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1979.

Kant I. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten und Kritik der praktischen Vernunft. - Leipzig: Leopold Voss, 1838.

ZUM TERMINOLOGISCHEN CHARAKTER DER SYNTAX DER WISSENSCHAFTLICHEN PROSA

Ivan D. Koptsev

R e s ü m e e

Im vorliegenden Beitrag wird der Versuch unternommen, anhand von Kantischen Texten zu begründen, daß die syntaktische Form unter dem Einfluß des spezifischen Inhaltes terminologischen Charakter annimmt, d.h. ihre Semantik und kommunikative Funktion völlig verändert wird. Frage-, Aussage- und Aufforderungssätze dienen dem Ausdruck des spezifisch philosophischen Inhaltes: der Hypothesen, Gesetze, Regeln, Postulate, Imperative usw. Dabei weisen sie spezifische logisch-philosophische Modalitäten auf: die problematische, hypothetische, assertorische, apodiktische. Darüberhinaus wird die syntaktische Form von der Subjekt-Prädikat-Beziehung geprägt, d.h. eindeutig zweiteilig. Beide Teile können dabei sehr kompliziert ausfallen, so daß es zur Periode kommt. All das verleitet den Autor zum Schluß, daß die Kantische Syntax durchaus terminologisch ist.

PHRASEOLOGISMEN UND MODALITÄT DES TEXTES

K. Lepa

In der letzten Zeit befaßt sich die Phraseologieforschung neben den systemhaften Eigenschaften der Phraseologismen auch zunehmend mit der funktionalen Seite dieser sprachlichen Erscheinung, mit der Rolle der Phraseologismen im Text. (S. z.B. Cernyseva 1980; Fleischer 1982). Man untersucht dabei sowohl die Rolle der Phraseologismen bei der Konstituierung der Textkohärenz (die sog. textbildende Rolle der Phraseologismen, S. Cernyseva 1980, 94) als auch die pragmatischen Funktionen der Phraseologie im Text. Mit dem letztgenannten Aspekt hängen offensichtlich auch modale Eigenschaften der Texte eng zusammen.

Der Begriff der Textmodalität ist in der Linguistik allerdings umstritten. In der vorliegenden Arbeit geht man von der Auffassung der Modalität als einer Kategorie aus, die im allgemeinen Sinne die Einstellung des Sprechers zum Inhalt seiner Aussage und zu deren Beziehung zur Wirklichkeit beinhaltet, und stützt sich dabei vor allem auf O. Donskova, die bei der Analyse von Dramatexten des Englischen folgende Arten der Textmodalität unterschieden hat:

- positiv bewertende Textmodalität, wie Billigung, Sympathie, Liebe, Begeisterung;
- negativ bewertende Textmodalität, wie Mißbilligung, Verurteilung, Ironie, Verachtung, Widerwillen, Abscheu.

Die Grundlage bildet dabei offensichtlich das Merkmal "Billigung/Mißbilligung", das man weiter nach dem Grad der Emotionalität und Expressivität sowie nach dem Abstand zur sozialen Norm klassifizieren kann (S. Donskova 1982, 5).

Die vorliegende Arbeit geht von der Vorstellung aus, daß die verschiedenen Mittel zum Ausdruck der Modalität eines Textes eine komplizierte Struktur bilden, indem sie miteinander in vielfältige Wechselwirkung treten. Nach unseren Beobachtungen können die Phraseologismen in dieser Struktur folgende grundlegende Funktionen haben:

- 1) zusammen mit anderen sprachlichen Mitteln können sie ein Element dieser Struktur sein;
- 2) sie können den Mittelpunkt dieser Struktur bilden, indem sie den wichtigsten modalen Sinn eines Mikrotextes zum Aus-

druck bringen.

In beiden Fällen werden im Text die konnotativen Merkmale der Phraseologismen aktualisiert. Die Konnotation wird hier als eine objektive Eigenschaft der Phraseologismen aufgefaßt, zu der vier Komponenten gehören: Emotionalität, Bewertung, Expressivität und Stilfärbung.

Allgemein bekannt ist die Tatsache, daß mit Hilfe der Phraseologismen vor allem negative Bewertungen und emotionale Einstellungen zum Ausdruck gebracht werden. Deshalb überwiegen solche Phraseologismen auch bei der Schaffung der Textmodalität. Mit Hilfe der Phraseologismen wird sehr oft Ironie, Widerwille, manchmal sogar Abscheu zum Objekt der Bewertung zum Ausdruck gebracht:

"Die Schließung der Küche ist glücklich wieder einmal abgewendet", berichtete Paula Schäller. "Schanzer ist von Pontius zu Pilatus gelaufen und hat wirklich einige Gelder aufgetrieben, um die allerdringlichsten Schulden zu bezahlen..." (Erpenbeck 1955, 369).

Aber die meisten Kameraden schneiden ihn. Oder brechen ihr Gespräch ab, wenn er hinzukommt. Was ist das nur - warum traut man ihm nicht mehr? Eins in die Fresse hauen müßte man den Kerlen, schließlich ist er doch nicht der erste beste... (Erpenbeck 1955, 429).

"Wer einmal lügt, dem glaubt man nicht. Und dieser Hitler lügt überall, wo er das Maul aufreißt..." (Zech 1980, 165).

Zur Schaffung der positiv bewertenden Textmodalität werden die Phraseologismen relativ selten benutzt:

Die übliche Pause. Niemand will zunächst sprechen. Adam Nietnagel fürchtet sich, ein gutes Wort für Ole einzulegen. (Strittmatter 1963, 191).

Bei einer Reihe von Phraseologismen spielt in der konnotativen Bedeutung die Expressivität die führende Rolle. Solche Phraseologismen (vor allem Wortpaare) dienen in der modalen Struktur eines Mikrotextes zur Hervorhebung der Modalitäten, die mit Hilfe anderer sprachlicher Mittel zum Ausdruck gebracht werden:

Auf den Gedanken, das Radio endlich einzuschalten und die Nachrichten zu hören, kam er nicht. Er hätte das zynische Pathos des Herrn Goebbels hören und sich einen

Vers darauf machen können, was diese durch und durch verlogene Stimme dem Mikrofon alles zumutete. (Zech 1980, 50).

Bedingt durch die Tatsache, daß in der Bedeutung der Phraseologismen die Konnotation die führende Rolle spielt, nehmen sie in der modalen Struktur des Textes häufig eine besonders wichtige Stelle ein und werden zum Mittelpunkt dieser Struktur, zum wichtigsten Element bei der Wiedergabe der Textmodalität. Eine Gradation der modalen Bewertung bis hin zum Phraseologismus wird im nächsten Beispiel deutlich:

Immer dieses gemeinsame Abendessen im Konferenzzimmer, diese ewigen Besprechungen beim Abendbrot! Das geht einen doch gar nichts an, damit hat man doch gar nichts zu tun, das hängt ja einem zum Halse raus. (Noll 1964, 37).

Nicht selten erhalten in einem Mikrotext verschiedene Objekte eine Bewertung. Mit Hilfe des Phraseologismus wird dabei meistens das in diesem Zusammenhang wichtigste Objekt, das eigentliche Redethema, bewertet. So kommt es im folgenden Beispiel nicht so sehr auf die Bewertung der im Text genannten Person, sondern seiner Ausnutzung durch andere an:

"Aber mit dem Holländer, mit dem van der Lübbe, oder wie das Schwein heißt, haben sie sich ganz schön in die Tinte gesetzt." (Erpenbeck 1955, 329).

Beim Auftreten von Phraseologismen als wichtigstes Glied der modalen Textstruktur sind zwei Unterarten möglich. Erstens kann ein Phraseologismus den modalen Inhalt einer ganzen vorhergehenden Textpassage zusammenfassen. Oft enthält dann der entsprechende Mikrotext nur eine rational-logische Darlegung der Ereignisse ohne besondere emotional-expressive oder bewertende Mittel, und erst am Ende des Mikrotextes wird eine zusammenfassende Bewertung gegeben (oft mittels eines Phraseologismus):

"...Haben Sie gestern nicht gehört, mit welchen - sozusagen - Argumenten der Mann arbeitet? In der Sowjetunion plane man die Abschaffung der Brotkarte: das bedeute die Wiedereinführung des kapitalistischen Systems. Donnerwetter, da kann einen ja das große Kotzen ankommen..." (Erpenbeck 1955, 156-157).

Die zweite Möglichkeit besteht darin, daß man gleich zu

Beginn eines Mikrotexes mit Hilfe eines Phraseologismus die emotional-bewertende Einstellung zum Dargestellten gibt, diese Einstellung wird dann im weiteren durch rational-logische und/oder emotional-expressive Mittel erläutert oder präzisiert:

Da zeigte er die Zähne: entweder - oder! Entweder die sieben verlassen das Heim, und wir stimmen dem zu - oder der Parteivorstand wirft uns alle raus und schließt den Laden. (Erpenbeck 1955, 405).

Interessante Wechselwirkungen sind zwischen der globalen Modalität eines Mikro- oder sogar Makrotexes und der konnotativen Bedeutung eines konkreten Phraseologismus möglich. Wenn sie in ihrer Polarität (positiv - negativ) nicht übereinstimmen, sind verschiedene Effekte möglich, vor allem wird dabei die ironische Einstellung des Sprechers (oder auch des Autors) sichtbar. Mit Hilfe dieses Effektes gelingt E.Strittmatter z.B. eine kurze und prägnante Charakterisierung des Sägemüllers Ramsch:

Sägemüller Ramsch durfte zu seinem Leidwesen nicht am Kriege teilnehmen. Man schloß ihn aus von Ruhm und Ehren. Das hatte er einer Herzkrankheit zuzuschreiben, die er sich in Übersee zugezogen hatte. (Strittmatter 1963, 69).

Interessant ist, daß dabei meistens Phraseologismen, die eigentlich eine positive Einstellung zum bezeichneten Objekt zum Ausdruck bringen, zur Verstärkung der globalen negativen Bewertung verwendet werden. Dies wird auch im folgenden Beispiel deutlich:

"So ernst, so strong, man sieht nichts mehr von deinen schönen Zähnen, Fischerstochter."

"Soll ich grinsen, wenn sie mich schmähen?"

"Schmäht dich wer?"

"Nein", erwiderte Anngret wild. "Sie tragen mich auf Händen. Selbst du bist dir nicht zu schade, im dunklen Walde mit mir zu reden!" (Strittmatter 1963, 70).

Einige Schriftsteller gebrauchen dieses Mittel relativ häufig, um bei Lesern eine bestimmte Einstellung zu dargestellten Personen oder Ereignissen zu erzeugen. Besonders stark wirkt dieses Mittel dann, wenn eine literarische Gestalt eine Erscheinung oder ein Objekt positiv bewertet,

die usuelle Bewertung durch die Gesellschaft aber negativ ist. Auf diesem Effekt beruht die starke negative Bewertung im folgenden Textabschnitt, in dem zwei Gestalten in ihrer Rede positiv bewertende Phraseologismen zur Darstellung von Handlungen verwenden, die von der Gesellschaft negativ eingeschätzt werden. Dadurch kann beim Leser Widerwille, sogar Ekel hervorgerufen werden:

"...Du mußt dafür sorgen, Karl, daß du mehr im Bulettenkeller beschäftigt wirst. Damit du dich an den Blut- und Fleischgeruch gewöhnst. Und wenn du den Bogen heraus hast, wird auch der zweite Stern nicht lange auf sich warten lassen. Sieh mal, dein Bruder August, der hat ihn schon längst. Der ist fleißiger gewesen. Der hat drauflos gedroschen wie Blücher..." (Zech 1980, 127).

Der gleiche Effekt kommt zustande, wenn eine Gestalt einen Phraseologismus, der usuell negative Bewertung beinhaltet, zum Ausdruck einer positiven Einstellung verwendet. So gebraucht im folgenden Beispiel ein Journalist die Redewendung 'sich etwas aus den Fingern saugen' im positiven Sinne, wodurch seine gesamte journalistische Tätigkeit in Zweifel gezogen wird:

"Dann eben nicht", sagte er ruhiger, "dann leb wohl. Wenn ich schon neun Zehntel des Blattes selber schreiben muß, dann werde ich auch das letzte Zehntel ohne dich voll bekommen; für Material sorgen die da drüben ja in Hülle und Fülle. ...Die paar armseligen Tips, die du aus deiner Privatkorrespondenz holst, mein Lieber, die saug ich mir als alter Journalist noch zehnmals aus den Fingern." (Erpenbeck 1955, 224).

Aus dem vorher Gesagten wird deutlich, daß die Phraseologismen bei der Schaffung der modalen Inhalte im Text eine nicht zu unterschätzende Rolle spielen können. Dank ihren besonderen Eigenschaften als sprachliche Zeichen sind sie hervorragend geeignet, die Funktion zu übernehmen, die Einstellungen, Gefühle, Bewertungen der Kommunikationsteilnehmer zum Ausdruck zu bringen. Dabei nehmen sie in der modal-bewertenden Struktur der Aussage oft einen wichtigen Platz ein, indem sie den Mittelpunkt dieser Struktur bilden, den Gesamtsinn verstärken oder modifizieren.

L I T E R A T U R

- Cernyseva, I. I. Feste Wortkomplexe des Deutschen in Sprache und Rede. - M.: Vyssaja Skola, 1980. - 141 S.
- Erpenbeck, F. Emigranten. - Berlin: Volk und Welt, 1955. - 619 S.
- Fleischer, W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. - Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982. - 250 S.
- Noll, D. Die Abenteuer des Werner Holt. Roman einer Heimkehr. - Berlin/Weimar: Aufbau-Verlag, 1964. - 478 S.
- Strittmatter, E. Ole Bienkopp. - Berlin: Aufbau-Verlag, 1963. - 428 S.
- Zech, P. Deutschland, dein Tänzer ist der Tod. - Rudolstadt: Greifenverlag, 1981. - 397 S.
- Донскова О.А. Средства выражения категории модальности в драматургическом тексте. Автореф. ... канд. филол. наук. - М., 1982. - 24 с.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И МОДАЛЬНОСТЬ ТЕКСТА

К. Лепа

Р е з ю м е

В статье рассматривается роль фразеологии в создании модальных характеристик текста. Благодаря их языковым свойствам фразеологизмы могут играть важную роль при создании модально-оценочной структуры текста, выступая членом этой структуры или главным его звеном, выражением главного модально-оценочного смысла.

ZUM METAPHERNVERSTÄNDNIS BEI KINDERN

K.Terve, K.Lepa

Die Metapher als sprachliche Erscheinung hat Sprachforscher schon immer interessiert. Man hat sich dabei meistens mit dem stilistischen Aspekt der Metapher, ihrer Rolle bei der Schaffung der Bildlichkeit von Kunstwerken befaßt, seltener mit der Metapher als Mittel der Nomination und mit den semantischen und kognitiven Prozessen, die bei der Bildung von Metaphern ablaufen. Weniger erforscht ist dagegen die Entwicklung der Fähigkeit, Metaphern zu verstehen und zu bilden, bei den Kindern. Dabei ist die Tatsache, daß Kinder Schwierigkeiten mit der übertragenen Bedeutung haben, allen Eltern, Erziehern und Lehrern sehr gut bekannt. Wie unser Briefwechsel mit einer Reihe von Kinderschriftstellern der DDR und der Bundesrepublik gezeigt hat, sind auch sie sich des Problems vollkommen bewußt und versuchen mindestens zum Teil bei der sprachlichen Gestaltung ihrer Werke der geringer entwickelten Fähigkeit der Kinder, übertragene Strukturen zu verstehen, Rechnung zu tragen.

Im folgenden versuchen wir, dem Problem nachzugehen, wie der Metaphererwerb beim Kinde erfolgt und auf welche geistigen Mittel sich das Kind stützt, um metaphorische Bedeutungen nachzuvollziehen.

Durch die Metapher wird eine Vorstellung hervorgerufen. Die Welt der Metapher ist die Welt des anschaulichen Denkens. Wenn das Kind imstande ist, die Erkenntnis über die Welt anschaulich zu repräsentieren, so bedeutet dies zugleich sein Eintreten in die Welt der Vorstellung und der Anschaulichkeit, in der auch die Metapher als Form der Repräsentation der Erkenntnis und Denkinstrument funktioniert.

Eine notwendige Bedingung zum Metaphernverständnis, zu ihrer adäquaten Interpretation, ist die Erlangung eines bestimmten Niveaus der geistigen Entwicklung bei dem die Metapher wahrnehmenden Subjekt. Dabei stützt sich das Kind vor allem auf die bei ihm vorhandene Fähigkeit zur bildlichen Erfassung der Welt, auf sein Schöpfungstum. Auch andere Leistungen von kleinen Kindern, z.B. die Aneignung der

Sprache, malerische Versuche und Ähnliches haben etwas mit der kindlichen Kreativität zu tun. Wenn solche Aktivitäten, etwa durch ungünstige Entwicklungsbedingungen, eingeschränkt werden, können die geistigen Fähigkeiten verkümmern. "Wenn z.B. mit einem Kind nie über gesehene Filme oder gelesene Bücher gesprochen wird, bleibt das literarische Werk "reine Aktion", und das Kind wird nie oder nur sehr selten Metaphern, Vergleiche, Symbole usw. entschlüsseln und für sich gewinnen können", meint Erni Simmich.

Die geistigen Mittel des Kindes, mit deren Hilfe es Metaphern erschließt, entwickeln sich vor allem aufgrund seiner Wirklichkeitserfahrung, seiner Erziehung, des sozialen Umfeldes, in dem es aufwächst. Offensichtlich spielt auch die Phantasie bei der Nachvollziehung des Metaphorischen eine nicht zu unterschätzende Rolle. Es ist schwer zu entscheiden, ob mehr Phantasie oder Verstand notwendig ist, um Metaphern zu verstehen.

Dies zeigen auch die Ergebnisse einer experimentellen Untersuchung zum Metaphernverständnis bei Kindern, die von A. Schachnarowitsch und N. Jurjewa durchgeführt wurde (S. Telija 1988). Sie haben einige oft in den Kindertexten vorkommende Metaphern (mit dem entsprechenden Kontext) ausgewählt, die die Kinder auf 3 unterschiedlichen Altersstufen (3 bis 4, 4 bis 5 und 5 bis 6 Jahre) interpretieren sollten. Das Experiment wurde in Form eines individuellen Gesprächs durchgeführt.

Folgende Interpretationsversuche der Metaphern sind für die erste Altersstufe charakteristisch:

das lebendige Wasser - man trinkt Wasser;

es kann getrunken werden;

der Winter wütet - Schnee. Es ist kalt. Der Wind

bläst. Es schneit im Winter. Die Schneeflocken fallen auf die Handschuhe und schmelzen.

der Frühling klopft ans Fenster - Es ist warm, die

Bächlein laufen. Der Frühling ist da, die Sonne scheint. Der Frühling kommt, der Schnee schmilzt (Telija 1988, 113).

Die Beispiele zeigen, daß die Interpretationsversuche der Metaphern auf Beziehungen und Verhältnissen beruhen, die der unmittelbaren Wirklichkeit des Kindes entstammen. Die metaphorische Beziehung zwischen zwei Objekten der Wirklichkeit kann noch nicht nachvollzogen werden. Auch Kinder der beiden älteren Stufen neigen zum Teil noch zu diesem Typ.

In der zweiten und dritten Altersstufe treten aber auch schon solche Erklärungsversuche auf:

der Sturm heult - Die Hunde heulen, der Sturm heult nicht.

das Meer lacht - Man badet im Meer. Das Meer lacht nicht. Auf dem Meer sind Wellen...
Die Kinder spielen.

die Birken flüstern - Sie haben keinen Mund. Sie schaukeln nur (ebd., 115)

Ähnliche Interpretationen zeugen davon, daß das "fremde" Merkmal, das dem Objekt der Metaphorisierung zugesprochen wird, vom Kind bemerkt und als unangemessen abgelehnt wird. Es sucht in der Metapher Logik und Gesetzmäßigkeiten zu finden, die sie nicht enthält. Die Metapher wird auf dieser Etappe als Verletzung von all dem begriffen, was das Kind früher erkannt hat.

Auch die Untersuchung von R.M. Billow hat gezeigt, daß die Kinder unter 7 Jahren Metaphern nicht erfolgreich interpretieren können. Erst vom 7. bis zum 11. Lebensjahr sind sie imstande, vernünftige Erklärungen für die Ähnlichkeitsmetaphern (z.B. "Der Baumzweig war sein Pony") und einigermaßen auch für die Proportionsmetaphern (z.B. "Das Blut des Sommers ist in den reifen Zwergmaulbeeren") zu liefern. Billow denkt, daß für das Metaphernverständnis die Klassifizierungsfähigkeit erforderlich ist. Am intensivsten entwickeln sich diese Denkopoperationen vom 7. bis zum 13. Lebensjahr (Billow 1975, 415 ff.).

Über das Metaphernverständnis bei Kindern kann man also behaupten, daß es altersstufenbedingte Unterschiede aufweist und sicher auch individuell verschieden ist, bedingt durch die jeweilige Wirklichkeitserfahrung und soziale Umwelt. Doch sind schon kleine Kinder imstande, Bilder zu verstehen,

deshalb setzten z.B. Kinderschriftsteller häufig schon in Büchern für kleine Kinder bildliche Mittel ein, wodurch das kindliche Auffassungsvermögen auch trainiert werden kann.

L I T E R A T U R

Billow, R.M. A cognitive development study of metaphor comprehension//In: Developmental Psychology, 1975, p. 415-423.

Телия В.Н. Метафора в языке и тексте. - М.: Наука, 1988. - 176 С.

О ПОНИМАНИИ МЕТАФОР ДЕТЬМИ

К.Терве, К.Лепя

Р е з ю м е

В статье рассматривается проблема развития у детей способности к пониманию переносных значений, исходя при этом из их умственных способностей на разных этапах развития.

STRECKFORMEN IM DIENSTE DER SPRACHLICHEN KOMMUNIKATION

A.Mirski, V.Balakirev

Die Streckformen stehen schon seit den 60er Jahren im Mittelpunkt der Betrachtung der Sprachgermanisten (Daniels, v.Polenz, Schmidt, Heringer, Kowal u.a.). Der Überblick über die meisten Arbeiten läßt die Feststellung zu, daß es wohl kaum eine andere sprachliche Erscheinung im Deutschen, als auch in den anderen Sprachen gibt, deren Bedeutung für die Kommunikation so umstritten und deren sprachlicher Wert so häufig in Zweifel gestellt worden ist, wie die der Streckformen. Die letzteren werden sowohl ästhetisch-stilistisch, als auch sprachkritisch betrachtet, man versucht ihre semantischen Leistungen und syntaktischen Besonderheiten genauer zu bestimmen. Dabei wird immer wieder betont, daß die Streckformen eine komplizierte sprachliche Erscheinung darstellen, die in den Zwischenbereich der Syntax, Wortbildung und Phraseologie gehört und systematisch in Grammatik, Lexikologie, Stilistik und Sprachgeschichte erforscht werden soll.

Die Streckformen bekamen in der Sprachtheorie viele variierende Bezeichnungen, wie "Streckformen des Verbs" (Schmidt, 1968), "Verbaufspaltungen", "nominale Umschreibungen" (Stötzel, 1966), "Nominalfügungen" (Popadić, 1971), "verbal-substantivische usu-elle Wortverbindungen" (КОВАЛЬ, 1974) usw. Schon aus diesen Bezeichnungen ist ersichtlich, daß hier Fälle summiert sind, wo statt eines Verbs eine Verbindung aus einem inhaltsleeren Verb mit einem durch Nominalisierung des Verbs entstandenen Substantiv verwendet wird; z.B. eine Zustimmung geben, eine Unterstützung leisten, einen Besuch machen usw.

Längere Zeit wurde diskutiert, ob es einen Unterschied zwischen einem vollständigen Verb und einer Streckform gibt. In der Fachliteratur wurde der Standpunkt vertreten, daß dieser

Wortbildungstyp anstelle eines gleichbedeutenden Verbs gebraucht werden kann, d.h., daß er nichts anderes als eine Umschreibung dieses Verbs ist und daher auch beliebig durch das Verb ersetzt werden kann (Tuchel, 1982, 5). Eine solche Auffassung stimmt heute nicht mehr ganz mit der Sprachwirklichkeit überein.

In dem vorliegenden Artikel wird versucht, die Eigenschaften der echten Streckformen zu beschreiben, die helfen sollen den Unterschied im Gebrauch zwischen einfachem Verb und Streckform feststellen.

Von der Syntax aus sind die Streckformen komplexe Prädikatsausdrücke (ähnlich den Hilfs- und Modalverbgefügen). Sie bestehen aus einem Funktionsverb (z.B. kommen, geraten, setzen, sein), aus einem Substantiv, das ein Nomen actionis oder überhaupt Nomen abstraktum ist, meist einem Verbalabstraktum (z.B. Bewegung, Zustimmung, Unterstützung), seltener einem Adjektivabstraktum (z.B. Verlegenheit) und einer Präposition (in, zu, unter, außer usw.), z.B. zur Kenntnis bringen. Das Substantiv steht fast immer im Singular, ihm fehlt meist der Artikel, oder er ist mit der Präposition verschmolzen (im, zum, zur, ins, beim).

In bezug auf die Satzgliedstellung verhalten sich die Streckformen als klammerbildende zweiteilige Prädikatsausdrücke ähnlich wie Prädikate mit Hilfsverben. Wie bei Hilfs- und Modalverbgefügen ist die Zahl der im Satz notwendigen und fakultativen Ergänzungen von der Valenz der ganzen Streckform abhängig, nicht aber von der Valenz des Funktionsverbs, "wobei die Grundvalenz mit der Valenz des dem Substantiv zugrunde liegenden Verbs identisch ist" (Helbig, 1979, 276).

Es gibt aber auch besondere semantische Eigenschaften der Streckformen. Das Funktionsverb leistet einen bestimmten Beitrag zur prädikativen Gesamtbedeutung der Streckform; in der es

vorkommt. Und dieser Beitrag ist mit dem semantischen Beitrag von Hilfs- und Modalverben zur Bedeutung infinitivischer und partizipialer Verbgefüge vergleichbar. Dabei ist das Funktionsverb dem entsprechenden Vollverb semantisch entfremdet, d.h. es hat dessen synonymische Beziehungen verloren. So ist die Koordination zwischen Vollverb und dem Funktionsverb mit Ellipse des Pronomens wegen der semantischen Entfremdung ungrammatisch (z.B. es ist unmöglich zu sagen: Sie brachte den Kranken ins Bett und zum Schweigen). Außerdem ist auch die Präposition von ihrer konkreten Bedeutung entfremdet, so kann sie durch direktive Verstärkungspartikel nicht ergänzbar sein, z.B.: Er kam ins Haus hinein. Vom Standpunkt der Semantik aus lassen sich folgende Arten der Streckformen aussondern.

In erster Linie sind das kausative Streckformen. Die semantische Komponente "kausativ" ist keine Aktionsart, sondern eine bestimmte Art von Prädikationskomplex (z.B. Der Wind brachte das Haus zum Einsturz), bei der "in die 2. Argumentstelle einer Ober-Prädikation mit dem Kausativ-Prädikat "bewirken" über eine Aktionsart A eine Prädikation P eingebettet ist (Polenz, 1987, 172). "Bewirken" wird in der Streckform durch die Funktionsverben wie bringen, setzen, versetzen ausgedrückt.

Zur 2. Gruppe gehören inchoative Streckformen, hier wird der Beginn oder das Zustandekommen einer Handlung, einer Tätigkeit, eines Vorgangs, Ereignisses oder Zustandes bezeichnet, z.B. in Bewegung kommen, in Aufregung geraten, zur Darstellung gelangen.

Die 3. Gruppe bilden durative Streckformen, in denen die Dauer einer Handlung, einer Tätigkeit, eines Vorganges oder eines Zustandes zum Ausdruck gebracht wird, z.B. sich in Bewegung befinden, in Vergessenheit bleiben, zur Verfügung haben, in Be-

ziehung stehen usw.

Bei einem Teil der kausativen, inchoativen und durativen Streckformen ist passivische Bedeutung impliziert, z.B. zur Anwendung kommen, im Druck sein.

Es gibt nun einen speziellen Typ von Streckformen, in denen weder Kausativität noch eine Aktionsart ausgedrückt wird, sondern nur Passivität. So haben in diesem Fall die Streckformen den gleichen semantischen Status wie das Passiv-Hilfsverb "werden", nur daß sich das Funktionsverb syntaktisch mit einem Abstraktum statt Partizip II eines Verbs verbindet, z.B. Anerkennung finden, Entwicklung erfahren (siehe auch: Persson, 1981).

Das Substantiv in der Streckform ist satzsemantisch ein Prädikatsausdruck, d.h. es bezeichnet ein Prädikat, und zwar eine Handlung, eine Tätigkeit, einen Vorgang, ein Ereignis oder einen Zustand, es bildet den prädikativen Kern der Streckform. Mit dem Abstraktum in der Streckform wird nicht auf etwas referiert: es ist syntaktisch keine Ergänzung (Objekt), keine Angabe (Adverbiale). Mit der Referenzlosigkeit hängt auch die starke Reduzierung des Artikelgebrauchs zusammen. Aus dem gleichen Grunde ist es nicht pronominalisierbar und nicht erfragbar, z.B. Sie geriet in Aufregung, aber nicht: Dahin geriet sie; Er nahm es zur Kenntnis, aber nicht: Zu was nahm er es?

Manche Streckformen wurden zu idiomatischen Verbindungen. Den Übergang zu idiomatischen Wendungen stellen Verbindungen mit vereinzelt Verben dar, die sonst im System der Streckformen nicht wieder vorkommen, z.B. an Bedeutung gewinnen, ins Leben rufen, Anstalten treffen (siehe: Bahr, 1977). In solchen Fügungen ist keine Attributivierung möglich, z.B. zur Sprache kommen, aber nicht: zur ausführlichen Sprache kommen.

So zeigt die Analyse des konkreten sprachlichen Stoffes, daß

der Unterschied zwischen dem Vollverb und der Streckform syntaktisch in der Möglichkeit zur Satzklammer durch Trennung beider Teile des Prädikatsgefüges besteht, wobei der sinnwichtigste Teil als Rhema wirkungsvoll hochtonig am Satzende steht. Die substantivische Form eignet sich auch besser zur Typisierung und Terminologisierung von Prädikatsbegriffen in bestimmten kommunikativen Sphären. Deshalb beschränkt sich der semantische Unterschied zwischen einfachem Prädikat und Streckform meist auf pragmatisch-stilistische Wirkungen: die meisten Streckformen sind für akademische, amtssprachliche, technische oder öffentliche Textsorten typisch; der Vorgang oder Zustand wird als "stark konventionalisierter oder ritualisierter Typus gekennzeichnet" (Polenz, 1987, 170).

In vielen Fällen sind bestimmte Streckformen mehr oder weniger eng an bestimmte Nominalisierungen gebunden, sind also im Rahmen der Phraseologie als feste Verbindungen zu behandeln.

So kann man behaupten, daß Wortverbindungen dieses Typs kein Ausdruck von Sprachzerfall (Kleine Enzyklopädie, 1970, 1028), sondern ein Merkmal objektiv verlaufender Sprachentwicklung sind. Das fakultative Stilelement Streckform wurde zu einem analytischen Lexem (Wörterbucheinheit), das neben seinen im Vergleich zum Verb größeren Präzisierungsmöglichkeiten auch den Vorteil bietet, daß der für den Fachmann verbindliche Terminus unverändert (z.B. einen Eingriff vornehmen) in seiner substantivischen Form mit variierbaren Aktionsarten innerhalb der Prädikatsgruppe eines Satzes als Prozeß dargestellt werden kann.

Die Streckformen entwickeln sich aus den Kommunikationsbedürfnissen einer Sprachgemeinschaft, und sie werden so lange in deren Sprache existieren, so lange die Bedingungen für ihre sprachliche Funktion gegeben sind. Daraus resultiert die Notwendigkeit

einer weiteren Erforschung dieser sprachlichen Erscheinung bezüglich ihrer Besonderheiten. Das würde dann erlauben, die Streckformen gegen andere Arten der Nominalverbindungen abzugrenzen. Gerade darauf verweisen in ihren Arbeiten viele Sprachforscher (Yuan, 1983; Suchsland, 1983).

Literatur

- Bahr B. Untersuchungen zu Typen von Funktionsverbgefügen und ihrer Abgrenzung gegen andere Arten der Nominalverbindung. Düsseldorf, Bonn, 1977.
- Helbig G. Probleme der Beschreibung von Funktionsverbgefügen im Deutschen. In: DaF, 1979/16, S. 273-285.
- Kleine Enzyklopädie. Die deutsche Sprache. Band 2, Leipzig, 1970.
- Persson J. Das Funktionsverbgefüge mit dem Funktionsverb "finden". In: DaF, 1981/1, S. 25-32.
- Polenz v. P. Funktionsverben, Funktionsverbgefüge und Verwandtes. Vorschläge zur satzsemantischen Lexikographie. In: ZGL, 1987/2, S. 169-189.
- Popadič H. Untersuchungen zur Frage der Nominalisierung des Verbalausdrucks im heutigen Zeitungsdeutsch. In: Forschungsberichte des IdS Mannheim, 1971/9.
- Schmidt V. Die Streckformen des deutschen Verbums. Substantivisch-verbale Wortverbindungen in publizistischen Texten der Jahre 1948 bis 1967. Halle(Saale), 1968.
- Stötzel G. Zum Nominalstil Meister Eckhardts. In: WW, 1966/16, S. 289-309.
- Suchsland P. Bemerkungen zur logisch-semantischen Analyse von Verben (am Beispiel von "bringen"). In: J.Schildt/D.Vieheweger (Hg.), Die Lexikographie von heute. Berlin, 1983, S. 229-240.
- Tuchel H. Streckformen in der fachsprachlichen Kommunikation. In: Sprachpflege, 1982/1, S. 4-6.
- Yuan J. Deutsche Funktionsverben und Funktionsverbgefüge im Vergleich mit ihren chinesischen Entsprechungen. In: ZGL, 1983/11, S. 192-210.
- Коваль А.С. Глагольно-субстантивные узуальные словосочетания с абстрактными именами действия на -ung в современном немецком языке. Диссер.... канд. филол. наук, Минск, 1974.-197с.

ГЛАГОЛЬНО-СУБСТАНТИВНЫЕ СОЧЕТАНИЯ НА СЛУЖБЕ
ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.Мирский, В.Балакирев

Р е з ю м е

В предлагаемой статье рассматриваются глагольно-субстантивные словосочетания современного немецкого языка в плане установления их семантико-синтаксических особенностей. Наличие у анализируемых словосочетаний специфических свойств на семантическом и синтаксическом уровнях позволяет выделить их в отдельную группу. Анализ конкретного материала показывает, что "растяженные формы" утратили синонимические связи с полнозначными глаголами, а их стилистические свойства делают их **употребительными** в научных и других официальных текстах. Рассматриваемые сочетания возникают из потребностей коммуникации и требуют их дальнейшего исследования в рамках коммуникативной грамматики.

"SAKSA" - "SÄCHSISCH"

SPRACHLICHE ASSOZIATIONEN UND SPRACHLICHE REALITÄT HEUTE

Susanne Müller

"Saksa keele kateeder" - ein aus Sachsen stammender Gast, der - des Estnischen unkundig - erstmalig an dieser Tür anlangt, ist - sofern nicht gerade Sprachgeschichte sein Spezialgebiet ist - im ersten Moment ungemein angenehm überrascht, daß man sich in Estland offenbar intensiv mit seinem Dialekt beschäftigt.

"Saksa" assoziiert beim deutschen native speaker heute unbedingt "Sächsisch", und er lokalisiert diese sprachliche Varietät der deutschen Gegenwartssprache im Süden der DDR, im Raum Halle, Leipzig, Dresden, Karl-Marx-Stadt - Zittau/Görlitz. Beim zweiten Gedankenblitz stellt der Ankömmling aufgrund seines wahrscheinlichen Berufes bestimmt die Verbindung "saksa" - "deutsch" her. Möglicherweise zieht er den Schluß, die Wiege des Deutschen steht in Sachsen, deshalb also Aber das ist ein nur zu naheliegender Fehlschluß, den der estnische Linguist bestimmt mit Leichtigkeit ausräumt, sofern er ausgesprochen wird.

Es hieße Eulen nach Athen tragen, in einer estnischen philologischen Zeitschrift die Etymologie von 'saksa' durch einen deutschen Autor einbringen zu wollen. Vielmehr geht es uns darum, dem estnischen Leser bewußt zu machen, daß das Wort 'sächsisch' für den Deutsch-Muttersprachler von heute andere Assoziationen hervorrufft und andere Konnotationen hat als für den Esten von heute das estnische Uräquivalent 'saksa':

aus deutscher Perspektive

'saksa' - '(ober)sächsisch' - 'deutsch'

aus estnischer Perspektive

'saksa' - 'deutsch' - '(nieder)sächsisch'.

Beim Deutschen beginnt also bei 'saksa' die spontane Translation mit 'sächsisch', wobei diese allgemeinsprachliche Bezeichnung für den sprachwissenschaftlich genaueren Terminus 'obersächsisch' steht. Erst nach Berücksichtigung der Kon-Situation wird er zu 'deutsch' finden.

Beim Esten (Nichtphilologen) unserer Zeit ist wahrscheinlich die Herkunft seines 'saksa' aus 'niedersächsisch' nicht mehr gegenwärtig, so daß bei ihm aufgrund seiner

Sprechererfahrung die feste Verbindung 'saksa' - 'deutsch' besteht, vielleicht auch noch 'Sprache der Deutschen, die früher auch hier lebten'. Sicherlich nur der philologisch bewanderte Este wird den etymologischen Werdegang 'sassesche sprake' - 'Sachsensprache' - 'Hansesprache' - 'Niedersächsisch' kennen.

In der deutschen Umgangssprache der Gegenwart ist 'Niedersächsisch' als Bezeichnung für die sprachliche Varietät in Norddeutschland und speziell im Bundesland Niedersachsen nicht usus. Man spricht dort "Platt" oder "Plattdeutsch", wenn man die dialektale Existenzform meint, ansonsten eine vom 'Platt' beeinflusste Umgangssprache. Die philologische Realität

Niederdeutsch = Niedersächsisch

liegt nicht im Erfahrungsbereich des deutschen Durchschnitts-sprechers unserer Zeit. Jeder von ihnen wird mit 'sächsisch' nur die Vorstellung 'Dialekt der Sachsen' / 'in Sachsen' / 'im ehemaligen Land Sachsen' / 'in Mitteldeutschland' / 'in der DDR' verbinden. Die Verbindung zwischen dem lexikalischen Formativ 'sächsisch' und dem eben erklärten Denotat ist so fest, daß selbst bei Namen wie "Sächsische Akademie der Wissenschaften" oder bei einem Titel wie "Kleines sächsisches Wörterbuch" (1) keine falschen Raumvorstellungen bei Hörern oder Lesern entstehen. Bemerkt werden muß jedoch in diesem Zusammenhang, daß die Bewertung des sächsischen Dialekts durch die gesamte deutschsprachige Kommunikationsgemeinschaft sich im Laufe der Jahrhunderte stark gewandelt hat. Wenn das (Ober-)Sächsische im 18./19. Jahrhundert sehr hoch geschätzt wurde (2), sich daher als dominierende Sprachform gegen die anderen Mundarten durchsetzte und zur Grundlage für die deutsche Nationalsprache wurde, so hat es heute dieses positive Renomme ganz und gar eingebüßt. Wohl kein anderer deutscher Dialekt ist in der Gegenwart in dem gleichen Maß wie das Sächsische Gegenstand von Spott und Lächerlichkeit. In der DDR gilt die Sympathie der Sprecher heute einer Umgangssprache norddeutschen Timbres und unter Jugendlichen ist das Berlinische besonders beliebt (3). Nach Untersuchungen von Thiel 1981 (4) steht das Sächsische auch in der Bundesrepublik und in Österreich am Ende der Popularitätsskala:

Wien	19%	(Österreichisch = Mittel- u. Südbairisch)
Hamburg	18%	(Niederdeutsch)
Köln	16%	(Ripuarisch)
München	15%	(Mittelbairisch)
Berlin	13%	(Berlinisch)
Stuttgart	9%	(Schwäbisch)
Frankfurt/M.	8%	(Hessisch/Rheinfränkisch)
Leipzig	2%	(Sächsisch/Südwestosterländisch)

Während sich also die Muttersprachler in der Antipathie gegen das Sächsische heute einig sind, gehen die Sympathien bei der Entscheidung für eine dialektale deutsche Variante auseinander.

Wie ist Sächsisch heute?

Welche Merkmale bewirken, daß es belächelt, verlacht, verspottet oder gänzlich abgelehnt wird?

An dieser Stelle muß unbedingt klargestellt werden, daß es das Sächsisch als Lautbild gar nicht gibt. Sächsisch ist sprachwissenschaftlich gesehen ein Oberbegriff für die mundartlichen Varietäten annähernd auf dem Territorium des ehemaligen Königreiches bzw. Landes Sachsen, dessen Hauptstadt Dresden war. Kaum eine andere deutsche Dialektlandschaft zergliedert sich in so zahlreiche Mundartgebiete, die sich dazu noch lautlich z.T. erheblich voneinander unterscheiden: In Süd - Nord - Richtung aufgezählt konstituiert sich Sächsisch = Obersächsisch aus folgenden Mundartlandschaften (die in Klammern angegebenen Städtenamen dienen der territorialen Veranschaulichung):

Nordbairisch	(Bad Brambach)
Vogtländisch	(Plauen)
Westerzgebirgisch	(Zwickau/Schneeberg)
Westliches Osterzgebirgisch	(Olbernhau)
Östliches Osterzgebirgisch	(Hermsdorf)
Vorerzgebirgisch	(Karl-Marx-Stadt)
Vorvogtländisch	(Glauchau)
Südmeißnisch	(Freiberg/Oederan)
Westmeißnisch	(Borna/Rochlitz)
Nordmeißnisch	(Riesa/Döbeln)
Ostmeißnisch	(Dresden)
Südwestosterländisch	(Leipzig)
Südostosterländisch	(Wurzen/Dahlen)
Nordosterländisch	(Halle/Torgau)
Oberlausitzisch	(Zittau/Ebersbach)

Westlausitzisch	(Bischofswerda/Kamenz)
Schradengebiet	(Lauchhammer)
Ostlausitzisch	(Görlitz/Niesky)
Neulausitzisch	(Bautzen/Hoyerswerda)
Elbe - Elster - Gebiet	(Wittenberg/Dessau)
Südmärkisch	(Niemegk/Seyda)

Während das Südmärkische schon leichten niederdeutschen Einschlag hat, nähert sich das Oberlausitzische im Dreiländereck durch sein Zungen - r (was den Dialektsprechern dort den Necknamen 'Lausitzer Edelroller' eingebracht hat) dem Lautbild einer slawischen Sprache. Das Vogtländische weist oberdeutsche Züge auf, die westsächsischen Mundarten ähneln dem Lautbild des Thüringischen und das Sächsisch im Raum Dessau - Wittenberg erinnert schon an das Ostfälische.

Zur Vervollkommnung der Vorstellung des ausländischen Lesers über die Verschiedenheit der sächsischen Mundarten fügen wir hier noch einige Passagen von transkribierten gesprochenen Originaltexten an: (5)

Elbe - Elster - Gebiet

"WiBtersch denn man noche, wie mer oabends immer spinnen jangen? Doa koffte mer sich seinen Steen Flachs uffen Flachs-markht un denn hodde mer'n janzen Winter äwwer seine scheene Beschäftigung. Nee, die jude ale Spinnten! Doa freite mer sich en janzen Summer druf. Un wemns denn so weit woar, denn machte mer oabends trab, daB mer mets Fittern un mets Melken fartig wurre, un denn jangs awwer los: immer Reehe rum!"

Südwestosterländisch (Leipzig)

"Mensch, gucke ma naus, wie das räächent. Du gannt doch bei so emn Wetter nich heemgehn, bist wo nich gescheit! Na, warte, ich weeB, du schläfst off'n Ganapee. Ich hol der de Betten rein von mein' Mann sein' Bette, un da schläfstu scheen, un morchen frieh gehste heem."

NordmeiBnisch

"Un da rahntes tichts. Na un da spricht die uamds: 'Nu, da kannte nich heemgihen. Da tuste bei uns iwwernachten'. Die giehst un machts Bette fartch, un wie se vurkimmt, nu, da is er wag."

Oberlausitzisch

"Un an halm Namittche, do fing's oh zu rain, je später als' wurd, dest mehr tats gissen. Nu seute de Pauline: 'Awwer heu-

te kannste mer ne heemgiehn, Arnst, do bleibste do'. - 'Nu ja, wenn's ne andersch is, do muB'ch'ahm dobleim."

Nordbairisch

"On weh er aa wieder amohl drasn is u will heumgäh, hat's halt greent, wos von Himmel ohie wollt. U da sockt sei Schwester: 'No bei dean Reeng do koast du niat heumgäh, do muBt scho daubleim. Wort ner, i gähi am Baan u hol di as Bett ohjer, u du bleibst dau bei mir."

Wenn Sächsisch Gegenstand von Spott und Satire ist, dann wird meistens der Dialekt in und um Leipzig demonstriert. Seine primären Merkmale kennzeichnen auch die sächsisch-thüringische Umgangssprache:

- Zusammenfall von d und t: 'miede' $\left\{ \begin{array}{l} müde \\ Miete \end{array} \right.$
- b und p: 'bagen' $\left\{ \begin{array}{l} backen \\ packen \end{array} \right.$
- g und k: 'garten' $\left\{ \begin{array}{l} Garten \\ Karten \end{array} \right.$

- Alle s-Laute werden stimmlos gesprochen.
- Zusammenfall von 'ch' und 'sch' in 'sch' nach hellen Vokalen und im Auslaut:
 'Ich möchte noch ein biBchen Milch' —
 'Isch möschte noch ä bis'schen Milsch.'
- 'g' wird vor 'e' zum Reibelaut:
 'sagen' - 'sachen'; 'morgen' - 'morchen'; 'Fliege' - 'Flieche'
- AuBer 'i' wird kein Vokal bzw. Diphthong oder Umlaut klar artikuliert:
 'o' und 'u' sowie 'ö', 'ü' und 'äu' werden entrundet;
 'e' wird zu 'ö'
 'es regnet' - 's räächent'; 'früh' - 'frieht'; 'er läuft' - 'dör leeft'; 'der' - 'dähr'.
- Aus 'ei' wird 'ee' (aber nicht durchgehend):
 'heimgehen' - 'heemgehn'; 'meine Kleine' - 'meine Kleene'
 aber: 'ein' 'ä'; 'eine' - 'änne'
- Die a-Laute werden verdumpft, so daß ein Zwischenlaut von 'a' und 'o' entsteht.

Ein Originalsachse faßt die Merkmale seines Dialekts in einer Sprachglosse wie folgt zusammen:

"Mergsadz: De Weichen besiechen de Harden. Fremd is dem Sachsen alles Hastige. Dr Saggse nimmt sich Zeit, meine Gudsde, mei Gudsder. Der Sachse mähd nämlich gerne ä biBchen, das is ä richdcher Mäährfriede is das.

Der spiegelverkehrte Satzanfang am Ende des Satzes ist kein Druckfehler, das ist Absicht, weil nämlich diese Wiederholung typisch für den Sachsen ist.

Un dadermidd häddn mir eichendlich ooch schon das Wichtigste von unsrer Mudderschbrache erfaßd." (6)

Das Zitat stammt aus der Zeitung "Sachsenspiegel", die in Leipzig unter der Leitung von Ralf Gohlis in unregelmäßigen Abständen und zu besonderen Anlässen herausgegeben wird. Sie veröffentlicht Mundartliteratur, Sprachsatire und Sprachglossen und ist natürlich als eine Form von Mundartpflege zu betrachten. Der Titel belegt, daß auch die Obersachsen selbst sich heute als die einzigen und Ursachen verstehen, denn Niedersächsisches wird darin nichts veröffentlicht. Der Ur - "Sachsenspiegel" ist jedoch in der Sprachform des Deutschen geschrieben, mit der die Esten im Mittelalter in unmittelbarem Sprachkontakt standen, d.h. in Mittelniederdeutsch = Mittelniedersächsisch, in der Hanse(schrift)sprache. Der "Sachsenspiegel" Eike von Repgow's entstand bekanntlich in der ersten Hälfte des 13. Jahrhunderts und enthält die Rechtsvorstellungen der norddeutschen Ursachsen. Die Bezeichnung 'sassesch düdesch' (Sachsendeutsch) entstand jedoch erst im 15./16. Jahrhundert als Abgrenzung zu den (territorial gesehen) hochdeutschen Sprachvarianten. Sie wurde im 17. Jahrhundert im Prozeß der Ausbreitung des Hochdeutschen nach Norden von 'Platt' abgelöst. (7) In dem Maße wie das Hochdeutsche im Norden Sprache der Kanzleien, Universitäten, Advokaten - kurz zur gehobenen Umgangssprache der Gebildeten wurde, erhielt die Rede der einfachen Leute, die Mundart, eine niedrige Bewertung. Das aus dem Niederländischen stammende Wort 'plat' mit seinen ursprünglich zwei Bedeutungen

- klar, deutlich, jedermann verständlich
- heimische Volkssprache im Gegensatz zur Schriftsprache der gehobenen Literatur

wurde mit der negativ konnotierten zweiten Bedeutung im 18. Jahrhundert sogar für alle niederdeutschen Mundarten verwendet. Mit der Ablösung von 'sassesch' durch 'platt' ist die historische Tatsache, daß die Sachsen ursprünglich im Norden (Schleswig-Holstein) ansässig waren, aus dem Sprachbewußtsein der Sprecher im deutschsprachigen Gebiet geschwunden. 'Sächsisch' lebt nur noch gebunden an das seit 1423 in Mitteldeutschland existierende Land Sachsen fort.

Daß die hier angesiedelten Sachsen, beginnend mit den Adelsgeschlechtern der Wettiner, Askanier und Schauenburger aber norddeutschen Ursprungs sind, die sich im Zuge der Expansion der westlich von Elbe und Saale ansässigen Volksstämme nach Osten östlich der Saale niederließen, also im Ostland, ist im Bewußtsein der heutigen Sachsen nicht mehr gegenwärtig. Nur der sprachwissenschaftliche Terminus 'Südwest-' und 'Südost o s t e r l ä n d i s c h' für die Mundartgebiete im Raum Leipzig - Wurzen - Dahlen zeugt von dieser sprachhistorischen Entwicklung. Die niederdeutsche Sprachform der Sachsen, die sich im O s t l a n d niederließen, ging natürlich zusammen mit den Dialekten der Siedler, die aus dem Gebiet der Werra, Fulda und des Mains nach Osten zogen, in den ostmitteldeutschen "Schmelztiegel" ein.

Nord- bzw. niederdeutsche Sprachrelikte gibt es im Wortschatz des heutigen Sächsisch wenig. Von den 3000 Stichwörtern des schon zitierten "Kleinen Sächsischen Wörterbuchs" sind es kaum ein Dutzend. Darunter z.B.

'belemmern' - 'jem. hereinlegen, betrügen' zu ndt. 'lähmen', 'lahm'

'böne'/'biene' ndt. - 'dicht', 'wasserundurchlässig'

'fosch'/'foosch' ndt. - 1. 'hohl', 'ausgetrocknet'

2. 'falsch', 'heimtückisch'

'giepsen' - 'stoßweise/mühsam atmen' zu ndt. 'giepen' -
Luft schnappen

'kiesäte'/'kiesätig' - 'wählerisch beim Essen sein' zu ndt.
'äten' - essen.

Zahlreich sind dagegen die dialektalen Eigenbildungen des (Ober)Sächsischen. Dazu ebenfalls einige Beispiele (8):

Verben

'hiefern' - schwach/kränklich, Schutz suchen

'ieneln' - heimlich/verstehten gucken

'kättschen' - laut hörbar und mit Mühe essen

'krietschen' - kreischen, schreien

'scheppern' - wackeln und dadurch Geräusch verursachen

'schlabbern' - 1. gerinnen/sauer werden

2. schlaff herumhängen

3. schlürpfend trinken

4. gedankenloses/unsinniges Zeug reden

Adjektive

'gäkgig' - blaß, bleich, kränklich aussehend

'lätsch' - schief

- 'pupig' - mies, trostlos, übel
- 'tapperig' - alt, schwach, unbeholfen
- 'rammdösig' - aufgeregt, wild, verrückt
- 'wichtig' - wütend, zornig

Substantive

Zahlreich sind die dialektalen Bezeichnungen für Menschentypen

- 'Dremmel' - großer/ungeschlachter Kerl
- 'Lulatsch' - großer Kerl
- 'Pampel' - einer, der immer die unangenehmen Arbeiten machen muß
- 'Sauhacksch' - unanständiger Kerl
- 'Scheeks' - Liebhaber
- u.a.

Adverbien

- 'amende' - vielleicht
- 'ande' - unwohl, übel, etw. tut weh
- 'allzuhand' - gerade, gleich
- 'hinne' - darinnen
- 'derweile' - inzwischen
- 'meinetage' - mein Lebtage, immer

Typisch sind Interjektionen für bestimmte Gebiete:

- 'hänt!' - wahrhaftig, tatsächlich, nicht wahr, nanu, denk nur (Vogtland, Erzgebirge, Oberlausitz)
- 'gelt'/'gelle'/'galle' - nicht wahr (Vogtland, Thüringen)
(eigentl. 'es möge gelten')
- 'he'/'heje' - nicht wahr (Südwestösterreichisch, Westmeißnisch)
- 'ei verpippich'/'ei verbibbsch' - Ausruf der Verwunderung/
Verlegenheit (in und um Leipzig)
- 'e-ja!' - Ausruf der Verneinung/Ablehnung (ganz Sachsen)
- 'weißKnöpfchen'/'weeßknoppchen' - tatsächlich
(Österreichisch, Meißnisch)

Das Wörterbuch beinhaltet auch zahlreiche dialektale Lexeme, die auf lateinischen, französischen, slawischen Ursprung zurückzuführen sind sowie Verhoraballungen von ihnen, wie z.B.

- 'kollaperig' von 'Kollaps', 'mordsakrieren' von 'massakrieren', 'Bärbelie' von 'parapluie', 'fichelant' von 'vigilant', 'Schneebatalliche' von '-bataille', 'Fissemadenzchen' von 'visae patentes' (Ausflüchte/Umsstände), 'Forsche' von 'force', 'Mauke' von 'muka', 'Horns'sche' von 'hornca/gornica' u.a.

Der Bildreichtum und die konkrete Unmittelbarkeit sowie der Humor, der allen Dialekten eigen ist, findet sich auch in einigen sächsischen Wortbildungen:

- 'Baumhacker' - Specht
- 'Dreckschleuder' - loses Mundwerk
- 'Krächze' - Husten
- 'Wanstrammeln' - Bauchschmerzen
- 'Zutuerchen' - Taschenmesser
- 'Hintragbrettlein' - Tablett
- 'Gutentagstecken' - Spazierstock
- 'Heranziehglas' - Fernglas
- 'Klitscher' - Kartoffelpuffer
- 'Gokelmosch' - wertloses Zeug
- 'Schwumse' - Prügel
- 'Armsäule' - Wegweiser
- 'Mätzchen' - Kindereien
- 'Gacksch' - Spaß.

Die Sachsen von heute sagen von sich selbst:

"Mir Saggsn sin heeflich, helle un immer heider" (9).

L I T E R A T U R

- (1) Bergmann, G. Kleines Sächsisches Wörterbuch. - Leipzig, 1986.
 - (2) Geschichte der deutschen Sprache / Hrsg. W. Schmidt u.a. - Berlin, 1984. - S. 120.
 - (3) Schönfeld, H. Die berlinische Umgangssprache. - In: Berlinisch. - Berlin, 1986. - S. 289.
 - (4) Thiel, H. Dialekt. - Frankfurt/M., 1981. - S. 21.
 - (5) Kleines Sächsisches Wörterbuch, a.a.O. S. 226 ff.
 - (6) Gohlis, R. Wie lerne ich sächsisch. - In: Sachsenspiegel, Mai 1985. - S. 3.
 - (7) Sanders, W. Sachsensprache, Hansesprache, Plattdeutsch. - Göttingen, 1982. - S. 75 ff.
 - (8) Alle Wortbeispiele stammen aus dem Kleinen Sächsischen Wörterbuch, a.a.O.
 - (9) Aus Sachsenspiegel. - Leipzig, Mai 1984. - S. 3.
- Desweiteren
- Bergmann, G. Mundarten und Mundartforschung. - Leipzig, 1964.
- Kleine Enzyklopädie Deutsche Sprache. - Leipzig, 1983.
- Lins, E. Sächsisch auf deutsch. - München, 1974.

"SAKSA - SÄCHSISCH"

(Языковые ассоциации и языковая реальность сегодня)

Сусанне Мюллер

Р е з ю м е

Эстонское слово SAKSA и немецкое слово SÄCHSISCH имеют сегодня два разных денотата, хотя их формы представляют собой эквиваленты. Автор рассматривает поле значений этих лексем с точки зрения языкового сознания современных носителей эстонского и немецкого языков и разъясняет историческую взаимосвязь между этими словами.

ZU STEHENDEN REDEWENDUNGEN IN DER LYVLÄNDISCHEN CHRONIK
VON BALTHASAR RUSSOW

L. Otsmaa

Balthasar Russow (B.R.) ist einer der bekanntesten und erfolgreichsten baltischen Geschichtsschreiber aller Zeiten (Johansen P., 1964, S. 253). Von seinen Lebensumständen wissen wir, daß er ein geborener Revalienser war, in seiner Vaterstadt die Stelle eines Predigers an der Heiligen Geistkirche bekleidete und 1600 starb. Der baltisch-deutsche Historiker Paul Johansen behauptet, daß B.R. estnischer Herkunft war (Johansen P., 1964, S. 253-257). Was die Sprache der Chronik anbetrifft, so ist sie in einer auffallend guten mittelniederdeutschen Schriftsprache geschrieben. Die Schreibart des Chronisten ist lebhaft, einfach und klar, im Ganzen kurz gehalten, aber doch sehr bildlich, da er als protestantischer Pastor in seiner Chronik eine bemerkenswert große Anzahl von volkstümlichen Redewendungen benutzt. Bekanntlich ist der Gebrauch der Phraseologismen besonders der Umgangssprache und der Sprache der schönen Literatur eigentümlich. Da der Chronikstil dem Stil der schönen Literatur recht nahesteht, ist es nicht erstaunlich, daß die Sprache des Chronisten sehr reich an Phraseologismen ist - sollen sie ja das Geschilderte möglichst bildlich und anschaulich machen, ihm mehr Gewicht und Geltung verleihen.

Aus dem gesammelten Belegmaterial geht hervor, daß neben den Wortpaaren (Otsmaa L., 1977, S. 113) die verbalen phraseologischen Einheiten die zahlenmäßig stärkste Gruppe bilden. Bei weiterer Betrachtung der verbanen Wendungen der Chronik fällt auf, daß in ihnen besonders oft die Teile des menschlichen Körpers als Bilder verwendet werden*. Bei dieser Metaphorisierung wird aber kein medizinisches Fachwissen verwertet, vielmehr stützt sie sich auf die Alltagskenntnis des Sprechers über die Funktionen verschiedener Organe und Teile des menschlichen Körpers. Wie in vielen anderen Sprachen, so verteilen sich auch die niederdeutschen somatischen Wendungen nicht gleichmäßig über die Bezeichnungen der

* Seltener begegnen somatische Wendungen bei anderen Arten der Phraseologismen, vgl. van herten 114b (nominale phraseologische Einheit), mit hande vnde munde 59b (Wortpaar), als ein schwart Herlyn 61b (stehender Vergleich), ein steyn fällt (j-m) van herten 177a (sprichwörtliche Satzrezensart). Alle Belege entstammen der ersten Aufgabe der Chronik (1578).

Körperteile. Bevorzugt werden Körperteile, deren Funktionen und Wichtigkeit auf Grund der Alltagserfahrung am klarsten sind, wie z.B. von inneren Organen "herte" und "blod", von Körperteilen "hand", "kop", "hals", "oge", "fot".

Im folgenden wird aus dem reichhaltigen Belegmaterial der Chronik eine geringe Auswahl der somatischen Wortverbindungen auf ihre Etymologie und Bedeutung untersucht. Dabei ist man bestrebt, die sprachlichen Erscheinungen in ihrer geschichtlichen Entwicklung zu betrachten, die Belege aus der Chronik mit den gleichartigen Phraseologismen des gegenwärtigen Deutsch zu vergleichen, die Herausbildung der phraseologischen Bedeutung der Redewendungen zu verfolgen und (in Anbetracht der recht starken Beeinflussung der estnischen Phraseologie durch die mnd. Sprache) auch Parallelen zur estnischen Sprache zu ziehen.

Im weiteren einige Beispiele aus der Chronik:

1. Innere Organe als phraseologisches Bild:

"herte"

edder wen disse men ein herte gefatet ... hadden 171b
Hd. sich ein Herz fassen 'Mut zeigen' (B.-W.-S. 221); 'einen mutigen Entschluß fassen' (K. 1816). Estn. südant rindu vôtma (glbd.)

Auerst se hadden dat herte nicht vnde Godt hadde se ock vorblendet 177b

Hd. das Herz haben etw. zu tun 'es fertigbringen' (K. 1816). Estn. (selleks julgustükiks) peab südant olema 'Mut haben' (V. 1984, S. 141). Vgl. auch in der älteren estnischen Sprache: ta on üks ilma südameta 'er hat keinen Mut, ist mutlos' (W. 1098).

Die Phraseologismen mit "Herz" beruhen in vielen Sprachen auf der volkstümlichen Vorstellung, daß das Herz beim Menschen das Zentrum der Empfindungen und charakterlichen Eigenschaften, also auch des Mutes sei (B.-W.-S. 221; V. 10).

In der gleichen Bedeutung gebraucht B.R. auch "einen modt faten (grepen, kregen)" vgl. h e i f t h e e i n e n m o e d t g e f a t e t 56a, g r e p e n d e S w e d e n e i n e n m o e d t w e d e r 96a, d e K o p l u d e ... k r e g e n e i n e n m o e d t 5a, d a d o r c h d e R e v e l s c h e n e i n e n f r i s c h e n m o e d ... e r l a n g e t h e b b e n 133a.

"blod"

Auf die Todesstrafe bezieht sich die Wendung "mit blode betalen", vgl. vnde s c h o l e n y d t ... d e l ö g e n m e i s t e r

mit erem blode betalen 128a Vgl. mnd. mit blode betalen 'mit Leibesstrafe büßen (L. 299).

Hd. etw. mit seinem Blut besiegeln' 'sterben, sein Leben für etw. opfern' (B. 95). Estn. (oma) verega tasuma.

hebben ... vele Christlikes blod es v o r g e t e n 201b Vgl. mnd. se weren bereit or blot to vergeiten (S.-L. V 354).

Hd. Blut vergießen 'j-n töten' (K. 4051). Estn. verd valama.

Nach dem alten Volksglauben ist das Blut der Sitz des Lebens (D. VII 74). So bedeutet auch die Wendung bei B.R. 'viele Christen wurden getötet'.

2. Teile des menschlichen Körpers als phraseologisches Bild:

"hals"

allent wat dem armen Buren v p dem halse lach (136a)

Hd. j-m auf dem Hals liegen 'j-m dauernd zur Last fallen (K. 1697). Estn. (kellelgi) kaelas olema (V. 13).

dat qu a m ene sülven ganz vnuormodet ä u e r den h a l s 196a

Hd. j-m über den Hals kommen 'j-n unerwartet, unvorbereitet (unwillkommen) überraschen (K. 1967; B.-W.-S. 199). Estn. kellelegi kaela tulema (sadama).

In vielen Wendungen ist "Hals" als der Träger einer Last (wohl mit Bezug auf das Joch der Zugtiere) zu verstehen (P. 269). Die beiden oben angeführten Redensarten treten in der heutigen Bedeutung schon bei Luther auf (R. I 375; B.-W. S. 199).

2
äuerst se haddent schyr mit dem halse betalen m ö t e n 154b. Vgl. mnd. hals m. = 2. 'Leben', weil die Todesstrafe gewöhnlich durch Henker vollzogen wurde (S.-L. II 177).

Vgl. Hd. etw. kann j-m den Hals kosten, 1. 'das Leben kosten'. 2. 'Scherereien machen' (B. 248). Estn. vöib pea maksta.

Auf die Todesstrafe des Hängens beziehen sich auch im Mittelhochdeutschen mehrere Redensarten, so auch "es kostet ihm den Hals", 'das richtet ihn zugrunde', 'das bringt ihn zu Fall' (R. I 375). In der Chronik von B.R. hat die Wendung jedoch noch die ursprüngliche Bedeutung 'mit dem Leben bezahlen, sterben müssen'.

"kop"

Aus der Praxis der Hinrichtung mit dem Schwert stammt:

d e n K o p v o r d e V ö t e l e g g e n 110b

Vgl. mnd. all he hoyuwe em den kop vor de voete (S.-L. II 309).

Hd. einem den Kopf vor die Füße legen, j-n um einen Kopf kürzer machen, 'j-n köpfen, durch Köpfen ums Leben bringen' (R. I 528). Estn. (kellelgi) pead maha võtma (V. 233).

Um einen verkürzten somatischen Phraseologismus handelt es sich bei der Wendung "herholden möten", vgl. h e f f t... ock de Bürger sülnen h e r h o l d e n m ö t e n 149b.

Hd. herhalten müssen '(für andere) büßen' (K. 1783). Gemeint ist ursprünglich 'den Kopf (oder auch einen anderen Körperteil) zur Züchtigung herhalten' (P. 288). Die Wendung erscheint schon bei Luther in verkürzter Form (B.-W.-S. 222).

Bei B.R. begegnet diese Redensart sowohl in übertragener als auch direkter Bedeutung, vgl. Reynoldt van Rosen ^lauerst, vnde syner Havelüde etlike, h e b b e n h e r h o l d e n m ö t e n, welokere in velen stücken thohacket sint 137b.

"Kop" kann auch als Symbol der Furchtlosigkeit auftreten: Wente also Her Claus Akesen mit weinigem volck, em d e n K o p b o d t, do was idt mit dem Muscowiter vorlaren 148a.

Hd. j-m die Stirn bieten 'furchtlos entgegentreten, Widerstand entgegenhalten' (K. 3598). Vgl. in der älteren estn. Sprache: pead näitama 'trotzen' (W. 791).

Die Variante mit "Kopf" ist im Hd. nicht belegt, wohl aber begegnen seit dem 18. Jh. die Formen: einem die Stirn bieten, Brust für etw. haben 'j-m harten Widerstand entgegensetzen' (R. 1027).

"oge"

Die große Bedeutung des Gesichtssinnes für den Menschen spiegelt sich sprachlich in mehreren Redewendungen:

Welckes van Gade allen Potentaten ... thom Exempel vnde warninge v ö r d e o g e n g e s t e l l e t y s 111a

Hd. j-m etw. vor die Augen führen 'j-m etw. zeigen, anschaulich demonstrieren; j-n auf etw. aufmerksam machen' (K. 296, 297; B. 53). Estn. kellelegi midagi silmade ette tooma.

wy dorsten v n s e o g e n v o r n e n e n r e d d e l i k e n l ü d e n mehr v p s c h l a n

Hd. kein Auge aufschlagen können, (übertr.) 'sich schämen vor j-m' (K. 275). Vgl. Estn. ei julge silmi üles tõsta (V. 69, 99).

Im übertragenen Sinne auch bei B.R.:

y s de Meister vnerschrocken den Vienden v n d e r
o g e n g e r ũ c k e t 56a

Hd. j-m unter die Augen kommen (treten) (B. 53). Estn. kel-
legi silma alla tulema (V. 71).

"angesichte"

Als synonyme Wendung begegnet in der Chronik: v o r
s y n a n g e s i c h t e k a m e n, vgl. ... edder he
wolde nicht leuendich ... v o r s y n a n g e s i c h t e
k a m e n 179a

Hd. j-m vors Gesicht kommen. Estn. kellegi jalge ette as-
tuma (V. 203).

Auch "hand" und "fot" werden in zahlreichen Redensarten
als Bilder verwendet. "Hand" dient vorwiegend als Symbol für
Tätigkeit, Hilfe, Macht (P. 272):

an dissen arbeit h e b b e n alle Bōrger ... d e h e n d e
m i t a n l e g g e n m ō t e n 69a

Hd. (mit) Hand anlegen 'mitarbeiten, helfen' (K. 1708; B 254).
Estn. käsi külge panema.

Anerst nicht deste weiniger h e f f t Wolter van Pletten-
berch ... de sake v o r d e h a n d t g e n a m e n 54a
Hd. etw. in seine Hand (Hände) nehmen 'sich zielbewußt um etw.
kümmern' (K. 1709). Estn. oma kätte vōtma.

So h a d d e d e Rüsse d e h a n d t d a r m a n c k
g e h a t 130a

Hd. die Hand im Spiel haben 'sich beteiligen an etw.' (B.-W.-
S. 205). Estn. kellegi käsi on mängus.

Als das Festhaltende ist "Hand" ein Zeichen des Besitzes
und der Gewalt über eine Sache oder Person (P. 272).

Vgl. wente de auerwinninge h e f f t nicht in syner, sun-
dern i n d e r h a n d t des Herrn g e s t a e n 50a

Hd. in j-s Hand stehen 'in seiner Macht stehen' (K. 1710).
Estn. kellegi käes (vōimuses) olema.

Dar nu de Stadt Reuel ... v n d e r v n s e r h a n d t
g e l a n g e t y s 127a

Hd. j-m unter die Hände kommen 'in j-s Gewalt geraten' (K.
1710). Estn. kellegi kätte sattuma.

Dewyle auerst de Winter v p d e h a n d t g e k a m e n
y s 72a

Estn. kätte tulema; kätte jōudma 'herankommen' (W. 254).

Da die Wendung "v p d e h a n d t k a m e n" ein
wortgenaues Äquivalent im Estnischen hat (kätte tulema), an-

sonsten aber weder im Mittelniederdeutschen noch im Hochdeutschen belegt ist, kann ihr Gebrauch in der Chronik durch den Einfluß der estnischen Sprache erklärt werden, besonders wenn man die Doppelsprachigkeit der baltischen Deutschen in Betracht zieht (Mitzké W., 1959, S. 71).

"vinger"

h e b b e n s e s i c k d a r a n n e v o r b r a n d t
153a Vgl. mnd. ... de rath wolde de vinger
dar nicht an vor barnen (S.-L. V 255).

Hd. sich die Finger verbrennen 'Schaden erleiden, hereinfallen' (K. 1288). Estn. (endal) näppe kõrvetama (L.-H.-P.138).

Die Redensart umschreibt einen Alltagsvorgang, dessen Übertragene Bedeutung keiner weiteren Erklärungen bedarf (R. I, 275). Die verkürzte Variante, wie bei B.R., wird in den Wörterbüchern nicht angeführt.

"Vuest"

Auerst de Erffientdt ... l a c h e d e i n d e V u e s t
97b

Hd. ins Fäustchen lachen 'heimlich schadenfroh lachen' (K. 1233). Estn. pihku naerma (L.-H.-P. 131).

Die Redensart begegnet in der deutschen Gegenwartssprache nur in der Verkleinerungsform. Im Frühneuhochdeutschen aber noch: in die Faust lachen (B.-W.-S. 133).

"Voeth"

Wie in den anderen Sprachen wird "voeth" 'FuB' auch im Mnd. hauptsächlich mit dem Begriff der Fortbewegung verbunden.

... vnde h e f f t also disse Knese s y n e v o t e
nicht v p Habsel s e t t e n m o t e n 169a

Vgl. auch: ... dat he s y n e n V o e t h i n Lyfflandt
nicht wyder s e t t e n m o c h t e 70a

Hd. seinen (einen) FuB (irgendwohin) setzen 'etw. betreten'
(K. 1434). Estn. oma jalga kuhugi viima (tõstma) (L.-H.-P. 150).

... do h e b b e n d e van Riga dem Meister t h o f o t e
f a l l e n, (vnde gnade begeren) m ö t e n 33a

Vgl. hd. die Besiegten fielen dem Keiser zu Füßen 'sie baten um Gnade' (K. 1435). Estn. (kellegi) jalge ette langema. Wie das oben angeführte Beispiel zeigt, konnte die Redensart zu Russows Zeiten noch im direkten Sinn gebraucht werden.

Aus der Analyse des Belegmaterials wird ersichtlich, daß die somatischen Phraseologismen im baltischen Mittelniederdeutschen wortgenaue Äquivalente nicht nur im Hochdeutschen,

sondern auch im Estnischen haben. Da die areale Verbreitung der deutschen Phraseologie im allgemeinen noch wenig Beachtung gefunden hat, kann unsere bescheidene Untersuchung für die weitere Erforschung des Problems von einigem Interesse sein.

L I T E R A T U R

- Binowitsch L.E., Grischin N.N. Deutsch-russisches phraseologisches Wörterbuch. Zweite verbesserte und erweiterte Auflage. Moskau, 1975. (B.)
- Borchardt-Wustmann-Schoppe. Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmund. Siebente Auflage neu bearbeitet von A. Schirmer. Leipzig, 1955. (B.-W.-S.)
- Johansen P. Kronist Balthasar Rüssowi päritolu ja miljöö. Ettekanne Eesti Teaduslikus Seltsis Stokholmis 4. 05. 1964. - Tulumuld, 4, 1964.
- Klappenbach R., Steinitz W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Berlin, 1961-1976. (K.)
- Lasch A., Borchling G. Mittelniederdeutsches Handwörterbuch. Hamburg, 1928-1934. (L.)
- Liiv V., Habermann A., Paivel M. Saksa-eesti fraseologismide ja väljendite sõnaraamat. Tallinn, 1973. (L.-H.-P.)
- Mitzke W. Grundzüge nordostdeutscher Sprachgeschichte. - Deutsche Dialektgeographie. B. 59. Marburg, 1959.
- Otsmaa L. Von den stehenden Redewendungen in der Livländischen Chronik von Balthasar Russow (Paarformeln). - Linguistica IX. Tartu, 1977.
- Paul H. Deutsches Wörterbuch. Fünfte Auflage. Bearbeitet von A. Schirmer. Halle (Saale), 1956. (P.)
- Röhrich L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Dritte Auflage. Freiburg, Basel, Wien, 1974. (R.)
- Schiller K., Lübben A. Mittelniederdeutsches Wörterbuch. I-VI. Bremen, 1875-1881. (S.-L.)
- Vakk F. Suured ninad mürdsid päid ... (Pea ja selle osad rahvalike ütluste peeglid). Tallinn, 1970. (V.)
- Wiedemann F.J. Estnisch-deutsches Wörterbuch. Viertes unveränderter Druck nach der von Jakob Hurt redigierten Auflage. Tallinn, 1973. (W.)

. . .

Chronica Der Prouintz Lyfflandt ... Kort vnde loffwerdich beschreuen Dorch Balthasar Rüssouwen Reualliensem. Rostock ... Anno MDLXXVIII.

СОМАТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ЛИФЛЯНДСКОЙ ХРОНИКЕ
БАЛТАЗАРА РУССОВА

Лилия Отсмаа

Р е з ю м е

В статье рассматриваются соматические фразеологизмы в прибалтийском ниже-немецком языке XVI века. Устанавливается их совпадение с соответствующими идиоматическими выражениями не только в верхне-немецком, но и в эстонском языке.

КОНСТРУКЦИИ С ОБЪЕКТНЫМИ ГЛАГОЛАМИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ЭКВИВАЛЕНТЫ В ЭСТОНСКОМ

Л. Подольская

Объектными будем считать глаголы, которые требуют употребления после себя дополнения любого типа, т.е. прямого, косвенного, предложного и беспредложного (Block, 1983, с. 99). Деление глаголов на объектные и неobjектные для английского языка значительно более существенно, чем деление глаголов на переходные и непереходные, так как из-за отсутствия развитой системы падежей существительного в английском языке нет противопоставления винительного падежа другим управляемым падежам. Кроме того, пассивизация, которая служит важным критерием при классификации глаголов на переходные и непереходные, в английском языке применима к конструкциям с дополнением любого типа.

Термин "транзитивность", или "переходность", распространен в лингвистической литературе, употребляется нередко и по отношению к английскому глаголу. Представляется возможным использование термина "транзитивность" в широком смысле как синонима термина "объектность". Однако, как уже отмечалось в литературе (Львов, 1983, с. 74), трудность при делении глаголов на объектные и неobjектные заключается в том, что не все предложные дополнения в равной мере релевантны для классификации глаголов. В первую очередь следует определить обязательна ли позиция дополнения или факультативна. Так, при классификации глаголов русского языка по типу дополнения косвенно-переходными считаются лишь те глаголы, смысл которых остается не вполне раскрытым без объекта, выраженного существительным в косвенном падеже (Виноградов, 1986, с. 521).

Одним из сложных теоретических вопросов возникающих при классификации глаголов по типу дополнения, является деление дополнений на предложные и беспредложные. Как известно, наличие или отсутствие предлога — чисто формальный признак, слабо мотивированный экстралингвистически, т.е. особенностями внеязыковых денотатов (Иванова, Бурлакова, Почепцов, 1981, с. 198). Об этом свидетельствует и вариативное употребление глагола с предложным и беспредложным дополнением, например: *to dominate people/over people, to rule a country/over a country* (Мухин, 1985, с. 22).

Заслуживает внимания точка зрения В.В. Виноградова, ко-

торый выделяет два случая в предложном управлении русского глагола: 1) употребление предлога лексически мотивировано, предлог сохраняет свое значение, и можно говорить о сочетании трех словесных элементов (согласиться на предложение, согласиться с доводами); 2) предлог является простым морфологическим знаком управления глагола, формальным привеском глагола, или послелогом; конструкция состоит не из трех, а из двух элементов (смеяться над чем-либо, жениться на ком-нибудь) (Виноградов, 1986, с. 522). Во втором случае предлог слит с глаголом как морфема и дополнение можно считать косвенным беспредложным.

В английском языке также представляется возможным рассматривать предлог как часть так называемого предложного глагола (*prepositional verb*). Конструкция типа *to look at the girl* анализируется как сочетание транзитивного предложного глагола (*to look at*) с прямым дополнением (*the girl*) (Chatman, 1962, p. 92; Quirk, 1982, p. 306). К таким конструкциям применима трансформация пассивизации; при этом дополнение становится подлежащим пассивной конструкции, а предлог остается при глаголе: *They called on the man. - The man was called on. They looked at the picture. - The picture was looked at.* Другим доказательством принадлежности предложных глаголов к классу транзитивных может служить употребление этих глаголов вместе с типичными переходными глаголами, когда они относятся к одному объекту: *They looked for and found trouble* (Chatman, 1962, p. 306).

The French workers will come together, fight for and win a high standard of life (Krutikov, et al., 1964, p.224).

... Plymmer ... had slowly hunted for, and found a last score ... (Johnson)

Аргументом в пользу этой точки зрения является также употребление двух предложных глаголов, относящихся к одному объекту, что подтверждает тесную связь между глаголом и предлогом:

He could neither account for, nor put up with, his behaviour (Krutikov, et al., 1964, p. 224).

Our dead live in the hearts and minds of the Spanish workers, of all the good simple honest people who believed in and fought for the Spanish republic (Hemingway).

Определенную трудность представляет различение конструкций с объектными предложными глаголами и конструкций с глаголами адвербиальной направленности, которые имеют одинако-

вую модель $N_1 V p N_2$. Как было показано, объектный глагол с примыкающим к нему предлогом сочетается с существительным в функции дополнения. Во втором случае глагол сочетается с предложным словосочетанием в функции обстоятельства. Это различие выявляется при постановке вопроса к существительному, следующему за глаголом. В вопросе к конструкции с объектным глаголом вопросительное слово - местоимение *They called on the man. - Who(m) did they call on? They looked at the picture. - What did they look at?*, во втором случае вопросительное слово - наречие *They called at the hotel (after lunch). - Where (when) did they call?* (Quirk, 1982, p. 305).

В применении к эстонскому языку термины "объектность" и "транзитивность" используются как синонимы (Valgma, Remmel, 1968, lk. 113). В основу определения объектных глаголов положен семантический признак "направленность" действия на объект", но немалую роль играет и морфологический признак, который заключается в том, что дополнение может быть выражено существительным в одном из трех падежей: номинативе, генитиве или партитиве (Valgma, Remmel, 1968, lk. 166).

Традиционное семантическое определение транзитивности как способности действия переходить от агенса (деятеля) на пациенс применимо к большинству конструкций с объектными глаголами и наиболее типично для реального мира, который состоит из событий, где деятель (агенс) воздействует на объект (Saksena, 1982, p. 355). Объект представляет собой лицо или предмет, над которым совершается действие. Однако данное определение объекта и переходности в некоторых случаях оказывается неприменимым. Так, например, направление действия может быть семантически противоположным: *I hear you* (Lyons 1968, p. 350).

Дополнение выражает различные семантические функции и передает различные типы отношений между предметами или лицами. На это указывал еще О. Есперсен, который выделял объект со значением инструмента (*Mary nodded her head*), а также объект со значением результата действия (*I dig a grave*), противопоставляя его объекту со значением предмета, на который воздействует другой предмет или лицо (*I dig the ground*) (Есперсен, 1946, p. 109).

Более детальный анализ семантических функций, выражаемых дополнением, был проведен за последние два десятилетия в рамках теории семантических ролей. Кроме упомянутых се-

мантических ролей (инструмента, пациенса и результата), выделялись также экспериенцер, выражающий лицо, которое под воздействием другого лица испытывает определенное состояние или чувство (to upset the man, to irritate the boy), а также функция "содержание" (или контентив) (to talk politics, to talk about domestic affairs) (Старикова, 1985, с. 54). Предпринимались попытки отграничить от пациенса такую семантическую роль как комплемент (или дополнение) Mary sang a song (Chafe, 1970, p. 156), а также противопоставить пациентивную и объектную функции по наличию или отсутствию признака "изменяемость" I disjointed my rod (пациентивная), He offered the wine-skin to Bill (объектная) (Вялкова, 1987, с. 8).

Семантические функции дополнения во многом зависят от семантически глагольного предиката. Так, например, глаголы со значением "производить", "созидать" и т.д. требуют дополнения-результатива to knit, to build, to write, etc.), тогда как глаголы со значением "разрушать" сочетаются с дополнением-пациенсом (to break, to burn, to ruin), глаголы со значением перемещения в пространстве употребляются с дополнением-локативом (to reach, to cross). Различие семантических функций дополнений свидетельствует о различии значений глаголов: He paints the door (пациенс); He paints portraits (результат). Существует мнение, что, несмотря на такое различие типов отношений между субъектом и объектом, можно выделить инвариантный признак "пассивность", который либо существует в совокупности с другими признаками, либо доминирует как основной элемент значения объекта (Старикова, 1985, с. 53). Следует признать, что в большинстве случаев это так, хотя и сомнительно, например, по отношению к to hear sb., to agree with sb., to argue with sb., etc.

Остановимся на некоторых случаях формального совпадения/несовпадения конструкций в английском и эстонском языках, выражающих одинаковые субъектно-объектные отношения и обозначающих одинаковые ситуации. Предмет анализа составили английские предложения с объектными глаголами, построенные по модели $N_1 V N_2$ и $N_1 V p N_2$, и их эквиваленты в эстонском. При изучении эстонских предложений необходимо учитывать падежную форму существительного в позиции N_2 .

Наибольшее сходство наблюдается в том случае, когда английской конструкции $N_1 V N_2$ соответствует в эстонском эта же модель, в которой позиция N_2 замещена существитель-

ным в одном из трех падежей дополнения: номинативе, генитиве или партитиве. Только в этом случае глагол считается объектным, или транзитивным, в традиционной грамматике эстонского языка:

The priest shook his head (Hemingway). Preester raputas pead. I dried my hands (Hemingway). Ma kuivatasin käed ära. He recognized me ... (Hemingway). Ta tundis minu ära. Здесь можно говорить о конструкциях с транзитивными глаголами в обоих языках.

Если предложения в обоих языках строятся по модели $N_1 V N_2$, но позиция N_2 в эстонском замещена существительным в каком-либо ином падеже, кроме названных трех, то это существительное считается не дополнением, а обстоятельством. Следовательно, конструкции с объектным глаголом в английском соответствует конструкция с неobjектным в эстонском. Например, глагол *ask* употребляется как транзитивный *to ask sb.*, тогда как соответствующий глагол в эстонском *küsima* сочетается с существительным в аблативе - одном из локальных (локативных) падежей *kellelgi küsima*: That morning the major in charge of the ward asked me if I felt I could travel the next day (Hemingway). Sel hommikul küsis meie palatiarst minult, kas ma tunnen ennast juba nii hästi, et võin järgmisel hommikul alustada. Возможно, происходит это потому, что одна и та же ситуация отражена по-разному на семантическом уровне. Если в английском предложении первое лицо - агенс, второе - пациенс, то в эстонском второе лицо представлено как источник, т.е. выражает локативную функцию. Такое же различие между поверхностными структурами в этих двух языках наблюдается и в том случае, когда в английском употребляется транзитивный глагол с значением перемещения в пространстве, а в эстонском - глагол адвербиальной направленности, и обстоятельство выражено существительным в одном из локальных падежей: He left the room (Maugham). Ta lahkus toast (элатив). He reached the other side of the bridge (Murdoch). Ta jõudis teisele poole silda (аллатив). Английским предложениям данного типа соответствуют также предложения, построенные по модели $N_1 VpN_2$, где сочетание $p N_2$ функционирует как обстоятельство места: He crossed the mountains into Italy (Maugham). Ta läks üle mägede Itaaliasse. Если в английском предложении существительное в позиции N_2 выражает семантическую роль адресата, в эстонском предложении ему соответствует, как правило, су-

существительное в форме аллатива: to telephone sb. - kellegile helistama, to please sb. - kellegile meeldima, to answer sb. - kellegile vastama. Однако такая определенная зависимость между семантической функцией и формой ее выражения прослеживается далеко не всегда (to doubt sth. - millegis kahtlema, to meet sb. - kellegiga kohtuma, to risk sth. - millegiga riskima, etc.).

Остановимся далее на эстонских эквивалентах английских предложений с объектными глаголами, построенных по модели N_1 V p N_2 . Некоторым предложениям (например, с глаголами to look for, to wait for, to look at) соответствуют в эстонском предложения с транзитивными глаголами, построенные по модели N_1 V N_2 :

I looked at the board tables (Hemingway). Silmitsesin laudadest kokkulõõdud laudu.

... I waited for Miss Barkley (Hemingway). ... miss Barkley't ootasin.

Nad otsivad kohta, kus istet võtta (Traat). They are looking for a place to sit down.

Как уже было показано ранее, такие глаголы в английском языке можно рассматривать как предложные транзитивные глаголы, В этом случае семантическое сходство предложений в двух языках дополнится также синтаксическим сходством.

Позиция N_2 в эстонском предложении может быть замещена существительным в ином падеже, кроме падежей дополнения: I smiled at the priest ... (Hemingway), Ma naeratasin preestrit. В данном примере позиция дополнения в английском предложении факультативна. Дополнение выражает семантическую роль адресата, и в эстонском предложении ему соответствует существительное в аллативе - типичном падеже для выражения этой семантической роли. Однако позиция p N_2 далеко не всегда факультативна, и семантические роли могут быть разными, например, "содержание" в He was thinking about something else (Hemingway). В эстонском языке N_2 в форме элатива: Ta mõtles millestki muust.

И, наконец, конструкции N_1 V p N_2 может соответствовать в эстонском конструкция с предложным сочетанием, предлог (или послелог) следует за существительным: to worry about sth. - muretsema millegi pärast, to complain sth. - kaebama millegi üle.

Итак, исследование показало, что английской конструкции с объектным глаголом $N_1 V N_2$ соответствует в эстонском конструкция $N_1 V N_2$, где выделяем два варианта: 1) N_2 - существительное в номинативе, генитиве или партитиве, 2) N_2 в ином падеже, кроме названных, а также конструкция $N_1 V p N_2$. Английской конструкции $N_1 V p N_2$ соответствуют в эстонском эти же три модели. Наблюдается также некоторая зависимость падежной формы существительного в позиции N_2 от выражаемой им семантической функции.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Виноградов В.В. Русский язык / Изд. третье. - М.: Высшая школа, 1986. - 640 с.
- Вялкова В.Б. Семантические функции беспредложного дополнения в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Пятигорск, 1987. - 17 с.
- Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. - М.: Высшая школа, 1981. - 285 с.
- Львов Л.А. Семантико-синтаксические типы формально непереходных глаголов в современном английском языке // Структура и функция синтаксических единиц в германских языках. - Горький, 1983. - С. 73-83.
- Мухин А.М. Переходные глаголы и их актуализация в тексте // Грамматические категории глагола и предикатный синтаксис текста. - Владимир, 1985. - С. 20-31.
- Старикова Е.Н. Проблемы семантического синтаксиса. - Киев: Вища школа, 1985. - 123 с.
- Blokh M.Y. A Course in Theoretical English Grammar. - M.: Vyssaja Škola, 1983. - 383 p.
- Chafe W. Meaning and the Structure of Language. - Chicago and London: The University of Chicago Press, 1970. - 360 p.
- Chatman S. The Classification of English Verbs by Object Types. - In: 1961 International Conference on Machine Translation of Languages and Applied Language Analysis. - London, 1962. - P. 84-94.
- Jespersen O. Essentials of English Grammar. - London, 1946. - 887 p.
- Krutikov Y.A., Kuzmina I.S., Rabinovich Kh.V. Exercises in Modern English Grammar. - M.: Higher School, 1964. - 269 p.

- Lyons J. Introduction to Theoretical Linguistics. - Cambridge: The University Press, 1968. - 519 p.
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A University Grammar of English. - M.: Vyssaja Škola, 1982. - 391 p.
- Saksena A. The Basicness of Transitives // Journal of Linguistics, 1982. - Vol. 18, N 2. - P. 355-360.
- Valgma J., Remmel N. Eesti keele grammatika. - Tallinn: Valgus, 1968. - 439 lk.

CONSTRUCTIONS WITH OBJECTIVE VERBS IN ENGLISH
AND THEIR EQUIVALENTS IN ESTONIAN

Ludmila Podolskaya

S u m m a r y

The article looks at some English constructions containing objective verbs and prepositional or non-prepositional objects. It establishes a set of constructions in Estonian corresponding to the English ones, laying much stress on the case form of the noun in Estonian. It also observes some regularities in expressing various semantic roles of the object in both the languages.

О РАЗНЫХ ПОДХОДАХ К АНАЛИЗУ ВВОДНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

М.Э. Салувеэр

1. Введение

Настоящая статья является продолжением статьи /1/, в которой рассматривалась проблема изучения т.н. сентенциальных наречий (*sentence adverbs*) английского языка советскими англистами. В настоящей статье излагаются взгляды представителей основных направлений англо-американской лингвистики на эту тему.

2. Традиционная лингвистика

Изучение вводных элементов в английском языке началось с изучения синтаксических связей членов предложения. При этом было выделено два больших класса наречий:

- наречия, определяющие слово (*word-modifying adverbs*)
- наречия, определяющие целое предложение (*sentence-modifying adverbs*).

Впервые на существование этих двух классов наречий указывается в работах Э. Мейнера /23/ и Г. Свита /36/. Мейнер считает, что хотя формально наречия опираются на понятия действия, в действительности они выражают точку зрения говорящего о предикате, приписываемого им субъекту предложения /23, с. 422/. Г. Свит выделяет в самостоятельный класс т.н. "наречия утверждения" (*adverbs of assertion*), которые могут модифицировать не только субъект или предикат предложения, а связь между ними, т.е. они модифицируют общее значение предложения /36, с. 364/. А. Вестерн /40/ первым показал, что некоторые наречия имеют свойство "ориентации", т.е. дают субъективную оценку определенного члена предложения с точки зрения говорящего.

Последующие описательные грамматики мало прибавили к вышеупомянутым характеристикам вводных элементов. О.Есперсен /18/ и Ч. Фриз /10/ вообще не выделяют вводные элементы в качестве самостоятельной языковой единицы. О.Кэрм /9, с. 73/, выделяет в самостоятельный класс т.н. сентенциальные наречия (*sentence adverbs*), считая, что они модифицируют предложение в целом, но включает в этот класс и отрицание. Э.Круйзинга /21/ выделяет два класса вводных элементов: модальные наречия (*probably, hardly, really, surely, certainly* и др.) и сентенциальные наречия, выражающие мнение об

остальной части предложения (*fortunately, honestly, mercifully, и др.*). Что касается других характеристик этой группы слов, то отмечается большая вариативность местоположения вводных элементов в пределах предложения, что, по мнению некоторых языковедов, делает невозможным задавать определенные правила или закономерности их описания /28, с. 287; 9, с. 130/. Э. Круйзинга единственный, кто отмечает, что несмотря на свое место в предложении сентенциональные наречия всегда отделяются от других членов предложения паузой /21/.

3. Структуральный анализ вводных элементов

Из исследований данного направления можно отметить работы Х. Хартвигсона, С. Гринбаума и С. Якобсона /11; 12; 13; 15/. Взгляды С. Гринбаума о вводных элементах отражаются также в двух грамматиках английского языка, где он является автором соответствующих разделов /29; 30/.

3.1. Подход С. Якобсона

Материал, на котором основаны выводы С. Якобсона в монографии /15/ взят из письменных источников современного английского языка 1945–1960 гг. Его подход чисто эмпирический, он собрал тысячи примеров и рассматривает дистрибуцию адвербиалов английского языка в предложении при помощи ряда процедур. В начале все адвербиалы разделяются в классы по их значению и полученная классификация мало чем отличается от традиционной. Результаты статистического анализа собранных данных и дистрибуция разных классов адвербиалов отражены в следующей таблице /15, с. 80/.

класс	место в предложении в начале	в середине	в конце
время	13х	60х	27х
способ	4х	25х	71х
точка зрения	66х	14х	20х
степень	2х	58х	41х
место	17х	4х	80х
настроение	32х	63х	6х

Якобсон разделяет все рассматриваемые 3 позиции еще на более мелкие, но в таблице все подразделения внутри одного разделения собраны вместе. Таким же образом он поступил и с семантическими классами адвербиалов, которые также могут содержать несколько подклассов.

В его монографии содержится огромный статистический материал о дистрибуции каждого адвербиала в предложении. Это

достоинство работы Якобсона отмечали все рецензенты /20;35; 39/. Однако они отмечали и большие недостатки в подходе Якобсона:

1) его полная эмпирическая ориентация; по словам Кейзера "Якобсон занимается сбором данных, а не доказательств, где разница в том, что доказательства требуют теорию, а данные нет" /20, с. 359/;

2) теоретическая непоследовательность и противоречивость, что выражается

а) в необоснованном выборе тестов, при помощи которых выделяются синтаксические категории адвербиалов

б) в неясности определения понятия "позиция"

в) в пренебрежении морфологической структурой внутри синтаксической категории адвербиалов /39, с. 257/.

В другой работе С. Якобсон рассматривает проблему местоположения наречий относительно вспомогательных глаголов английского языка /16/. Проблема изучается им с разных аспектов:

1) количественного, с целью выяснить, как превербальные наречия количественно распределены в устных и письменных текстах английского языка;

2) порождающего, где Якобсон пытается объяснить, как работает механизм языка, который дает нам поверхностную структуру языка в том виде, как она есть;

3) исторического, т.е. объяснение происхождения и развития употребления превербальных наречий.

Несколько слов о термине "превербальное наречие или преверб" в трактовке Якобсона. Преверб в его понимании полностью позиционное понятие. Всегда, когда наречие встречается в позиции перед глаголом предложения, оно является превербом /16, с. 18/. Гораздо сложнее определить, что такое позиция перед глаголом. Для этого Якобсон пользуется понятиями V-оператор и S-оператор. В случае V-оператора превербальной является такая позиция, которая доминируется V-узлом в дереве трансформации. В случае S-оператора превербальными позициями являются такие, где непосредственным доминирующим узлом в дереве является S-узел.

Эмпирический материал его работы разделен на две части: часть А (24 194 примера) сосредотачивается на рассмотрении закономерностей встречаемости превербов в средней позиции, где вспомогательный глагол следует за наречием, часть В (4608 примеров) сосредотачивается на рассмотрении других по-

зий наречия в предложении. В следующей таблице приведены некоторые вводные элементы, указаны их количество в рассматриваемом материале и сравнены частоты их встречаемости в средней позиции и в других позициях /16, с. 226/.

Преверб	Количество в материале	Встречаемость в позициях	
		средняя x	Другие x
accidentally	1	1 100	- 0
allegedly	3	3 100	- 0
characteristically	2	2 100	- 0
interestingly	1	1 100	- 0
simply	65	54 83.08	11 16.92
preferably	3	2 66.67	1 33.33
typically	3	2 66.67	1 33.33
honestly	14	9 64.29	5 35.71
reportedly	14	8 57.14	6 42.86
unfortunately	20	9 45.00	11 55.00
apparently	135	45 33.33	90 66.67
certainly	420	128 30.48	292 69.52
hopefully	7	2 28.57	5 71.43
ostensibly	7	2 28.57	5 71.43
evidently	66	17 28.76	49 74.24
assuredly	4	1 25.00	3 75.00
supposedly	13	3 23.08	10 76.92
obviously	218	49 22.48	169 77.52
presumably	51	10 19.51	41 80.39
really	1095	211 19.27	884 80.73
naturally	69	13 18.84	56 81.16
probably	861	161 18.70	700 81.30
fortunately	11	2 18.18	9 81.82
undoubtedly	93	15 16.13	78 83.87
understandably 13		2 15.38	11 84.62
definitely	85	13 15.29	72 84.71
clearly	118	14 11.86	104 88.14
possibly	40	4 10.00	30 90.00
unquestionably 22		2 9.09	20 90.91
actually=really 254		16 6.30	238 93.70
admittedly	17	1 5.88	16 94.12
reasonably	28	1 3.57	27 96.43
conceivably	30	1 3.33	29 96.97
necessarily	192	3 1.56	189 98.44

3.2. Проблемы вводных элементов в работе Х.Хартвигсона

Х.Хартвигсон пытается разграничить два класса адвербиалов - т.н. "свободные" (loose) адвербиалы, которые модифицируют предложение в целом, и т.н. "примыкающие" (close) адвербиалы, модифицирующие слово или фразу, пользуясь двумя признаками - интонацией и местоположением.

В предложении Хартвигсон устанавливает I3 позиции, из которых в 6 позициях могут находиться вводные элементы. Хартвигсон утверждает, что некоторые вводные элементы могут передвигаться из одной позиции в другую, сохраняя при этом способность модифицировать предложение в целом. Предложение I служит для иллюстрации тех 6 позиций, где могут встретиться модификаторы типа английского "really":

I) † He † could † have † given it † to her †
I 2 3 5 6 7 8 9 10 II I2 I3

Примыкающие адвербиалы более ограничены в выборе позиции в пределах предложения, обычно выбирая пре- или пост-позицию относительно модифицируемого слова или фразы.

Хартвигсон выделяет 4 типа интонации в английском языке, из которых зависимая/независимая является типичной только для примыкающих модификаторов, а конечная/ эмфатическая интонация для свободных модификаторов.

Он определяет свободный адвербиал как "адвербиал, который всегда имеет в позициях II и I3 или эмфатическую, или "хвостовую" интонацию", или "который никогда не имеет зависимую интонацию в позициях II и I3" /I3, с. I33/. Дополнительным критерием выделения примыкающих адвербиалов служит требование, чтобы адвербиал и то, что он модифицирует, были "семантически совместимы" /I3, с. I7I/.

Главные недостатки подхода Хартвигсона состоят в том, что:

1) его анализ слишком глубок и поверхностен для дескриптивной адекватности описания /24, с. I0/;

2) непонятен принцип выделения этих I3 позиции в предложении /6, с. 455/;

3) интонация не является надежным критерием, так как она выполняет и ряд других задач, как внутри предложения, так и между предложениями /6, с. 459/;

4) хотя Хартвигсон пытается пользоваться только интонационными и позиционными критериями, но при выделении одной группы адвербиалов он вынужден обратиться к семантическим

критериям, чтобы идентифицировать свободные модификаторы в других позициях кроме II и I3 /34, с. 177/;

5) Шубигер возражает также утверждению Хартвигсона о том, что все свободные адвербиалы в позиции II и I3 имеют "хвостовую" интонацию. Существует группа свободных модификаторов, которые не могут иметь "хвостовую" интонацию ни в одной позиции. Эти модификаторы обычно предшествуют модифицируемому выражению и имеют зависимую интонацию:

2) You know, she literally grows younger.

3) You can positively hear her imagination creaking.

Некоторые из них могут также встретиться в конце предложения, но тогда только как "afterthought" (запоздалая мысль) с независимой интонацией после паузы:

4) She grows younger every day, literally.

5) You can hear her imagination creaking, positively.

Болинджер также утверждает, что говорящий свободен рассматривать независимый модификатор как случайный (incidental) или вводный (parenthetical), если ему так хочется /6, с. 459/.

3.3. Подход С. Гринбаума

С. Гринбаум исходит из анализа адвербиалов, выделенных на основе набора синтаксических признаков. Он разделяет все адвербиалы на 3 группы: адьюнкты, дизьюнкты и коньюнкты. Две последние группы аналогичны сентенциональным модификаторам Хартвигсона. Для выделения дизьюнктов и коньюнктов Гринбаум использует следующие синтаксические критерии:

1. Дизьюнкты и коньюнкты применяемые в начальной позиции в независимой тонической фразе с определенным нуклеарным тоном, когда предложение отрицается:

6) Incidentally, }
Surely, } he is not the chairman
Always. }

2. Дизьюнкты и коньюнкты не могут быть в фокусе отрицания предложения, как показывает их неспособность выступить в противопоставление с другим фокусированным элементом в альтернативных вопросах:

7) Did they leave #therefore or nevertheless?
#probably or possibly?

3. Дизьюнкты и коньюнкты не могут быть в фокусе отрицаемого предложения, как показывает их неспособность выступить в противопоставлении с другим фокусированным элементом в альтернативных отрицаниях:

8) He didn't reply ~~therefore~~ but he did reply ~~anyway~~
~~probably~~ ~~possibly~~

Критерием разграничения дизъюнктов и конъюнктов служит следующий тест: дизъюнкты могут быть применены в качестве ответа на общий вопрос, хотя в некоторых случаях они должны быть сопровождены словами *yes* или *no*; конъюнкты не могут служить в качестве такого ответа даже в том случае, если они сопровождаются словами *yes* и *no* /II, с. 25; 29, с. 423/.

Гринбаум отмечает, что многие адverbials могут принадлежать одновременно к двум классам, особенно он подчеркивает возможность синтаксической омонимии между адъюнктами и дизъюнктами /29, с. 425/. Например, *naturally* в следующих предложениях выполняет две разные функции:

9) Naturally, they are behaving (*naturally*=дизъюнкт)

10) They are behaving naturally (*naturally*=адъюнкт).

Синтаксическими омонимами могут быть многие адverbials английского языка, например *certainly*, *definitely*, *obviously*, *really* и др.

Семантическая классификация дизъюнктов Гринбаума выглядит следующим образом (его классификации также непоследовательны - данная взята из работы /29/):

Дизъюнкты

Стилистические	Отношения
A: frankly, honestly	1a: admittedly, surely
B: broadly, generally	1б: evidently, apparently
B: literally, personally	1в: really, theoretically
	11a: naturally, fortunately
	11б: correctly, cleverly

Работы Гринбаума привлекли к себе большое внимание языковедов. Рецензенты сходятся на главных недостатках подхода Гринбаума:

1) Классификация и описание адverbials является для него самоцелью, его работы не содержат никаких гипотез, которых приведенные данные могли бы подтвердить или опровергнуть /24; 38, с. 491/;

2) Классификация Гринбаума не является единственно возможной и не самой понятной /26, с. 319/;

3) При классификации у Гринбаума иногда пересекаются определения или они остаются непонятными, индивидуальные случаи описания адverbials не соответствуют описанию тех классов, к которым их относят /22, с. 107/;

4) Гринбаум нигде не указывает, каким образом эти семантические классы им были получены и как их можно разграничить друг от друга.

4. Генеративный подход к описанию вводных элементов

В русле трансформационно-генеративного подхода проблеме вводных элементов рассматривает Ю. Бушар /7; 8/. При изучении вводных элементов он выделяет три главные проблемы:

- 1) классификация адвербиалов
- 2) проблема представления их глубинной структуры
- 3) местоположение адвербиалов в поверхностной структуре предложения.

Учитывая недостатки традиционной классификации, Бушар пытается установить, какие факторы влияют на поведение адвербиалов в предложении. Один из таких факторов он называет "функцией" наречия: с одной стороны, функция позволяет выделить адвербиалы, которые являются необходимыми составляющими глагольной фразы, являются частью валентностной структуры глагола; с другой стороны, существует множество адвербиалов, которые не принадлежат к глагольной фразе и модифицируют все предложение (т.н. "свободные модификаторы"). Бушар пытается установить классификацию именно свободных модификаторов, используя как семантические, так и формальные критерии.

Не все свободные модификаторы ведут себя одинаково в поверхностной структуре предложения. Поэтому Бушар разделяет все свободные модификаторы в соответствии с тем, какой категориальный узел в глубинной структуре предложения они модифицируют: S-модификаторы, V-модификаторы, NP-модификаторы и A-модификаторы. Базисные семантические критерии разного типа модификации следующие /8, с. 84/:

S-модификаторы выражают информацию относительно пропозиции

V-модификаторы выражают информацию относительно связей

NP-модификаторы выражают информацию относительно людей/вещей

A-модификаторы выражают информацию относительно разных характеристик.

Существуют определенные трудности при разграничении адвербиалов классов S-модификаторы и A-модификаторы. Чтобы преодолеть эти трудности, Бушар прибегает к полужформальным показателям этого различия.

I. Полужформальные критерии парафразы

Многие авторы /5; 14; 25; 27; 37/ утверждают, что that-парафраза в английском языке является показателем S-модификации. Ниже приведены 4 варианта данной парафразы, где S-модификатор fortunately противопоставлен V-модификатору slowly:

- 11) John fortunately walked slowly
- 12) It is fortunate that John walked slowly
- 13) That John walked slowly is fortunate
- 14) It is fortunately so that John walked slowly
- 15) Fortunately, it is so that John walked slowly
- 16) It is slow that John fortunately walked
- 17) That John fortunately walked is slow
- 18) That is slowly that John fortunately walked
- 19) Slowly, it is so that John fortunately walked.

2. Полуформальные тесты ограничения выбора

Бушар пользуется несколькими тестами, базирующими на принципе ограничения выбора свободных модификаторов:

а) ограничения на встречаемость в предложении сразу нескольких S-модификаторов. Предложение

20) ? Probably they fortunately robbed the bank

является странным, если не сказать, неприемлимым. Причина в том, что это предложение содержательно непоследовательно: достоверность пропозиции "they robbed the bank" является возможной, т.е. неопределенной, и в то же время данная пропозиция рассматривается говорящим как факт, так как утверждается, что этот факт - кому-то к счастью. Бушар утверждает, что с точки зрения языка как кода тут нет ничего отклоняющего, и что нетрудно построить контекст, в котором данное предложение является приемлимым /8, с. 94/. Примером приемлимого употребления в одном предложении нескольких модификаторов может служить следующее предложение /17, с. 26/:

21) Martin, fortunately, will probably come tomorrow

б) ограничения на со-встречаемость S-модификаторов с другими элементами, которые также влияют на интерпретацию предложения:

1) вышестоящие предложения

22) The king ordered that (they ~~probably~~ be hanged)

23) They will ask you if (the robbers were ~~possibly~~ arrested)

2) императивы и вопросы

24) (~~Probably~~) go!

25) Soldiers, (unfortunately) hang those robbers!

26) Were they (unfortunately) hanged?

Объяснение семантической аномалии в предложениях 22-23, по мнению Бушара, в том, что приказывается, чтобы S случилось (т.е. имплицитруется, что S еще лишем реальности), и одновременно утверждается или достоверность S (probably) или S принимается как факт, и дается свое отношение к этому факту (fortunately). Что касается предложений 24-26, то их неестественность объясняется теми же причинами - имплицитивный элемент является синонимичным предложениям "Я приказываю вам..." или "Я требую от вас, чтобы...". Отсюда естественная связь между 22-23 и 24-26 - странно выразить мнение о факте или утверждать, что что-то случилось, и одновременно спросить, действительно ли это случилось.

в) связь с просодическими средствами. S-модификаторы можно свободно передвигать на первую позицию в предложении, т.е. на позицию впереди именной фразы, выступающей в функции подлежащего повествовательного предложения. В этой позиции S-модификатор имеет интонацию без изменения тона. Если же S-модификатор выступает в роли комментария, то его не легко переставить на первую позицию (это можно делать только изменив интонацию) /8, с. 98/.

Недостатки традиционного подхода сохраняются и в трансформационном анализе вводных элементов. Трансформационный анализ, по мнению Бушера, пытается выдвигать искусственные объяснения причинам местоположения адвербиалов в английском языке /7, с. 79/. Понимая эти недостатки, Бушар выдвинул принцип, которого он сам, к сожалению, не придерживался: по-видимому, лучшим способом для рассмотрения проблем адвербиалов является пересмотр данной проблемы в ее корне, уделяя должное внимание некоторым общим предпосылкам лингвистического описания /7, с. 80/.

Лучшим представителем генеративного подхода к анализу вводных элементов является П. Шрейбер /31; 32; 33/. Шрейбер утверждает, что все вводные элементы деривационно связаны с соответствующими конструкциями, содержащими адъективы, и что необходимо как минимум различать 2 четких подкласса вводных элементов: модальные и оценивающие. Исходя из этих соображений Шрейбер отрицает подход Катца и Фодора /19, с.85-120/, которые предложили рассматривать вводные элементы как "единую категорию глубинной структуры", порожденную фразо-структурными правилами.

В поддержку своей позиции Шрейбер приводит следующие аргументы:

1. Сохранение условий истинности предложений при that-парафразе в английском языке:

27) Clearly, it's going to rain.

28) That it's going to rain is clear.

2. Как источник предложений с вводными элементами он рассматривает "номинализированное предложение с адъективом", что позволяет ему объяснить факт, почему вводные элементы не употребляются в повелительных предложениях. Причиной этого является обстоятельство, что такой источник вступает в конфликт со структурным описанием повелительных предложений, которые требуют в роли первой номинативной фразы (в роли подлежащего) номинативную фразу "ты" (англ. "you"), например

29) Clearly, go home.

30) That you go home is clear.

3. Невозможность употребления вводных элементов в таких конструкциях, которые являются сентенциональными дополнениями глаголов типа "приказывать". Шрейбер объясняет это обстоятельство той же причиной, т.е. исходя из требования, что дополнение вышестоящего предложения должно совпадать с подлежащим нижестоящего предложения, например

31) I command you to leave

Это требование нарушается в следующем предложении, что, по мнению Шрейбера, и объясняет его неграмматичность:

32) * I command you to probably leave

4. Такой анализ автоматически сужает класс возможных вводных элементов, они могут быть порождены из класса адъективов с абстрактной номинативной формой в роли субъекта. Следующие примеры иллюстрируют пары адъективов/адвербиалов, которые исключаются из рассмотрения в соответствии с данным критерием:

33) That Max would fail was certain

*enthusiastic

34) Certainly , Max would fail

*Enthusiastically

Б.Мишель /24, с. 14/ считает аргументацию Шрейбера безупречной с точки зрения синтаксиса, но задает вопрос: почему в языке существуют такие синтаксические трансформации и ограничения? Например, что семантически различает адъективы, которые могут или не могут иметь в роли субъекта абстрактные номинальные фразы? Чем вызвано блокировка употребления ввод-

ных элементов в повелительных предложениях?

Утверждение Шрейбера о существовании четких подклассов внутри вводных элементов основывается на семантических критериях. По Шрейберу, эти классы различаются в своих семантических интерпретациях /32, с.88/: оценивающие вводные элементы предполагают истинность (поверхностной) конструкции, с которой они связаны, и дают оценку этой конструкции; модальные же вводные элементы приписывают той конструкции, с которой они связаны, степень вероятности. Такая формулировка является неудачной /24, с. 16/. Более правильно было бы сказать, что говорящий (субъект) высказывает свое отношение к соответствующей пропозиции. И даже если предложения с вводными элементами этих двух классов имеют четкую границу в их интерпретации, то не ясно, является ли это следствием достоверности утверждаемой пропозиции.

Метод анализа Шрейбера не позволяет объяснить все факты употребления вводных элементов, например следующие:

1) существование в языке наречий *clearly, unquestionably, certainly*, и отсутствие соответствующих отрицательных форм *unclearly, questionable, uncertainly*, хотя для обеих форм существует соответствующая форма адъектива;

2) среди оценочных вводных элементов употребление некоторых наречий без адьюнкта "enough" в английском языке считается на пределе правильности их употребления. Чтобы объяснить этот факт, Шрейбер вводит в описание вводных элементов семантический маркер *+Affect*. Такое решение - типичная трудность, с которой исследователи сталкивались при попытках автономного описания синтаксиса. Введение такого маркера синтаксически ни чем не оправдано, и достаточно ясно, что эти явления должны найти свое объяснение в других областях языка.

5. Комплексный анализ вводных элементов

Попытка комплексного анализа вводных элементов английского языка представлена в работах Д. Аллертона и А. Круттендена /2; 3; 4/.

Для выделения группы сентенциональных наречий они пользуются 4 характеристиками:

- 1) трансформационный потенциал
- 2) взаимовстречаемость
- 3) местоположение в предложении
- 4) интонация.

Из перечисленных критериев самым надежным для них является трансформационный потенциал, позволяющий разграничить разные типы предложений и их подклассы. Насчет встречаемости синтаксиса наречия нейтральны, т.е. они не зависимы от типа полнозначного или вспомогательного глагола.

Любой вводный элемент можно употреблять в предложении в 4 позициях: в начальной, в средней перед вспомогательным глаголом, в средней после вспомогательного, но перед полнозначным глаголом, и в самой последней позиции в предложении. Если в предложении отсутствует вспомогательный глагол, то разница между двумя средними позициями теряется. Но одна лишь позиция не может служить критерием выделения вводных элементов, так как в этих 4 позициях могут быть использованы еще другие типы не-синтаксиса наречий, например наречия частоты типа английское *sometimes* /2, с. 3/.

Рассмотрим далее только одну группу, именно синтаксиса наречия интерпретации. Внутренняя структура этой группы следующая /2, с. 9/:

- 1) направленные на сообщение
 - a) *likelihood* (*probably*)
 - б) *attitudinal* (*surprisingly*)
- 2) ориентированные на субъект (*wisely*).

Алертон и Круттенден различают три типа интонационных структур:

1) нуклеарная интонация: предложение (включая вводный элемент) образует единую интонационную группу с ударением на вводном элементе /3, с. 31/:

- 35) He ^ˈobviously went by train.
- 36) He ^ˌpossibly went by train.

2) ненуклеарная интонация: предложение вместе с вводным элементом образует единую интонационную группу, но ударение на каком-то другом элементе, чем вводный:

- 37) He fortunately went by ^ˈtrain.

3) самостоятельная интонация: в предложении как минимум две интонационные группы, одна из них самостоятельная интонация для вводного элемента:

- 38) ^ˈJohn /^ˈrightly/ refused to ^ˈdo it.
- 39) The re^ˈsults /^ˈsuper^ˈficially/ were quite ^ˈgood.

Рассмотрим в следующем интонационную структуру разных групп вводных элементов в разных позициях в предложении.

Группа вводных элементов, ориентированных на сообщение -

сюда входят такие вводные элементы, как *fortunately, surprisingly, ironically, characteristically*.

В предложениях с вводными элементами этой группы в начале предложения возможна только интонация самостоятельной группы с нисходящим-восходящим тоном /2, с. 14-15/:

40) *Fortunately / he likes it.*

41) *Fortunately / he didn't come early.*

В середине предложения можно отметить две закономерности:

1) вводные элементы никогда не могут быть единственными носителями ударения в предложении:

ж42) *Richard surpr^vrisingly used a tape recorder.*

ж43) *Richard surpr^vrisingly used a tape recorder.*

2) они могут быть использованы только в ненуклеарной позиции (44) или выделены в самостоятельную группу с восходящим тоном (45):

44) *Richard surprisingly used a tape recorder.*

45) *Richard surpr^vrisingly used a tape recorder.*

В конце предложения с этими вводными элементами нуклеарная интонация не употребляется, самый распространенный тип интонации здесь - восходящий тон в самостоятельной группе:

46) *Richard re^vjected the offer / surpr^visingly.*

В группу вводных элементов, ориентированных на сообщение входит более 20 вводных элементов, например *certainly, clearly, definitely, obviously, possibly, probably, presumably* и т.п.

В начале предложения интонация вводных элементов этой группы зависит от двух обстоятельств:

1) от актуального членения предложения. В предложениях, где вводный элемент является темой, он имеет нуклеарную интонацию:

47) *Clearly he can.*

48) *Definitely he can.*

Но только *clearly* можно употреблять в качестве ремы:

49) *Clearly / he can win the match.*

ж50) *Definitely / he can win the match.*

2) выражает ли вводный элемент сомнение (например *possibly, probably, presumably*) или несомнение (например *clearly, definitely, certainly*). Вводные элементы, выражающие сомнение, требуют восходящей интонации (в самостоятельной группе или в нуклеарной группе), а вводные элементы, выражающие несомнение, требуют нисходящей интонации в самостоятель-

ной или в нуклеарной группе, или нисходящей-восходящей в самостоятельной группе:

ж51) Pre[∇]sumably/ he can win the match.

52) \Clearly/ he can win the match.

53) Pre[∇]sumably he, can.

ж54) Clearly he, can.

В середине предложения, когда на эту группу падает нуклеарная интонация, то это должно быть нисходящая интонация при несомнении и восходящая при сомнении:

ж55) Richard[∇]obviously wanted them to.

56) Richard\obviously wanted them to.

57) Richard pre[∇]sumably wanted them to.

ж58) Richard pre[∇]sumably wanted them to.

В случае интонации самостоятельной группы существуют следующие закономерности: вводные элементы как тема не могут вообще быть использованы в данной позиции (59-60), вводные элементы, выражающие несомнение, имеют как типичную для них нисходящую (61-62), так и восходящую интонацию (63-64):

ж59) Richard[∇]definitely/wants to be popular.

ж60) Richard\definitely/wants to be popular.

61) Richard pre[∇]sumably/wants to be popular.

ж62) Richard pre[∇]sumably/wants to be popular.

63) Richard ob[∇]viously / wants to be popular.

64) Richard\obviously /wants to be popular.

В отличие от начальной или средней позиции в конце предложения эта группа не может иметь нуклеарную интонацию, а только интонацию самостоятельной группы:

ж65) Richard wanted them to pre[∇]sumably.

66) Pre[∇]sumably Richard wanted them to.

ж67) Richard wanted them to \obviously.

68) Richard\obviously wanted them to.

6. Заключение

Проделанный анализ разных подходов к изучению вводных элементов английского языка позволяет выделить следующие общие моменты:

1. Собран огромный эмпирический материал употребления вводных элементов в разных вариантах английского языка, но этот материал обработан главным образом статистически, а следовательно, не получил должного теоретического осмысления.

2. Отсутствует однозначное понимание таких основных грамматических понятий, как "позиция", "тип интонации", "модификация предложения/ отдельного слова или фразы", и т.п., что

осложняет использование тестов, применяемых представителями одного направления, для проверки достоверности результатов других направлений:

3. Неудачными оказались попытки классификации вводных элементов только при помощи интонации и местоположения в предложении, т.е. необходим комплексный подход к изучению этих элементов с одновременным привлечением данных разных уровней описания.

4. Указывается на более важную роль просодических средств при анализе вводных элементов английского языка, чем в других языках (например, русский).

5. Существенным недостатком рассмотренных нами направлений является то, что вводные элементы в этих работах изучались в пределах одного, отдельно взятого предложения, без привлечения предшествующего и/или последующего ему предложений, рассмотрение данного предложения в не контекста его употребления.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Салувер М.Э. Проблема т.н. "sentence adverbs" в советской англистике // Уч. зап. Тарт. ун-та. - Тарту, 1987. - Вып. 750. - С. 108-116.
2. Allerton D.J., Cruttenden A. English sentence adverbials: their syntax and their intonation in British English // *Lingua*. - 1974. - N 34. - P. 1-30.
3. Allerton D.J., Cruttenden A. The intonation of medial and final sentence adverbials in British English // *Archivum Linguisticum*. - 1976.-Vol.7.- N 1.- P. 29-59.
4. Allerton D.J., Cruttenden A. Syntactic, illocutionary, thematic and attitudinal factors in the intonation of adverbials // *J. of Pragmatics*. - 1978. - Vol. 2. - N 2. - P. 155-188.
5. Bartsch R. Adverbialsemantik. - Frankfurt am Main: Athenäum, 1972.
6. Bolinger D. Рецензия // *Language*. - 1972.-Vol.48.- N 2.- P. 454-463. Рец. на кн.: Hartvigson H.H. On the intonation and position of the so-called sentence modifiers in present-day English. Odense, 1969.
7. Buysschaert J. Remaining problems in English adverbial analysis // *Akten des 13 Linguistischen Kollo-*

- quims. Gent, 1978. - Tuebingen 1979. - Band 1.- S. 73-82.
8. Buysschaert J. Criteria for the classification of English adverbials. - Brepols: Turnhout, 1982.
 9. Curme O. A grammar of the English language. Part III. - Boston: D.C. Heath & Co., 1935.
 10. Fries Ch. The structure of English. - New York: Harcourt, Brace & World, 1982.
 11. Greenbaum S. Studies in English adverbial usage. - University of Miami Press, 1969.
 12. Greenbaum S. Verb-intensifier collocations in English. - Hague-Paris: Mouton, 1970.
 13. Hartvigson H.H. On the intonation and position of the so-called sentence modifiers in present-day English. - Odense: Odense University Press, 1969.
 14. Jackendoff R.S. Semantic interpretation in generative grammar. - Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1972.
 15. Jacobson S. Adverbial positions in English.-Stockholm, 1964.
 16. Jacobson S. Factors influencing the placement of English adverbs in relation to auxiliaries // Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Studies in English XXXIII. - Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1975.
 17. Jacobson S. On the use, meaning and syntax of English preverbal adverbs. - Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1978.
 18. Jespersen O. A modern English grammar. Part III. Syntax. - Heidelberg, 1927.
 19. Katz J.J., Fodor J.A. The structure of a semantic theory // Language. - 1963. - Vol. 39. - N 2. - P. 170-210.
 20. Keyser S.J. Рецензия // Language. - 1968.- Vol. 44.- N 2.- P. 357-374. Рец. на кн.: Jacobson S. Adverbial positions in English. - Stockholm, 1964.
 21. Kruisinga E. A handbook of present-day English. 4th ed. - Utrecht: Kemink en Zoon, 1925.
 22. Machacek J. Рецензия // Linguistics 84, 1972. - P. 104-107. Рец. на кн.: Greenbaum S. Studies in English adverbial usage. - Miami: Univ. of Miami Press, 1969.

23. Michell B. A pragmatic analysis of sentence adverbs.- Ann Arbor: University Microfilms, 1975.
24. Mätzner E. Englische Grammatik. - Berlin, 1880.
25. Nilsen D.L.F. English adverbials. - Hague-Paris: Mouton, 1972.
26. O'Donnell W.R. Рецензия // J. of Linguistics. - 1973. - Vol. 9.- N 2.- P. 313-319. Рец. на кн. Greenbaum S. Studies in English adverbial usage.-Miami: Univ. of Miami Press, 1969.
27. Parisi D., Pugielli A. Hopping adverbs // Proc. 11th int. Congress of Linguists. - Bologna, 1974. - P. 85-103.
28. Poutsma H. A grammar of the late modern English. Part II. - Groningen: P. Noordhoff, 1904.
29. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A grammar of contemporary English. - London: Longman, 1976.
30. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A university grammar of English. - Moscow: Vyssšaja škola, 1982.
31. Schreiber P. English sentence adverbs: a transformational analysis. - Ann Arbor: University Microfilms, 1968.
32. Schreiber P. Some constraints on the formation of English sentence adverbs // Linguistic Inquiry.- 1971.- Vol. 2. - N 1. - P. 83-103.
33. Schreiber P. Style disjuncts and the performative analysis // Linguistic Inquiry. - 1972. - Vol. 3.- N 3. - P. 321-349.
34. Schubiger M. Рецензия // English Studies.-1972.- Vol. 53.- N 2.- P. 175-179. Рец. на кн.: Hartvigson H.H. On the intonation and position of the so-called sentence modifiers in present-day English.- Odense: Odense University Press, 1969.
35. Strang B.M.H. Рецензия // Studia Neophilologica.- 1981.- Vol. 53. - N 1.- P. 184-188. Рец. на кн.: Jacobson S. Factors influencing the placement of English adverbs in relation to auxiliaries.-Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1975.
36. Sweet H. New English grammar: - 1891.
37. Thomason R.H., Stalnaker R.C. A semantic theory of adverbs // Linguistic Inquiry. - 1973. - Vol. 4. -

- N 2. - P. 195-220.
38. Thompson S.A. Рецензия //Language.- 1973. - Vol. 49.- N 2. - P. 489-492. Рец. на кн.: Greenbaum S. Studies in English adverbial usage. - Miami: Univ. of Miami Press, 1969.
 39. Uhlenbeck E. Facts and theory in the study of so-called adverbs and adverbials in present-day English // Linguistique Contemporaine.- 1970.- P. 253-260.
 40. Western A. Some remarks on the use of English adverbs // Englische Studien. - 1906.- Vol. 36.- P. 75-99.

ENGLISH SENTENCE ADVERBS: DIFFERENT METHODS OF ANALYSIS

Madis Saluveer

S u m m a r y

The paper is a continuation of an earlier article /1/ where the problems of English sentence adverbs analysis by Soviet grammarians were treated. In the present study different methods used by English and American linguists in sentence adverb analysis are considered: descriptive, statistical, transformational, generative, and complex analysis. The author stresses a need for a complex treatment of these elements integrating data from different levels of description.

A STATISTICAL ANALYSIS OF RHYTHM AS ONE OF THE KEY FACTORS
OF ADEQUACY OF LITERARY TRANSLATIONS OF PROSE (FROM
ENGLISH INTO ESTONIAN) (I)

Krista Soomere

Traditionally, prose and poetry have been regarded as entirely different phenomena from the aspect of rhythm. People hardly ever think of the possibility of the existence of rhythm in the language of prose. More rarely still do they consider whether a piece of prose, translated from another language, is rhythmically adequate to the original.

Failure to appreciate the significance of rhythm in prose has given rise to a widespread view that translating prose is a process essentially different from that of translating poetry - a view that is, however, being increasingly contested by scholars concerned with problems of translation theory. A. Cluysenaar seems to put the matter in a nutshell in the following statement: "Certainly there are problems in the translation of poetry that may not arise in the translation of prose (depending on the type of prose, and of poetry, in question), but I suspect that the differences between the two types of translation may have been exaggerated in the past, due to our poor knowledge of the workings of prose", among other things, the role of rhythm in prose (Cluysenaar A., 1976, p. 139). A similar opinion is voiced by E.A. Nida (1964, p. 168): "In addition to being appropriate to the receptor language and culture, a natural translation must be in accordance with the context of the particular message. The problems are thus not restricted to gross grammatical and lexical features but may also involve such detailed matters as intonation and sentence rhythm".

In literary theory proper, as opposed to translation theory, recognition of the role of rhythm in prose has never been completely lacking, even though scholars fully aware of the issue have perhaps not always been very numerous. A major factor that has kept theorists alive to the existence of rhythm in prose is the importance attached to it by writers themselves. Thus, according to Stendhal, "As far as style is concerned, form makes up a part of the thing itself: a changed word order shows the object from a different angle. The feeling is conveyed by rhythm" (Пржево Ж., 1960, с. 76).

M. Prishvin has gone even further by stating that it is well-nigh impossible to change the name of a hero in a prose text: the altered name, if alteration is indeed necessary, should consist of the same number of syllables, otherwise the rhythm and sound of sentences would be spoilt (Пришвин М., 1934, с. 52. For a fuller survey of writers' opinions see Гиршман М.М., 1982).

A particularly cogent example is presented by S. Potter (1985, p. 97), who has rearranged a rhythmically near-perfect passage from Gibbon's autobiography:

"It was at Rome, on the 15th of October 1764, as I sat musing amidst the ruins of the Capitol, while the barefooted friars were singing vespers in the temple of Jupiter, that the idea of writing the decline and fall of the city first started to my mind"

in the following way:

"The idea of writing the decline and fall of the city first started to my mind as I sat musing amidst the ruins of the Capitol at Rome on the 15th of October 1764, while the barefooted friars were singing vespers in the temple of Jupiter".

The rearranged version is both grammatically and semantically immaculate, yet, as Potter rightly points out, the proper words are no longer in the proper places; the passage has lost its harmonious rhythm.

A note is in order here: the present study is concerned with rhythm at the level of prose speech rather than at the level of composition, since it is the former that has been relatively more neglected while, on the other hand, there are good reasons to believe that it would lend itself more readily to formalization. Also, recent psycholinguistic investigations have suggested that rhythm at this level may have more thorough-going consequences than has hitherto been suspected. Thus, from a wide variety of empirical studies S. Kadota (1987) reaches the conclusion that isochrony of speech rhythm may not be irrelevant to the neurophysiological constraints of human motor rhythm and may play an important part in applying an essential frame to linguistic processing and acquisition. To confirm this, Kadota conducted two experiments (with 135 subjects each), the results of which can be summed up as follows:

- 1) isochrony of speech rhythm provided through subvocalization during silent reading is involved in the processing of printed sentences;

- 2) isochronous speech rhythm may play an important role in higher order cognitive mechanisms of organizing words into phrase-like processing chunks (Kadota S., 1987, p. 163).

Studies such as these give every reason to hypothesize that the retention of rhythm at the level of prose-speech may be a major factor in determining the adequacy of prose translations. To find out if this is really so, two experiments were set up by the author.

As experimental material, two different books were chosen, both of which have been translated into Estonian twice by different translators*.

One of the books chosen was "The Adventures of Sajo and Her Beaver People" by the Canadian writer Grey Owl. The first of its translations, dating from 1938, belongs to F.D. and E.O., unfortunately not identified, revised by Johannes Aavik, and the second translation, dating from 1967, to Ester Heinaste.

The other book was "The Picture of Dorian Gray" by Oscar Wilde. Its first translation, by Anton Hansen Tammsaare, dates from 1929, and the second translation (formally termed "revision" but in actual fact nothing short of a new translation) by Henno Rajandi, from 1972.

The subjects (12 in all) were students and lecturers of English at Tartu University. The competence of the subjects in judging the adequacy of translations can be regarded as fairly high: many of them have won prizes at translation competitions and/or make translations for publishing houses.

In the first experiment the subjects were asked to put down their impressions of the adequacy of the translations, singling out any aspects they might consider relevant. Not a word was said about rhythm as the object of interest of the investigator.

The choice of such an "open ended" experimental design was deliberate. Several prominent psycholinguists, in par-

* It should be mentioned that such books are by no means easy to come by. The usual practice in Estonia in the case of publishing several editions of a translated book is to use the same translation. True, sometimes revisions are made by the translator, but these are usually very slight. Therefore, different translations of the same text inevitably belong to different times, as a rule, to the pre-war Estonian and the post-war periods, respectively.

ticular P.M. Johnson-Laird (1983, *passim*) have called attention to the drawbacks of psychological, psycholinguistic, sociological, etc. experiments in which the subjects are squeezed into the framework of a rigid experimental design, e.g., have to answer multiple-choice questions, evaluate the truth of given statements/inferences/conclusions, fill in questionnaires compiled by the investigator, whose preconceptions almost inevitably bias the very choice of questions, etc. That much valuable information is lost in this approach and experimental artefacts tend to emerge hardly needs proving.

The results revealed a great diversity of opinion. The aspects dwelt on by different subjects ranged from retention of phonetic symbolism to consistency in proper-name spelling. Also, the subjects were not wholly unanimous in the comparative evaluation of the different translations.

In spite of the variety, however, clear trends and tendencies emerged. Of particular importance for the present study is the fact that at the level of prose speech rhythm as an aspect worth commenting on was singled out by a great majority of the subjects. Also, most subjects rated rhythmically more adequate translations higher regardless of their semantic precision and grammatical acceptability of the Estonian sentences.

The latter tendency owes much of its prominence to a necessity turned into a virtue: the Estonian language has undergone rapid changes during this century, so that earlier texts inevitably look strange to the modern eye; at the same time, at least one of the earlier translations - that of "Sajo and Her Beaver People" - was clearly superior in rendering the almost magical rhythm of the original. To quote one subject: "the earlier version has hit closer to the mark in the rendering of the narrative style, i.e. the long rolling sentences of the original". Another subject emphasized that the rhythm of the earlier translation provides "the exact feeling created by the Indian stories". Yet another subject noted that she "somehow liked the earlier version better though she did not know why". When later questioned whether the reason might not lie in the rhythm of the version she readily agreed.

The results of "open-ended", spontaneity-favouring experiments, however, are extremely difficult to formalize

and subject to further (quantitative) analysis. A second experiment was, therefore, designed, in which the same subjects were asked to give numerical assessments of various aspects of the translations in a ten-point system. The choice of aspects to be assessed was guided, indeed determined, by the results of the first experiment. The aspects selected were the following: the semantic adequacy of the translation, the natural usage of Estonian in the translation, the emotional adequacy of the translation, the degree of the retention of rhythm in the translation. In addition, the subjects were requested to provide a numerical evaluation of their overall impression of the adequacy of the translation.

It is worth noting that the subjects, though far from being mathematically-minded, agreed that their impressions admitted of being rated on a numerical scale, provided, of course, that the approximate nature of the ratings was never lost sight of.

The results of the second experiment are presented in Tables 1 and 2.

Table 1 presents the average results over all the twelve subjects. What interested the author most, however, was the relation between the evaluations of the degree of the retention of rhythm and the emotional adequacy, on the one hand, and between either of these and the overall impression, on the other. The relevant data are presented in Table 2.

To express the strength of the relations under discussion, the traditional Pearson product-moment (linear) correlation coefficients were computed. The choice of this particular type of coefficient was justified by the fact that subjective evaluation ratings are generally considered to constitute an interval scale (or a fairly close approximation thereof) (Glass G.V., Stanley J.C., 1970, p. 10-11).

In all the three cases, the correlation proved to be fairly high. The value of r for the evaluations of the retention of rhythm and the overall impression is 0.683, for the evaluations of emotional adequacy and the overall impression - 0.654, for the evaluations of the retention of rhythm and of emotional adequacy - 0.831. Since the number of the pairs of figures compared was rather high - twelve

Table 1

Average evaluation of the translations over all the subjects.
 (The evaluations are given in a 10-point system.)

	'Sajo' earlier translation	'Sajo' later translation	'Dorian Gray' earlier translation	'Dorian Gray' later translation
Overall impression	6,3	6,3	6,6	8,8
Semantic adequacy	4,8	6,7	6,3	8,2
Natural usage of Estonian	4,8	8,7	5,7	8,3
Emotional adequacy	7,0	6,3	6,8	7,4
Rhythm	7,8	5,1	6,5	7,2

Table 2

Input data for correlational analysis.
 (The evaluations are given in a 10-point system.)

Overall impression	6	7	8	7	5	10	7	6	7.5	7.5	6	4	6	5	7	9	6	8	7	9	7	8	8	10
Emotional adequacy	7	4	8	7	6	10	9	10	8	7	8	4	8	3	5	8	8	7	8	8	9	7	6	8
Rhythm	6	5	7	7	5	10	9	7	7.5	6	8	5	7	5	6	8	7	6	8	9	9	6	7	8

Overall impression	5	7	8	9	7	7	5	9	5	6	7.5	9	6	4	8	5	6.5	8	5	9	8	7	6	7
Emotional adequacy	6	7	8	8	8	7	5	9	7	3	6	8	8	5	9	5	8	8	5	10	8	7	7	5
Rhythm	7	6	9	10	8	7	5	9	8	5	7	8	8	5	8	5	7	8	5	10	7	6	6	5

subjects' evaluations of four translations, i.e. 48 figures all in all, which gives the value 46 for N - all the values of the coefficients are statistically significant on the level of significance $\alpha < 0.001$.

Particularly strong, as was to be expected, is the relation between rhythm and emotional adequacy ($r = 0.831$). The other two coefficients indicate an obvious yet not very strong relationship. The respective coefficients of determination - r^2 - have the values $0.683^2 \approx 0.466$ and $0.654^2 \approx 0.428$. This means, roughly, that 46.6. per cent of the overall impression is determined/caused by rhythm and only 42.8 per cent by emotional adequacy, the latter two factors being, as was already mentioned, closely interrelated, indeed almost overlapping. Strictly speaking, correlation itself never shows causal relations but only covariation (Ibid., p. 122). That we have a causal relation between rhythm and the overall impression can be deduced from the results of the first experiment. As for the relationship between rhythm and emotional adequacy, this also seems causal, yet the direction of the causal relationship is by no means unambiguous. It is more likely that between these two aspects there is close interaction and mutual contribution.

Finally it should be mentioned that in addition to the subjective evaluations we asked three competent persons to mark heavy stresses, secondary stresses and (short) pauses in English and Estonian texts. The results are amazingly uniform, the degree of agreement between the experts approximately 90 per cent.

On the basis of these data it is possible to compute an objective index of the degree of the retention of rhythm. The analysis can be based on the length of prose feet. A prose foot can be roughly defined as a stretch of text between two short pauses. A foot usually carries one heavy stress (Tempest N.R., 1930, p. 18). In computing, the duration of the syllables in Estonian should be taken into account, whereas in English only the number of syllables is of any consequence (cf. Burling R., 1966, p. 1420).

The method of computing the standard deviation of foot lengths can be used. A low value of this parameter, especially within the limits of clauses, can serve as an indication of fluent rhythm.

Preliminary computations indicate that this methodology yields results which correspond fairly closely to the subjective evaluation. A full report of the results obtained will be provided in the next article of the series.

R E F E R E N C E S

- Burling R. The Metrics of Children's Verse. A Gross Linguistic Study // American Anthropologist. - 1966. - Vol. 68. - P. 1418 - 1441.
- Cluysenaar A. Introduction to Literary Stylistics. - 1976. - London: B.T. Betford Ltd.
- Glass G.V., Stanley J.C. Statistical Methods in Education and Psychology. - 1970. - Englewood Cliffs, New Jersey, Prentice Hall.
- Johnson-Laird P.N. Mental Models. - 1983. - Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Kadota S. The Role of Prosody in Silent Reading // Language Science. - 1987. - Vol. 9. - N. 2 (66). - P. 231 - 267.
- Nida E.A. Toward a Science of Translating. - 1964. - London.
- Potter S. Our Language. - 1985. - Penguin Books.
- Tempest N.R. The Rhythm of English Prose. - 1930. - Cambridge: Cambridge University Press.
- Гиршман М.М. Ритм художественной прозы. - 1982. - Москва.
- Прево Ж. Стендаль. - 1960. - Москва.
- Приввин М. Журавлиная родина. - 1934. - Москва.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РИТМА КАК ОДНОГО ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ФАКТОРОВ АДЕКВАТНОСТИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРЕВОДА ПРОЗЫ (С АНГЛИЙСКОГО НА ЭСТОНСКИЙ) (I)

К. Соосмере

Р е з ю м е

На основе анализа литературы, в том числе результатов психолингвистических экспериментов, в статье показывается значение ритма в эстетике литературной прозы. Выдвигается гипотеза о том, что сохранение ритма является одним из важнейших факторов, определяющих адекватность перевода литературной прозы. Гипотеза проверяется и подтверждается в двух экспериментах, в которых испытуемые сравнивают разные переводы на эстонский одних и тех же английских текстов. В статье также намечается путь к объективному измерению степени сохранения ритма в переводе: а именно, метод сравнения стандартных отклонений длин речевых тактов ("стоп прозы"). Результаты, полученные с помощью данного метода (которые в значительной степени совпадают с оценками испытуемых), будут подробно изложены в следующей статье серии.

BALTISCHDEUTSCHE SPRACHVARIANZ IN ESTLAND UND
LETTLAND IM XVII. JH.

Koidu Uustalu

Im 13. Jh. eroberte der Schwertbrüderorden Livland, Lettland und Estland, darauf erfolgte die gewaltsame Missionierung der Bevölkerung in diesen Gebieten. Nordestland unterlag zur gleichen Zeit den Dänen. Nachdem Dänemark ihre Besitzungen 1346 an den Orden verkauft hatte, gehörte die politische Macht dem Orden und den Bischöfen. Durch den livländischen Krieg (1558-1561) wurde diese Macht gebrochen, Estland wurde zwischen Polen, Schweden und Dänemark geteilt, Lettland (mit Livland) zwischen Polen und Dänemark. Ab 1625 gehörte das Estländische Festland, ab 1645 auch die dazugehörenden Inseln zu dem schwedischen Königreich, ab 1629 war auch Lettland unter die schwedische Krone gekommen - außer dem östlichen Teil.

Sprachlich hatte sich die Situation in Estland und Lettland folgenderweise herausgebildet. Die deutschen Erbauer im 13. Jh. kamen vorwiegend aus dem nördlichen Teil des deutschen Sprachterritoriums und benutzten niederdeutsche Dialekte. Es wird angenommen, daß vom 14. Jh. an eine sprachliche Ausgleichsform (Mittelhochdeutsch (Mhd.), seine Lübecker Variante) als mündliche und auch als schriftliche Verkehrssprache galt. Nach dem Untergang der Hanse im 16. Jh. wurde auch die Hansesprache, d.h. Mittelhochdeutsch aus der schriftlichen Kommunikation verdrängt, an seine Stelle trat das Hochdeutsche, d.h. das Frühneuhochdeutsche (Frnhd., frnhd.). In der mündlichen Kommunikation bewahrte das Mnd. seine Stellung bis zum Ende des 18. Jh. (vgl. Uustalu, 1985, S. 81 ff.). Im 16. Jh. kann zur sprachlichen Situation im Baltikum folgendes festgestellt werden. Wenn man an das Schema Literatursprache - Umgangssprache - Dialekte hält, fehlt hier ein Teil, und zwar die Dialekte. Eine deutsche Bauernkolonisation hatte es nicht gegeben und die Landleute waren Esten, Liven, Letten, die die Dialekte der Landessprachen in der Kommunikation benutzten. Als Umgangssprache diente hauptsächlich noch das Mnd., besonders in der privaten Sphäre. Es ist anzunehmen, daß es davon mehrere, vom Hd. mehr oder weniger beeinflusste Varianten gab. Im schriftlichen Verkehr herrschte das Hochdeutsche vor, doch - wie

die Sprachdenkmäler beweisen - mit nd. Elementen durchflochten. Im folgenden wird die Lexik in einigen Urkunden und in zwei Büchlein über die Landwirtschaft jener Zeit näher betrachtet. Das Ziel dabei ist, festzustellen 1) inwieweit der baltischdeutsche Wortschatz in den durchgesehenen Sprachdenkmälern sein eigenes Gepräge hat, 2) ob es auch innerhalb des Baltischdeutschen jener Zeit lexikalische Unterschiede gibt, die durch den funktionalen Gebrauch bedingt sind.

1) Übereinstimmungen mit dem Frnhd. in der lautlichen Gestalt der lexikalischen Einheiten:

Haßer (Bfl. 2, 1680, S. 869) 'Hafer', mhd. habere, haber (Lexer)

die Stimme ist heisch (A, 1688, S. 166) 'heiser', eine ältere md. Nebenform von heiser (Paul)

treugen lassen (A, 1688, S. 205) 'trocknen', frnhd. treuge 'trocken' (Paul)

der Frau wittiben (Bfl. 2, 1672, S. 817), eine ältere Nebenform von Witwe (Paul)

2) Lexeme, die im Nhd. ihre Bedeutung verändert haben: das Wasser ist böse (A, 1688, S. 83) 'schlecht', der bösen Landen (L, 1662, S. 29) 'minderwertig', schlecht', Paul: böse - Grundbedeutung: gering, wertlos, jetzt verdrängt, vgl. nhd. böse 'sittlich schlecht, Unheil bringend, widerwärtig, entzündet, wütend, aufgebracht'

Bettgewand (Bfl. 2, 1680, S. 968) 'Bettleinen; Bettwäsche', mhd. gewant 'Gewandstoff, Zeug' (Lexer), vgl. nhd. Gewand 'Kleid, Anzug'

Jaglinie (A, 1688, S. 115) 'Lenkseil' (Gutzeit), mhd. linie (lat. linea 'Leinen, leinene Schnur, Netzschnur, Netz, Strich') (Lexer), nhd. Linie 'längerer Strich'

wann ein Rohr ('Gewehr') vom Künstler verdorben ist (L, 1662, S. 112) 'vom Zauberer', mhd. kunst 'Wissen, Kenntnis, Weisheit', (Lexer), Paul: zunächst 'Wissen, Wissenschaft, so auch im Frnhd.; mnd. kunstener, kunster 'einer, der Geheimmittel weiß' (Sch-L); nhd. schöpferisch gestaltete Widerspiegelung der Realität und die dadurch geschaffenen Werke; das Können auf einem Gebiet'

die ledigen Immen=Stöcke (A, 1688, S. 187) 'leere', ledige Ähren (L, 1662, S. 85) 'leere' (Paul), nhd. ledig 'frei, unverheiratet'

im alten Licht, im neuen Licht (A, 1688, S. 11), nach dem vollen Licht (L, 1662, S. 16) 'Mond', Gutzeit: Licht 'Mond-

licht od. Mond', Paul: jünger ist die Verwendung von Licht für einen leuchtenden Gegenstand, vgl. Gott machte zwei große Lichter, ein groß Licht, das den Tag regiere, und ein klein Licht, das die Nacht regiere, Luther (Paul, S. 375), nhd. Licht 'Helligkeit, Strahlung; Lichtquelle' wegen ihrer zugesagten Mitgabe od. Brautschatz (Bfl. 2, 1648, S. 618) 'Aussteuer, Mitgift', mhd. mitgabe 'Mitgift' (Lexer), nhd. der Braut eine Aussteuer mitgeben zu seiner Nothdurfft (L, 1662, S. 44), das Getreydig und andere Nothdurft (Bfl. 2, 1600, S. 216) 'das, was für Befriedigung der dringenden Bedürfnisse erforderlich ist' (Paul), nhd. die N. verrichten 'Darm oder Blase entleeren'

3) Lexeme, die im Nhd. nicht mehr üblich sind:

daß der Geruch und Fradem in die Müstern steige (A, 1688, S. 145) 'Dunst', mhd. Verb vrademem 'dunsten, duften' (Lexer)

die Kleet od. Korn=Haus (A, 1688, S. 92) 'Kornspeicher', mhd. kornhūs 'Kornspeicher' (Lexer)

an ihren nächsten Magen (Bfl. 1, 1645, S. 252) 'Verwandten', mhd. mac, (magen), mäge 'blutsverwandte Person in der Seitenlinie' (Lexer)

an Herren Vaterbrüder (Bfl. 2, 1677, S. 844) 'Vetter' (Paul)

M.M. Guchmann u.a. stellen fest, daß die deutsche Literatursprache im 17. Jh. wieder stärkere Einflüsse des Lateins, aber auch des Französischen bezeigt (Гyxман, 1984, c. 119), was auch für die durchgesehenen baltischdeutschen Texte gilt.

actum Reuall (Bfl. 1, 1600, S. 220) 'verhandelt', Schlußformel in mittelalterlichen Urkunden

actum ut supra (Bfl. 1, 1600, S. 214) 'verhandelt wie oben', Schlußformel in mittelalterlichen Urkunden

aus schwägerlicher Affection (Bfl. 2, 1686, S. 918) 'Gunst, Wohlwollen'

anno im 1600 Jahre (Bfl. 1, 1600, S. 220)

in der Application (A, 1688, S. 219) 'Anwendung'

in untergeschriebnem Dato (Bfl. 1, 1608, S. 236)

früher als ordinäri (L, 1662, S. 94) 'gewöhnlich', lat. ordinarius 'ordnungsmäßig, gewohnheitsmäßig, gewöhnlich'

auf Persuasion guter Freunde (Bfl. 2, 1676, S. 839) 'auf Überredung', lat. persuasio 'Zureden'

Postscriptum in margine (Bfl. 2, 1679, S. 857), lat. in margine 'am Rand'

am Sonntag Quasimodogeniti (Bfl. 2, 1688, S. 936) 'der erste Sonntag nach Ostern', lat. quasimodogeniti 'wie die eben geborenen Kinder'

die Sache in totum (Bfl. 2, 1645, S. 553) 'gänzlich'

wegen rühmlicher Conduite (Bfl. 2, 1678, S. 854) 'Betragen, Verhalten', fr. conduite 'Betragen, Führung, Lebensart'

ein sattsames Contentement (Bfl. 2, 1687, S. 927) 'völlige Zufriedenheit', fr. contentement 'Zufriedenheit, Einverständnis'

1 Rthlr. courant (Bfl. 2, 1686, S. 919) 'ein vollwertiger Reichstaler', Kurant, courant, Korrent 'Währungsmünze, die in ihrem Land unbeschränkte Zahlkraft hat und ihren Wert vollständig in ihrem Stoff (Gold, Silber) trägt' (fr.) seine Fortün an anderen Örter zu suchen (Bfl. 2, 1687, S. 926) 'Glück', fr. fortune chercher 'sein Glück suchen'

Die untersuchte Lexik wird von zahlreichen Entlehnungen eigens geprägt. Die Tendenz, den Wortschatz der deutschen Sprache durch Lexik aus anderen Sprachen zu bereichern, ist wohl für das 17. Jh. charakteristisch (Гyxман, 1984, c. 141), doch ist das entlehnte Wortgut im Baltischdeutschen aus anderen Sprachen übernommen als in Deutschland. Da die Zahl der Entlehnungen wirklich sehr groß ist, wird im folgenden nur eine Auswahl davon zu vier thematischen Bedeutungsgruppen angeführt, wobei es sich um eine Lexik handelt, die im 19. Jh. nicht mehr allgemein gebräuchlich war (s. Sallmann, 1877).

Natur

bis auf einen Arro-Heuschlag (Bfl. 2, 1647, S. 599) 'eine etwas hochgelegene, trockene, auch mit Gesträuch bewachsene Gegend' (Gutzeit), estn. aruheinamaa

im drallen Strom (A, 1688, S. 4) 'im reibenden Strom', mnd.

drall zu drillen 'umhertreiben, rollen, drehen (Sch-L)

welcher in einem Fliess belegen (Bfl. 2, 1652, S. 619), an

das Fliessgen (Bfl. 2, 1675, S. 833) 'Fluß, Flübchen',

flieesz, gebildet neben flusz: flieB 'ein kleines Wasser',

flusz 'das grössere' (Grimm)

noch einen Heuschlag im Gebröchte (Bfl. 1, 1605, S. 229), in

den Gebrechten (L, 1662, S. 33) 'im Sumpf', mnd. gebrokede,

gebrukede 'Sumpf' (Sch-L)

in den Gesipten (L, 1662, S. 33) 'Sümpfen' (Gutzeit)

Grant (A, 1688, S. 173) 'Kies' (Gutzeit, Paul), im grandigen

Land (A, 1688, S. 28) 'im Kiesgrund'

keine Holzung oder Busch (Bfl. 2, 1688, S. 943) 'kein Wald',
mnd. holtink 'Gehölz, Holznutzung' (Sch-L)

im Rhött (A, 1688, S. 110) 'im Schilfrohr', mnd. rēt, reit
'Schilfrohr' (Sch-L)

(auf einem Kreuzstein) an einer steinrusen (Bfl. 2, 1647, S.
591) 'an einem Stein', mnd. stēnrose 'Fels, Felsenhang'
(Sch-L)

Haushalt und Garten

der Angel geht bei ihnen (Bienen) verlohren (wenn sie einen
gestochen haben) (L, 1662, S. 103) 'Bienenstachel' (Sch-L)
die Saat wohl kümet (nhd. kient) oder äuet (L, 1662, S. 22)
eines Tellers oder Brikken groß (L, 1662, S. 74), mnd. bricke
'Scheibe, um etwas darauf zu setzen oder um damit zu spie-
len' (Sch-L)

Knütwerk (A, 1688, S. 38) 'Strickarbeit', mnd. knutten 'knüp-
fen, stricken' (Sch-L)

lassen sich selbige (Erbsen) nimmer wol zureiben oder mosen
(L, 1662, S. 85) 'pürrieren', mnd. mōs 'Kohl, Gemüse, breiar-
tige Speise' (Sch-L), mosen 'in Mus zergehen (Erbsen mosen)'
(Gutzeit)

Garten weden (A, 1688, S. 23) 'jäten', mnd. weden, weiden
'jäten, Unkraut ausraufen' (Sch-L), vgl. man muB den Flachs
wol weden, so bald der Saamen und Stengel gelbreif (A, 1688,
S. 26) '(Flachs) ausraufen'

Wehrt (L, 1662, S. 69), den Wärt (L, 1662, S. 70) 'Bierwür-
ze', mnd. werte, wert 'Würze, d.i. die aus Malz und Hopfen
bereitete Flüssigkeit, welche durch Gärung in Bier übergeht'
(Sch-L)

Krankheiten und Heilkunst

Hauptflüsse (A, 1688, S. 198) 'Kopfschmerzen', zum flüssigen
Häupte dienlich (A, 1688, S. 211) 'hilft gegen Kopfschmer-
zen'; flüssig 'rheumaticus, calanbo fluens', daz haupt wirt
flüjjich (Grimm)

Kopffsetzer (A, 1688, S. 169) 'Schröpfer', mnd. kopp
'Schröpfkopf' (Sch-L)

wer viel prustet, der soll Essig riechen (A, 1688, S. 203),
mnd. prūsten 'niesen' (Sch-L), 'stark niesen' (Wiedemann)
vom Soot geplaget (A, 1688, S. 204) 'schwachsinnig', mnd. sot
'schwachsinnig, irrsinnig; Narr, Tor' (Sch-L)

Soziale Schichtung auf dem Lande

oder seinen Amtmann, Cubjas oder Schilter dahinsenden sollen
(Bfl. 2, 1696, S. 1009) 'Gutsverwalter' (Gutzeit)

unter die buten Lüde gerechnet werden (Bfl. 2, 1688, S. 943)
'die Fremden', mnd. buten 'außerhalb', butenman 'Fremder'
(Sch-L)

ein HauBmann (L, 1662, S. 1) 'Bauer', mnd. hūsman 'Bez. eines Landmanns, Bauern' (Sch-L)

der Verwalter (hopman) (Bfl. 2, 1685, S. 916), vgl. Hofmann
'Verwalter eines großen Landgutes' (Gutzeit)

auch dem Karius ... eine Kanne Bier zum Drankgelde gegeben
(Bfl. 2, 1655, S. 706) 'Viehhüter', estn. karjus, vgl. vor
der Karje Pforti (in Reval) (Bfl. 2, 1659, S. 726)

durch die vndutschen lötte (Bfl. 2, 1653, S. 674) 'Bauern und
Gutsgesinde, die keine Deutschen sind', mnd. lüt, liut 'Leute,
abhängige Leute jeder Art' (Sch-L)

Aus dem Vergleich der baltischdeutschen Urkundensprache mit der der landwirtschaftlichen Büchlein ergibt sich, daß auch dort gewisse Unterschiede vorhanden sind. Die Lexik der juristischen Texte ist vor allem von lateinischen Wörtern geprägt, die Fachtermini oder Halbtermini sind. Das stimmt völlig mit der Tendenz zur Vergrößerung des Fachwortschatzes in der deutschen Sprache überein (Гyxман, 1984, c. 141). Es wäre von Interesse, die lateinischen Termini in den baltischdeutschen Urkunden mit dem analogischen Wortschatz in der deutschen Sprache zu vergleichen. Kaum, daß die Variation auffallend stark wäre! Öfters sind lateinische Wörter mit Erklärungen versehen oder sie bilden mit bedeutungsnahen deutschsprachigen Wörtern Wortpaare, was darauf hinweisen könnte, daß sie noch nicht als allgemein bekannte juristische Termini fungierten.

von unseren Antecessoren und Vorfahren (Bfl. 1, 1612, S. 244)
'Vorgängern', lat. antecessor pl. 'Pioniertruppen', nhd. Antecessor 'Amtsvorgänger'

mit Consens und gutem Wissen und Willen (Bfl. 1, 1600, S. 220), lat. consensus '(heimliche) Einwilligung'

die Sache decidieren und erörtern soll (Bfl. 1, 1645, S. 259) 'entscheiden', nhd. dezidieren 'entscheiden' (lat.)

auch alle Expensen und Schäden (Bfl. 1, 1614, S. 251) 'Auslagen, Kosten', lat. expendere 'bezahlen, zahlen, Geld ausgeben'

ihre Urteil zu reassumiren, de novo zu besichtigen (Bfl. 2, 1645, S. 554)

Termini des feudalen Rechts sind wahrscheinlich:
alle Beneficien und Begnadigungen der Rechte (=Privilegien)

(Bfl. 1, 1608, S. 234) 'Vergünstigungen' (lat.)
in puncto der begehrten Restitution in integrum (Bfl. 2,
1647, S. 585) 'Wiederherstellung', lat. in integrum resti-
tuere 'wiederherstellen'

Auch die Hierarchie der Gerichtsbehörden ist im Latein
gegeben:

in prima instantia (Bfl. 2, 1645, S. 554) 'erstinstanzlich'
in secunda instantia (Bfl. 2, 1645, S. 554) 'zweitinstanz-
lich'

wegen der dritten begehrten Instantiam (Bfl. 2, 1648, S. 610)
'drittinstanzlich'

In der Urkundenlexik wird auch die Tatsache berück-
sichtigt, daß das Land der schwedischen Krone untertan war.
unter Bootsmannsrecht (bäntzmannshollet) (Bfl. 2, 1685, S.
913)

adlicher Besitz (frälse) (Bfl. 2, 1685, S. 912)

den Freibauern (frälsebönder) (Bfl. 2, 1685, S. 915)

ein Adlicher (frälseman) (Bfl. 2, 1685, S. 912)

die alten Landbücher (Jorde-Böcker) (Bfl. 2, 1685, S. 916)

Die landwirtschaftlichen Büchlein behandeln Probleme
aus der dinglichen Umwelt, deshalb finden sich dort Lexe-
me, die wahrscheinlich aus der damaligen Umgangssprache
herstammen. An die wissenschaftliche Literatur jener Zeit
erinnern Zitate im Latein.

Aus dem obenbehandelten ergibt sich, daß die baltisch-
deutsche Lexik im 17. Jh. eigenartig geprägt war und sich
von der literatursprachlichen Norm jener Zeit unterschied.
Zwischen einzelnen sprachlichen Gebrauchssphären sind die
Unterschiede nicht so eindeutig festzustellen.

Q U E L L E N M A T E R I A L I E N

- Bfl. 1 Ehst- und Livländische Briefflade. B. I, II. Abtei-
lung. Hrsg. v. E. Pabst, Baron R.v.Toll. Reval, 1861.
Bfl. 2 Ehst- und Livländische Briefflade. B. II, II. Abtei-
lung. Hrsg. v. E. Pabst, Baron R.v.Toll. Reval, 1864.
A Gubertus, S. Stratagema oeconomicum oder Akker=Stu-
dent. Riga, 1688.
L v. Neidenburg, J.H. Liefvländischer Landman. Riga,
1662.

- Das Große Brockhaus. Leipzig, 1928-1935.
- Großes Fremdwörterbuch. Leipzig, 1979.
- Grimm, J., Grimm, W. Deutsches Wörterbuch. Leipzig, 1854-1956.
- Gutzeit, W. Wörterschatz der Deutschen Sprache Livlands. Riga, 1859-1889.
- Kann, K. Prantsuse-eesti sõnaraamat. Tallinn, 1959.
- Klappenbach, R., Steinitz, W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Berlin, 1978.
- Kleis, R., Torpats, Ü., Gross, L., Freymann, H. Ladina-eesti sõnastik. Tallinn, 1986.
- Lexer, M. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. Leipzig, 1943.
- Paul, H. Deutsches Wörterbuch. Halle (Saale), 1959.
- Schiller, K., Lübber, A. Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bremen, 1875-1881.
- Sallmann, K. Lexikalische Beiträge zur deutschen Mundart in Estland. Leipzig, 1877.
- Uustalu, K. Niederdeutsches Substrat im baltischdeutschen Lautbestand des 17. Jh. In: Linguistica. Tartu, 1985.
- Wiedemann, J.W. Estnisch-deutsches Wörterbuch. Tallinn, 1973.
- Гухман М.М., Семенюк Н.Н., Бабенко Н.С. История немецкого литературного языка XVI-XVII вв. Москва, 1984.
- Домашнев А.И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. Ленинград, 1983.
- Уусталу К.Й. Вариативность немецкого языка XVII века в Эстляндии и Лифляндии. В: Вариативность в германских языках. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной конференции. Часть II. Калинин, 1988.

ВАРИАТИВНОСТЬ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА XVII-го ВЕКА В ПРИБАЛТИКЕ

Койду Уусталу

Р е з ю м е

В балтийско-немецком языке было много общего с немецким языком, употребляемым в Германии, но в то же самое время он имел свою местную специфику. Это обстоятельство дает право назвать его региональным вариантом немецкого языка. В статье рассматриваются некоторые памятники в XVIIом веке, когда влияние средненижнемецкого заметно, особенно в лексике, где отражается также влияние других с балтийско-немецким контактирующих языков. В статье изучены некоторые юридические документы того времени и сельскохозяйственные тексты. Немецкий язык в Прибалтике уже в XVIIом веке не был однородным. Его вариативность зависела от говорящих-пишущих, от адресата, текста и т.д. О вариантах внутри языка в рассмотренных памятниках относительно мало данных.

ОБ ОДНОЙ РАЗНОВИДНОСТИ ОНОМАТОПОВ
(тоновые "послеударные" инстанты-континуанты с долгим
гласным или дифтонгом без ауслаута)

Э.А. Вельди

В универсальной классификации онomatопов или звукоподражательных слов, разработанной С.В. Ворониным (Воронин, 1982, 1983) тоновые "послеударные" инстанты-континуанты (тип X) обозначают удары с вызванными ими последующими тоновыми ударами. Характерным звучанием этого типа является звонкий, звенящий удар.

Квалитативными элементами звенящих ударов являются удар и тоновый неудар. Первый компонент звучания - удар - передается на лингвистическом уровне с помощью взрывных фонем (прямое отражение удара) и в английском языке дополнительно также с помощью аффрикаты в начальной позиции онomatопа (аппроксимированная передача удара). Второй компонент звучания передается с помощью 1) сонорных носовых фонем /m, n, n', ŋ /; 2) сонорного латерального /l' / - в английском языке он имеет ограниченное распространение и встречается лишь в трех онomatопах подтипа б) knill, knell и knoll.

Внеязыковой порядок следования квалитативных элементов (удар с последующим тоновым неударом) отражается также на лингвистическом уровне - в ауслауте взрывной согласный, который передает ударность звучания, а сонорный, отражающий тон, как правило, стоит в ауслауте.

Тоновые "послеударные" инстанты-континуанты подразделимы на два подтипа - подтип а) краткие и подтип б) длительные - на основании того, является ли вызванный ударом резонанс кратковременным, быстро затухающим или же длительным и медленно затухающим.

Краткость резонанса (подтип а) передается совместно сочетанием двух компонентов ауслаута - тоновостью сонорного и следующим за ним взрывным, который выполняет обрывающую роль.

Длительный резонанс (подтип б) передается сонорным без наличия обрывающего взрывного в составе онomatопа.

Примеры:

Подтип а) краткие

Англ. TINK - издавать высокий краткий звенящий удар (об ударе легкого предмета по резонирующему металлу); производить легкие взрывы (об искрах в дымоходе); TWINK - издавать легкий звенящий чистый звенящий звук с резким затухани-

ем; (диал.) зяблик; PLUMP - тяжело падать (с быстро затухающим резонирующим ударом); упасть с всплеском в воду; CHINK - краткий звенящий звук с резким затуханием (о легком столкновении металлических или небольших звенящих тел, как монет или фарфоровой посуды); зяблик; овсянка.

Эст. TUMPSuma - издавать приглушенные удары (топором, о топоте ног, копыт); TINKSuma - издавать отрывистые звенящие звуки при щипке струн музыкального инструмента (о каннеле); PÖNTSuma - глухо ударяться (об ударе мяча об пол, о глухих ударах ног в танце); KÖLKSuma - издавать высокие отрывистые звенящие удары (о бокалах, молотке, мече, лопате, ломе, цепи); звякать.

Подтип б) длительные

Англ. BAM - гулкий резонирующий удар (напр., о посадке самолетов на взлетно-посадочную палубу авианосца); PING - высокий звенящий удар от выстрела; детонация в двигателе; (диал.) звон от удара твердым предметом по металлу; SINGLE - издавать высокие повторные звенящие звуки от ударов (о бубенчиках на упряжи, о колокольчиках, о монетах в кармане); KNELL - звонить в колокол по усопшему.

Эст. PÖMMima - сильно ударять (кулаком по столу, в дверь); сильно ударять, стрелять из оружия; KLÖMMima - наносить сильные резонирующие удары (кулаком, особ. в дверь); TIN'N - высокий звенящий звук от натянутой струны или от легкого удара; KÖLisema - издавать высокий звон от удара (о бубенцах, бокалах, монетах, связке ключей).

В одной группе преимущественно английских тоновых "последударных" инстантов-континуантов гласный подвергается удлинению или же дифтонгизировался, напр., BOINK - (слэнг) наносить резкий резонирующий удар; BOING также BOYNG (слэнг) подражание шуму, производимому внезапно отпущенной пружинной; TWOING - (оказ.) низкий звенящий удар от стрельбы из рогатки. Подобное явление встречается также в эстонском ономатопе PLÖÖNima - наносить сильные звенящие удары (в дверь, окно, молотком). Удлиненный или дифтонгизированный гласный в таких ономатопах, по-видимому, подчеркивает звенящий характер звучания, а также подчеркивает интенсивность передаваемого звучания (Reynvoet, 1969, p. 108).

Нами выявлена возможность передачи звенящего удара с помощью взрывного согласного и дифтонга или долгого гласного (Вельди, 1988).

Примеры:

Англ. PTCN-E-E-E - (оказ.) подражание звуку выстрела; POW - (оказ.) подражание гулкому удару от выстрела; (оказ.) подражание удару ногой по игорному автомату; SPLOW - (оказ.) гулкий приглушенный удар от падения в воду; PTOW - (оказ.) подражание гулкому удару от выстрела; KTOW - (оказ.) подражание гулкому удару от выстрела; BLOOY - (оказ.) подражание гулкому удару от выстрела.

Если английские примеры имеют, как правило, окказиональный характер, то в эстонском языке эта разновидность ономапопов широко распространена. Примеры: PAU - длительный звон от удара большого колокола; PLIU - подражание удару кнутом; PLÄU - подражание гулкому удару; TOU - подражание тяжелому удару; PLAU - подражание гулкому удару (при закрытии двери); PIU-PAU также PIU ja PAU - подражание длительному звону от ударов колоколов; подражание звукам выстрелов; KLIU ja KLÄU - подражание звенящим ударам. Звукоизобразительное происхождение имеет, видимо, и эстонское слово KÕU - гром, гроза.

Эта разновидность тоновых "послеударных" инстантов-континуантов встречается также в японском языке. Примеры: G̃O-G̃O - грохот, громыхание, рев, гул (о волнах, потоке); P̃O-P̃O - с шумом, с грохотом, гулко (о тяжелых шагах, порывах ветра, струях льющейся воды, бушующих волнах и др.); T̃O-T̃O - быстро, стремительно (о течении воды).

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Вельди Э.А. Англо-эстонские параллели в ономапопее. Дисс. ... канд. филол. наук. - Тарту, 1988. - 388 с.
- Воронин С.В. Основы фоносемантики. - Л.: Изд во ЛГУ, 1982. - 244 с.
- Воронин С.В. Основы универсальной классификации ономапопов: (Ономапопее и фоносемантика). - В кн.: Фонетика-83: Материалы к X Международному конгрессу фонетических наук / авг. 1983 г. Утрехт (Нидерланды). - М., 1983. - С. 45-55.
- Reynvoet J.-P. Contribution à l'étude de l'onomatopée brute. - Travaux de linguistique. - 1969. - N 1. - P. 99-128.

ABOUT A VARIETY OF ONOMATOPESES
(CODALESS TONAL "POSTPULSE" INSTANTS-CONTINUANTS
WITH A LONG VOWEL OR DIPHTHONG)

Enn Veldi

S u m m a r y

The article discusses a variety of Tonal "Postpulse" Instants-Continuants (within the framework of the universal classification of onomatopes as worked out by S.V. Voronin) which has not been described so far, eg Eng. pow; Est. pau- 'the prolonged toll of a large bell'. It is likely that such onomatopes escaped the attention of researchers because the English onomatopes of this kind are mostly found in comics. Therefore, they have not been registered in dictionaries. In Estonian and Japanese, however, onomatopes of this variety are pretty common.

EIN NEUES LEHRBUCH DER DEUTSCHEN PHONETIK

Rezension zu: Rudolf Rausch / Ilka Rausch. Deutsche Phonetik für Ausländer. Ein Lehr- und Übungsbuch. - Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1988. - 404 S.

Dieses Lehr- und Übungsbuch wendet sich sowohl an Lehrer und Studenten, als auch Schüler, die Deutsch als Fremdsprache lernen. Das Buch will "dem interessierten Benutzer nicht nur die Aneignung einer Aussprache ermöglichen /.../, sondern ihm zugleich beim Erwerb eines fundierten Regelsystems helfen sowie Einsichten in Zusammenhänge und Abhängigkeiten vermitteln" (S. 11). Es umfaßt einen theoretischen Teil und einen praktischen Teil mit Beschreibungen, detaillierten Anweisungen und Übungen zu den einzelnen Problemen.

Man beginnt mit der Darstellung der physiologischen Bedingungen für die Lautbildung und der Beschreibung der Gemeinsamkeiten und Unterschiede bei der Artikulation von Vokalen, Diphthongen und Konsonanten. In einem besonderen Kapitel über den phonetischen Fehler werden die Ursachen und Arten der Fehler beschrieben, die zwangsläufig aus der Konfrontation einer bestimmten Muttersprache mit dem Deutschen ergeben. Es geht hier um die Schulung zum zielsprachgerechten phonetischen Hören und die Aufstellung von neuen artikulatorischen Stereotypen für die Aussprache. Im Mittelpunkt stehen dabei die Probleme des Akzents, der positionellen Besonderheiten (Assimilation, Reduktion der Endsilben), der Labialisierung u.a. Ausführlich werden die wichtigsten Mittel der Bewußtmachung phonetischer Fehler behandelt (Substitution, Kontrastierung, auditive und visuelle sowie taktile Bewußtmachung).

Im praktischen Teil werden die einzelnen Ausspracheprobleme im Deutschen der Reihe nach besprochen. Ein eigenes Kapitel ist dem Wortakzent, Aussprachsakzent und der Intonation gewidmet. Eingehend behandelt man die Akzentuierung in sachlich-neutraler Rede und im Kontrast, sowie die Intonation in Aussprüchen (Phrasen und Sätzen) auf der Basis der jeweiligen Akzentuierungsilbe oder -silben unter einem bestimmten kommunikativen Aspekt, z.B. Aussage, Aufforderung, Frage. Die dafür gültigen Regeln werden in Beispielen und Übungen zur Akzentuierung und Intonation deutscher wie fremder Wörter und deutscher Aussprüche angewendet.

Die Kapitel zu den Einzellauten beinhalten neben Lautbeschreibung auch Stellungnahme der Autoren zu den zu erwartenden Fehlbildungen und ihren Korrekturmöglichkeiten. Das sich anschließende Übungsmaterial ist stark detailliert. Die Übungen enthalten den jeweiligen Laut in all seinen Positionen sowie seinen Schreibungen, wobei das verwendete Wortmaterial zugleich auch morpho-syntaktische Belange berücksichtigt. So werden die Verben immer in einer konjugierten Form verwendet, das Genus der Substantive wird mit Hilfe von Artikelwörtern eindeutig bestimmbar usw. Besondere Aufmerksamkeit wird auf akzentlose vokalische Laute (schwachtoniges e, vokalisches r), auch Vokaleinsatz, Auslautverhärtung und Assimilation gelenkt.

In den Kapiteln, wo Korrelationspaare abgehandelt werden, werden Gegensatzübungen in Form von Sätzen angeboten. Die Übungen sind grammatisch-syntaktisch determiniert und thematisch gebunden. Die Kombination von phonetischen und grammatischen Erscheinungen in den praktischen Übungen hat den Vorteil, daß dadurch die Erlernung der richtigen phonetischen Gestaltung der zusammenhängenden, flüssigen Rede erleichtert wird.

Zur Veranschaulichung der Regeln und Anweisungen dient eine Fülle von Tabellen und Schemata, die dem Benutzer helfen, sich schneller zu orientieren. Doch wäre auch ein alphabetisches Sachregister zu wünschen, besonders weil analogische Probleme an verschiedenen Stellen behandelt werden.

Das Buch hat viel Nützliches für den Deutschlernenden zu bieten. Es verdient auch die Aufmerksamkeit aller derjenigen, die sich aus praktischem Anlaß oder theoretischem Interesse mit der Methodik des Phonetikunterrichts für Ausländer vertraut machen wollen.

Juhan Tuldava

НОВЫЙ УЧЕБНИК ФОНЕТИКИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Р е з ю м е

В рецензии рассматривается учебник, опубликованный в 1988 г. в Лейпциге (ГДР) издательством "Энциклопедия". Авторы - Рудольф Рауш и Илька Рауш - представляют на 404 страницах обширный теоретический и практический материал по проблематике изучения и освоения правильного произношения немецкого языка иностранцами. Особое внимание уделено специфическим трудностям немецкого произношения, в частности вопросам ударения и интонации, позиционным изменениям (ассимиляция, редукция конечных слогов), лабиализации и др. Подробно рассматриваются методы осознания фонетических ошибок (субституция, контрастирование, слуховая и визуальная проверка). В практической части приводятся многочисленные упражнения по отдельным звукам, звукосочетаниям, интонации и т.д., причем изучаемые явления рассматриваются в контрастных парах и в связанной речи. Правила и инструкции иллюстрируются таблицами и схемами. Книгу можно рекомендовать для студентов и учителей, а также для всех изучающих немецкий язык и желающих усовершенствовать свое произношение или интересующихся методикой преподавания немецкой фонетики иностранцам.

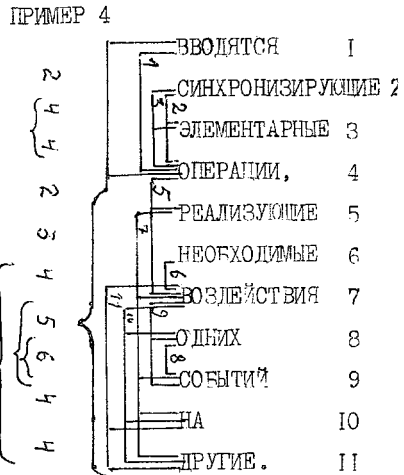
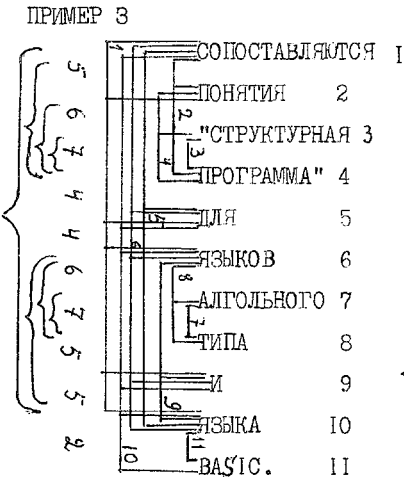
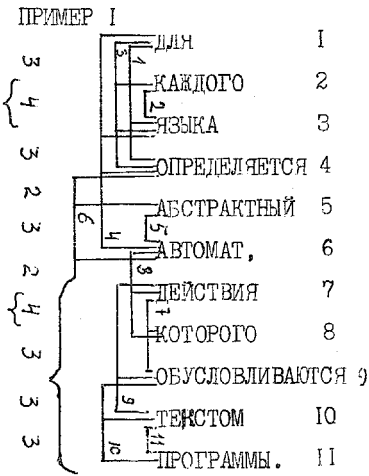
Юхан Тулдава

У Т О Ч Н Е Н И Е

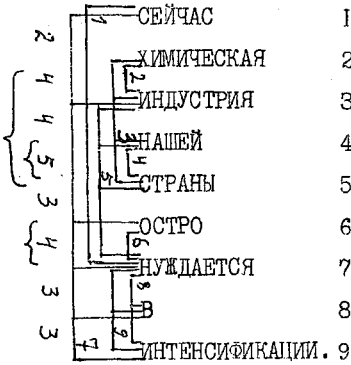
В статью В.И. Перебейнос "Типология минимальных единиц текста" в предыдущем выпуске сб. LINGUISTICA (Ученые записки Тартуского университета, 1988, вып. 838, с. 83-93) следует внести уточнения:

1) В конце с. 84 следует читать: г) входить в состав единиц более сложных, принадлежащих к более высоким уровням.

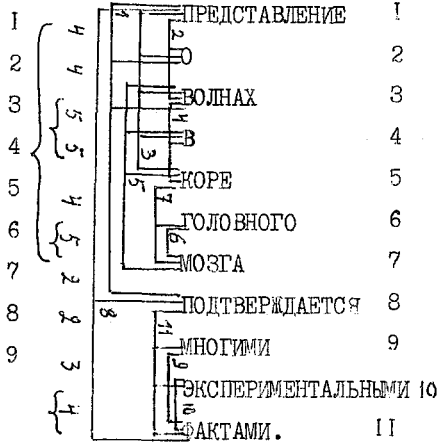
2) Иллюстративные предложения в конце статьи (с. 92) должны быть размечены следующим образом:



ПРИМЕР 5



ПРИМЕР 6



ПРИМЕР 7



SISUKORD - CONTENTS - INHALTSVERZEICHNIS

<u>Ariste, P.</u> Etwas über die schwedische Mundart von Reigi (In Deutsch)	3 - 5
<u>Golikova, N.</u> Die Kohärenzeigenschaften der nachgetragenen Komponente in der deutschen Sprache (In Russisch). - Resümee in Deutsch	6 - 15
<u>Golovinskaya O.</u> The Syntactic Characteristics of Affixal Verbal Derivatives in Modern English (In Russian). - Summary in English	17 - 24
<u>Gwosdowitsch, B.</u> Strukturelle Klassifikation der deutschen Anfangsgrapheme (In Russisch). - Resümee in Deutsch	25 - 36
<u>Ilja, M.-E.</u> Cohesion in Texts of Advertising (In English)	37 - 43
<u>Ivshin, V., Titova, L.</u> Neologisms with the Suffix -IN in Modern English and Their Translation (In Russian). - Summary in English	44 - 59
<u>Koptsev, I.</u> Zum terminologischen Charakter der Syntax der wissenschaftlichen Prosa (In Russisch). - Resümee in Deutsch	60 - 68
<u>Lepa, K.</u> Fraseologismen und Modalität des Textes (In Deutsch)	69 - 74
<u>Lepa, K., Terve, K.</u> Zum Metaphernverständnis bei Kindern (In Deutsch)	75 - 78
<u>Mirski, A., Balakirev, V.</u> Streckformen im Dienste der sprachlichen Kommunikation (In Deutsch)	79 - 85
<u>Müller, S.</u> "SAKSA" - "SÄCHSISCH" (Sprachliche Assoziationen und sprachliche Realität heute) (In Deutsch)	86 - 95
<u>Otsmaa, L.</u> Zu stehenden Redewendungen in der Livländischen Chronik von Balthasar Russow	96 - 103
<u>Podolskaya, L.</u> Constructions with Objective Verbs in English and Their Equivalents in Estonian (In Russian). - Summary in English	104 - 111
<u>Saluveer, M.</u> English Sentence Adverbs: Different Methods of Analysis (In Russian). - Summary in English	112 - 130
<u>Soomere, K.</u> A Statistical Analysis of Rhythm as One of the Key Factors of Adequacy of Literary Translations of Prose (from English into Estonian) (In English)	131 - 139
<u>Uustalu, K.</u> Baltischdeutsche Sprachvarianz in Estland und Lettland im XVII. Jh. (In Deutsch)	140 - 147
<u>Veldi, E.</u> About a Variety of Onomatopes (Co-daless Tonal "Postpulse" Instants-Continuants with a Long Vowel or Diphthong) (In Russian). - Summary in English	148 - 151
Rezensien:	
<u>Tuldava, J.</u> Rez. zu: <u>R. Rausch, I.</u> Rausch Deutsche Phonetik für Ausländer. - Leipzig: VEB Verlag Enzyklopadie, 1988	152 - 154
Correction	155 - 156

СОДЕРЖАНИЕ

<u>Аристрз П.</u> О шведском диалекте в Рейги (На немецком языке. - Резюме на русском языке)	3-5
<u>Голикова Н.Н.</u> Когезионные свойства присоединенного компонента (на материале немецкого языка)	6-16
<u>Головинская О.Ю.</u> Синтаксические характеристики аффиксальных глагольных дериватов в современном английском языке	17-24
<u>Гвоздович Б.Н.</u> Структурная классификация немецких заглавных графем	25-36
<u>Илья М.-Э.</u> Когезия в рекламных текстах (на материале английского языка) (На английском языке. - Резюме на русском языке)	37-43
<u>Ившин В.Д., Титова Л.В.</u> Неологизмы с суффиксом -in в современном английском языке и их перевод ..	44-59
<u>Копцев И.Д.</u> О терминологичности синтаксиса научной прозы (на материале философской прозы И.Канта)	60-68
<u>Лепя К.</u> Фразеологизмы и модальность текста (На немецком языке. - Резюме на русском языке) ...	69-74
<u>Лепя К., Терве К.</u> О понимании метафор детьми (На немецком языке. - Резюме на русском языке) ...	75-78
<u>Мирский А., Балакирев В.</u> Глагольно-субстантивные сочетания на службе языковой коммуникации (На немецком языке. - Резюме на русском языке) ...	79-85
<u>Мюллер С.</u> SAKSA - SACHSISCH: Языковые ассоциации и языковая реальность сегодня (На немецком языке. - Резюме на русском языке)	86-95
<u>Отсмаа Л.</u> Соматические фразеологизмы в Лифляндской хронике Балтазара Руссова (На немецком языке. - Резюме на русском языке)	96-103
<u>Подольская Л.</u> Конструкции с объектными глаголами в английском языке и их эквиваленты в эстонском.	104-III
<u>Салувеэр М.</u> О разных подходах к анализу вводных элементов в английском языке	112-130
<u>Соомере К.</u> Статистический анализ ритма как одного из ключевых факторов адекватности литературного перевода прозы (На английском языке. - Резюме на русском языке)	131-139
<u>Уусталу К.</u> Вариативность немецкого языка 17-го века в Прибалтике (На немецком языке. - Резюме на русском языке)	140-147
<u>Вельди Э.</u> Об одной разновидности ониматопов (тоновые "послеударные" инстанты-контингуанты с долгим гласным или дифтонгом без ауслаута)	148-151
Рецензии:	
<u>Тулдава Ю.</u> Фонетика немецкого языка для иностранцев. - Рец. на кн.: R. Rausch, I. Rausch. Deutsche Phonetik für Ausländer. - Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1988. (На немецком языке. - Резюме на русском языке)	152-154
<u>Уточнение</u>	155-156

Ученые записки Тартуского университета.
Выпуск 877.
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЛЕКСИКЕ И ГРАММАТИКЕ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ.
Linguistica 1989.
На разных языках.
Резюме на разных языках.
Тартуский университет.
ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Юликооли, 18.
Ответственный редактор Ю. Тулдава.
Подписано к печати 18.12.1989.
Формат 60x90/16.
Бумага писчая.
Машинопись. Ротапринт.
Учетно-издательских листов 9,75. Печатных листов 10,0.
Тираж 500.
Заказ № 909.
Цена 2 руб.
Типография ТУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Тийги, 78.